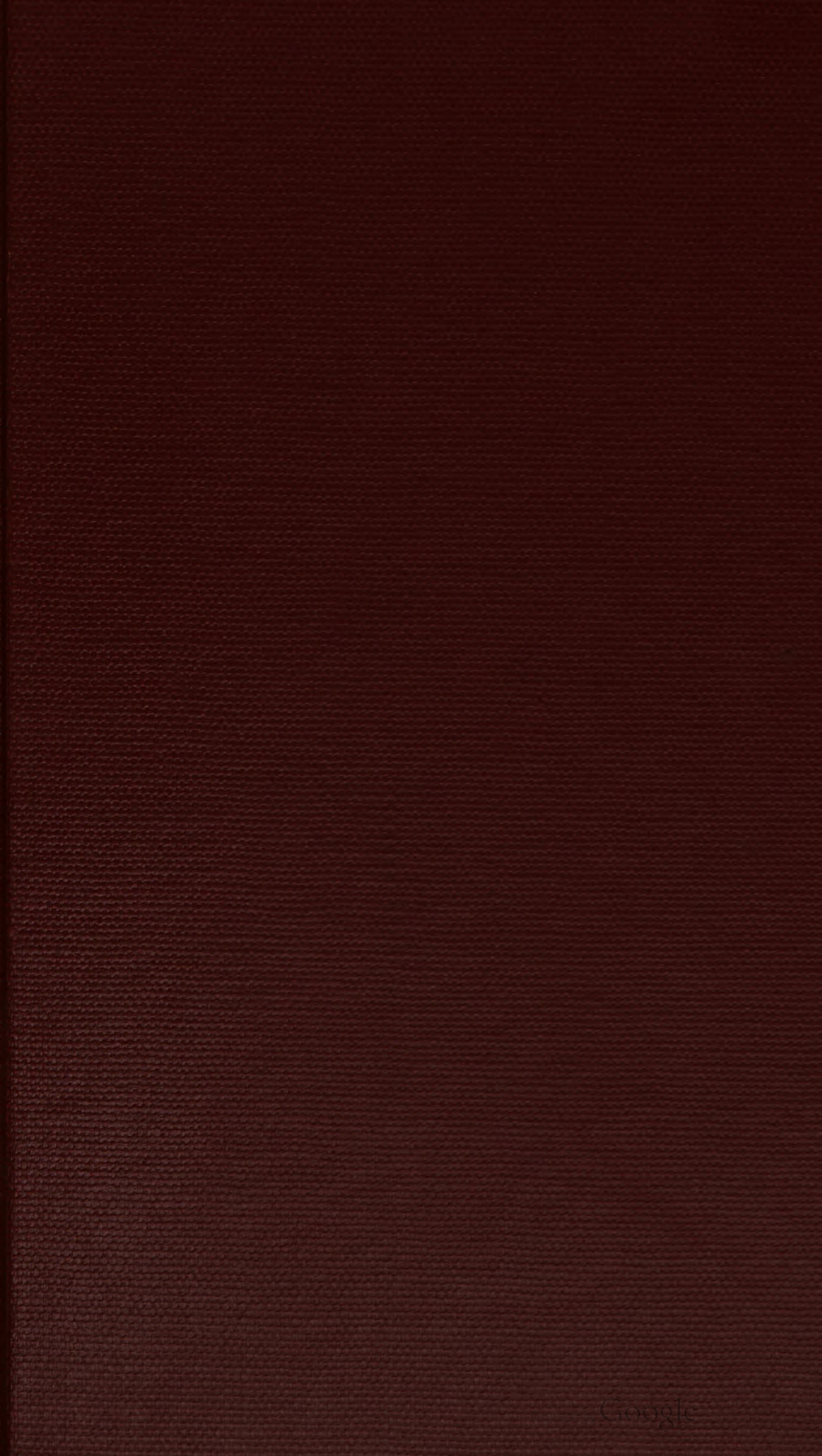

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ IV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1825.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Четвертой части.

Стран.

РѢЧЬ

О ИСКУСТВѢ МОРЕПЛАВАНІЯ,

читанная въ первое засѣданіе по учрежденіи Адмиралтейскаго Департамента 1805 году Августа 18 дня.

Учрежденіе и постановленіе на твердомъ основаніи Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, то есть мѣста, долженствующаго пещися о распространеніи или устроеніи всѣхъ принадлежащихъ къ мореплаванію наукъ и знаній, есть по истинѣ благотворное и многополезное дѣло, достойное Государя нашего Императора АЛЕКСАНДРА Перваго.

Онъ попечительною десницею своею положилъ сѣмя, да нѣкогда произрастетъ изъ него древо, всѣ многоразличныя части морскаго искуства, яко грозды, на вѣтвіяхъ своихъ держащее. Хотя не имѣю я никакой нужды, почтеннѣйшіе сочлены, изображать

предъ вами неизмѣримую искуства сего обширность, ибо оная и безъ меня вамъ извѣстна; но да потерпитъ благосклонность ваша краткое мое о томъ слово.

Посмотримъ на сію гордую, летающую по водамъ громаду, называемую кораблемъ: что она такое? искуственное животное, тысящею жизней одушевленное, изъ великаго множества крѣпкихъ дубовъ составленное, крылатое, изъ края въ край свѣта мчащееся, и стами мѣдныхъ гортаней огнь и смерть рыгающее! Представимъ себѣ первоначальное и нынѣшнее сего искуства состояніе: взглянемъ на человѣка плывущаго на доскѣ по лужѣ, и на флотъ попирающій свирѣпыя въ Океанѣ волны, или сражающійся посредѣ моря, или разрушающій каменныя стѣны, стрѣльницы и башни сопротивляющагося града.

Какое неимовѣрное умъ смертнаго претекъ разстояніе! Какой исполинской сдѣлалъ онъ шагъ отъ доски до корабля! Можно ли было достигнуть до сего въ краткое время и малыми трудами? Нѣтъ! ужасное поприще сіе ужасныхъ требовало и трудовъ и подвиговъ. Сколько пролито поту! сколько стараній, умствованій, заблужденій, поправокъ, вычисленій, измѣреній, наблюденій, опытовъ употреблено! Коликаго стеченія наукъ, искуствъ, ремеслъ, художествъ, ру-

кодѣлій, требуетъ мореплаваніе! Вникнемъ хотя мало въ обширность онаго; изчислимъ, буде возможно, хотя главныя его части.

Надлежитъ за нѣсколько вѣковъ впередъ помышлять о сбереженіи потребнаго къ тому лѣса, дабы нѣкогда въ первонужнѣйшихъ вещахъ своихъ оно не оскудѣло; надлежитъ знать и ростъ, и силу, и качество деревъ, и соки ихъ питающіе, дабы соображаясь съ употребленіемъ не излишно и не безвременно ихъ рубить; надлежитъ вникнуть въ удобность доставленія ихъ по рѣкамъ и озерамъ; надлежитъ пригнанные уже умѣть сохранять отъ поврежденія и гнилости; надлежитъ передѣлать ихъ въ разнообразные члены, и дать имъ приличныя кривизны, дабы составили они изгибистое тѣло корабля; надлежитъ сіи многочисленные и толстые пояса, доски, брусья, матицы, связи, расположить и соустроитъ такъ, чтобъ всѣ они, аки бы духомъ любви и согласія одаренные, общими силами и крѣпостію, противуборствовали ярости бурной стихіи, силящейся расторгнуть ихъ и разсыпать; надлежитъ, чтобъ составленное изъ нихъ зданіе, сей движущійся домъ, подобный утвержденнымъ въ хребтовой кости ребрамъ животнаго, не токмо соумѣщалъ въ себѣ необъятное количество тяжеловѣсныхъ вещей, но чтобъ при всей своей огром-

ности былъ купно и скоръ въ ходу, и легонъ на валахъ, и поворотливъ въ движеніяхъ, и красивъ собою, и покоенъ для житья, и грозенъ въ браняхъ. Все сіе не могло вдругъ сладиться и устроиться, но долженствовало медленно и мало по малу возрастать, присовокупляться и приходить въ совершенство. Науки, время, и труды, должны были обняться между собою, и произвесть сіе великое чудо.

Отъ общаго ихъ согласія и раченія произросъ на моряхъ сей лѣсъ судовъ; сіи кипы, носящіе въ утробахъ своихъ изобиліе и богатство изъ земель до толѣ не слыханныхъ; сіи крѣпости быстрѣе птицъ летающія, и свирѣпѣе драконовъ сражающіяся.

Какіяжъ науки способствовали мореплаванію къ возведенію его на степень величія? Почти всѣ безъ изъятія. Строгая математика углубила размышленія свои, да измѣритъ всѣ тѣла, всѣ поверхности, всѣ разстоянія, дабы странствующему во мракѣ плавателю подать свою не обманчивую, надежную руку. Мудрая астрономія открыла ему движеніе небесныхъ свѣтилъ, да бесѣдуя съ ними вѣдаетъ всегда и часъ и мѣсто пребыванія своего, посредѣ бездонныхъ, не объемлемыхъ взоромъ, пучинъ морскихъ. Хитрая Алгебра подала ему средство къ скорому добирательству до многосложныхъ

изысканій и трудныхъ выкладокъ. Мощная Механика облекла его бронею, одарила силою, и научила слабою рукою вращать и двигать превеликія тягости. Любопытная Физика изострила взоры ума его, да видитъ сокровенныя явленія природы, да разбираетъ свойства вещей, и да проницаетъ въ таинственную не удобозримую тѣлесными очами, связь оныхъ. Глубокоумствующая, и еще не совсѣмъ увѣренная въ проницаніи своемъ, Гидродинамика, устремила взоры свои на разсмотрѣніе законовъ жидкостей, да согласитъ съ ними образъ корабельнаго тѣла, и простерла руку свою на устроеніе подводныхъ оплотовъ и крѣпкихъ, силою вѣтровъ и волнъ не сокрушаемыхъ оградъ, для безопаснаго отъ бурь пристанища. Попечительная Гидрографія вмѣстѣ съ сотрудницею своею Лоціею, соблюдая точное положеніе пространныхъ береговъ морскихъ, соумѣстила ихъ на маломъ чертежѣ, и описала дно моря со всѣми его мѣлями и камнями. Трудолюбивое кораблестроеніе, и окомъ своимъ, сочетавающимъ различныя кривизны и погиби, и рукою своею, древодѣльными орудіями вооруженною, исчислило, измѣрило, изобрѣло, изыскало, примыслило разные роды судовъ, и каждому члену, каждому поясу, каждой доскѣ, опредѣлило и образъ и мѣру и твердое съ другими соедине-

ніе. Стройная Еволюція преподала свѣдѣнія, какимъ образомъ повинующимся вѣтру громадамъ симъ многимъ вмѣстѣ, страшнымъ и высокимъ, распуская широкія крылья свои, совокупляться въ строй, ходить, ворочаться, равняться между собою, какъ воинамъ въ полкахъ. Искусная Практика наставила управлять парусами, умѣть пользоваться вѣтрами и теченіями. Грозная артиллерія, соединясь съ осторожною Тактикою, научила владѣть пушками и орудіями, искать въ битвахъ преимущественнаго положенія, подступать съ слабѣйшихъ сторонъ подъ крѣпости, и воевать храбро и осмотрительно. Такимъ образомъ всѣ науки совокупно тщатся подавать свои пособія, и можно ихъ уподобить источникамъ или ключамъ, кои всѣ воедино сливаяся производятъ великую рѣку, называемую *искуствомъ мореплаванія*. Но однихъ наукъ недовольно было для разширенія сего едва предѣлы имѣющаго искуства. Надлежало, чтобъ наблюденія и опыты озарили его новымъ свѣтомъ; надлежало, чтобъ безпрестанныя плаванія открыли ему многія истины; надлежало, чтобъ другія частныя и многоразличныя искуства принесли ему также дань свою; надлежало, чтобъ разныя художества и рукодѣлія снабдили его всѣми потребными вещами и пособіями. Такимъ образомъ на-

грузка, или искуство грузить корабль, вникая как въ образъ подводной части его, такъ равномѣрно и въ вѣсъ, и въ качество, и въ количество вещей, наблюдаетъ основанный на правилахъ и примѣчаніяхъ порядокъ въ укладываніи груза внутри корабля. Такимъ образомъ щоглодѣліе или мачтмахерство, приставляя дерево къ дереву, и особыми способами своими сплачивая ихъ одно съ другимъ твердо и крѣпко, составляетъ для него сіи мачты, сіи стенги, сіи реи, посредствомъ коихъ распускаетъ онъ паруса свои. Такимъ образомъ парусное мастерство шьетъ для него сіи вѣтрила или крылья, на коихъ онъ летаетъ. Такимъ образомъ кузнечное художество куетъ для него якори, болты, бугели, и соединяя части его придаетъ къ крѣпости дуба крѣпость желѣза. Такимъ образомъ канатное дѣло пріуготовляетъ для него всѣ снасти и веревки. — Но кто изчислитъ все то, что объемлетъ собою искуство мореплаванія? Между тѣмъ каждое изъ сихъ многочисленныхъ художествъ или мастерствъ, не говорю уже о наукахъ, имѣетъ свою обширность, свои подробности, свои орудія, свои дѣйствія, свои правила, требующія для сужденія объ оныхъ не малыхъ въ томъ свѣдѣній и упражненій. Дабы сдѣлать себѣ достаточное о томъ понятіе, возмемъ изъ

нихъ одно какое нибудь, напримѣръ канатное дѣло, и вникнемъ въ нѣкоторыя токмо подробности онаго. Посмотримъ сколько заключается въ немъ нужныхъ къ свѣдѣнію вещей, когда хотимъ о семъ искуствѣ имѣть основательное познаніе. Сперва надлежитъ почерпнуть изъ опытовъ и примѣчаній, какимъ образомъ сіе растѣніе, изъ котораго дѣлается пенька, доводить до лучшаго качества. Потомъ какъ оное мочить, сушить, мять, очищать его отъ кострики, вязать и хранить. Потомъ какъ оное паки чесать гребнями, отнимать отъ него лапки, паклю, бородку; раздѣлять чистую пеньку на разныя доброты или руки; располагать какая изъ нихъ на какую пряжу употреблена быть долженствуетъ. Потомъ какъ изъ короткихъ волокнъ онаго составлять длинныя, не расползающіяся и гладкія нити. Потомъ какую симъ нитямъ давать крутизну, дабы недостаткомъ или излишествомъ оной не повредить ихъ крѣпости. Потомъ какъ сіи нити смолить, какъ изъ нихъ дѣлать вицы, изъ вицъ пряди, изъ прядей стренги, изъ стренгъ спускать тросы, кабельтовы, снасти, канаты и проч. Все сіе требуетъ орудій, правилъ, опытовъ, изслѣдованій. Мы видимъ цѣлыя книги объ одномъ семъ искуствѣ разсуждающія. Итакъ, когда бы мы всѣ, отчасти упомянутыя мною науки и

художества, которыя составляютъ искусство мореплаванія, вкупѣ себѣ представить, и каждое изъ нихъ со всѣми его подробностями вдругъ обозрѣть могли, то какое широкое поле, или лучше сказать море, являющее въ себѣ толико дѣлъ и работъ, колико въ Океанѣ волнъ, открылось бы намъ, и безчисленностію содержимыхъ въ немъ вещей отяготило бы и умъ, и память, и воображеніе наше!

На семъ-то широкомъ полѣ странствовать, на семъ-то трудиться и работать вызываются и усердіе и силы наши, почтеннѣйшіе сочлены! Для сего-то благотворительная рука АЛЕКСАНДРА Перваго основала сей Департаментъ.

Да не подумаетъ кто, что уже все для мореплаванія сдѣлано, обо всемъ умствовано, все описано, и ничего уже къ наставленію и наученію въ ономъ дѣлать не остается: правда, оно многими учеными людьми, въ разныхъ державахъ упражнявшимися, многими открытіями, изобрѣтеніями и вымыслами, возведено на высокую степень; но обширность его такъ велика, что прежде всѣ человѣческія силы истощатся, нежели вознесется оно на верхъ совершенства.

Различныя обстоятельства препятствуютъ распространенію и успѣхамъ мореплавательнаго искуства; главное же состоитъ

въ томъ, что оное, какъ мы уже видѣли, не есть одного знанія или одной какой либо науки плодъ; но требуетъ слиянія многихъ и различныхъ талантовъ, многихъ наукъ, многихъ свѣдѣній и художествъ, которыя всѣ обнять, и съ подробностію вникнуть въ нихъ, не достанетъ ни силъ, ни краткости жизни одного человѣка. Итакъ чего не можетъ одинъ, то дѣлаютъ многіе, сносясь между собою и сочетавая, такъ сказать, свои познанія. Математикъ или ученый человѣкъ, сидя на мѣстѣ, тщится озарить мореплавателя свѣтомъ наукъ; мореплаватель, странствуя по морямъ, сообщаетъ математику дѣйствія имъ примѣченныя, и даетъ ему новую къ размышленію пищу; кораблестроитель, совѣтуясь и съ математикомъ и съ мореплавателемъ, трудится надъ изложеніемъ корабля въ чертежахъ и обдѣлкою всѣхъ его членовъ; канатнаго, якорнаго, компаснаго, парусинаго, блоковаго и другихъ художествъ мастера, каждой по своей части, стараются искуствомъ рукъ и добротою орудій доводить дѣла и работы свои до всевозможнаго изящества. Часто одна часть соединяетъ въ себѣ различныя знанія: математикъ, напримѣръ, прилагая упоръ воды и силу вѣтра къ образу корабля, опредѣляетъ высоту мачты, и точку, въ которой оная на длинѣ киля

стоять долженствуетъ; но онъ не знаетъ, что сію мачту нужно раздѣлить на три части, то есть на мачту собственно, на стенгу и брамъ-стенгу, которыя могли бы опускаться и подниматься. Сію надобность долженъ былъ примѣтить мореходецъ, или правитель корабля, плавая по морямъ. Между тѣмъ ни мореходецъ, ни математикъ, не знаютъ какимъ образомъ мачту сію составить изъ разныхъ деревъ, такъ чтобъ онѣ замками и нарубками своими сцѣпясь еще крѣпче были, нежели одно цѣлое и нераздѣльное дерево: сіе искуство древосложенія изобрѣлъ простой плотникъ, навыкомъ и долговременнымъ упражненіемъ въ рукодѣліи своемъ искусившійся. Изъ сего краткаго размышленія видимъ уже мы три разныхъ источника, во единъ протокъ сливающіеся; видимъ, что обучающійся искуству мореплаванія долженъ отъ каждаго изъ нихъ нѣчто почерпнуть или заимствовать: онъ долженъ соединить въ себѣ и математика и мореплавателя и плотника, дабы имѣть полное и достаточное понятіе объ одной мачтѣ. Распространимъ же сіе размышленіе на весь корабль, или паче на все мореплавательное искуство, и тогда, какъ выше объяснено, представятся намъ не три токмо, но множество таковыхъ сливающихся между собою источниковъ. Какимъже

образомъ преуспѣетъ онъ въ познаніи всѣхъ оныхъ? устремя мысленное око свое въ разсматриваніе движенія небесныхъ свѣтилъ, изострится ли оно въ вервоплетеніи или древодѣліи? напротивъ того совершенное въ древодѣліи искуство подастъ ли намъ хотя малое свѣдѣніе о движеніи небесныхъ тѣлъ? Какъ соединить въ одномъ и томъже человѣкѣ толико различныхъ знаній, изъ коихъ каждое влечетъ его къ себѣ, и недается ему иначе, какъ по долговременномъ и неусыпномъ въ ономъ упражненіи? и что еще? нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ безпрестаннаго на одномъ мѣстѣ сидѣнія, другія напротивъ безпрестаннаго движенія; однѣ постигаются углубленіемъ ума, другія не столько размышленіемъ, сколько примѣчаніемъ и острошою зрѣнія. Между тѣмъ всѣ сіи знанія одно за другое держатся, и всѣ принадлежатъ къ искуству мореплаванія, такъ что безъ его верховнаго надъ ними правленія не могутъ онѣ приносить ему желаемой пользы. А потому о всякой наукѣ, тѣ ли преподаетъ она средства, о всякомъ художествѣ и рукодѣліи, тотъ ли образъ и величину даютъ они вещамъ, мореплаватель, яко хозяинъ всему, долженъ знать, дабы по соединеніи всѣхъ оныхъ на одномъ кораблѣ, въ благоуспѣшномъ плаваніи его быть увѣрену и надежну. Итакъ мореплаватель дол-

женъ и небесное созерцать строеніе, и глубину морскую испов҃дать, и берега Океана измѣрять, и свойство жидкихъ тѣлъ изслѣдовать, и кораблемъ на морѣ управлять, и сражаться съ непріятелемъ, и канаты спускать, и якори ковать, и съ парусникомъ шить, и съ плотникомъ работать? такъ конечно: безъ сего не будетъ онъ добрый хозяинъ. Но какими же средствами достигнетъ онъ познанія во всемъ ономъ? книгами. Въ нихъ найдетъ онъ и строящійся на стапелѣ корабль, и постановленіе въ него мачтъ, и килеваніе, и вооруженіе онаго, и доки, и гавани, и каналы, и якорные, и канатные заводы, и все, что для свѣдѣнія его нужно. Однимъ словомъ: всѣ разсѣянныя по лицу земли морскія работы, и всѣхъ разсуждающихъ о семъ искуснѣйшихъ мужей, увидитъ онъ предъ собою, не выходя изъ своей комнаты. О какое великое пособіе къ сокращенію средствъ и времени въ пріобрѣтеніи толико различныхъ и толико нужныхъ познаній! Но достаточны ли и вразумительны ли книги сіи для руководствованія и препровожденія его во всѣ сіи хранилища наукъ и художествъ? Здѣсь паки встрѣчаемъ мы препинаніе. Въ наукахъ, хорошая книги, разгонитъ онъ мракъ свой, и проложитъ себѣ путь. Но въ художествахъ? въ рукодѣліяхъ? въ мастерствахъ? да-

преданій, не облегчивъ готовящіеся къ мореплаванію младые умы въ прохожденіи по тому тяжкому пути, по которому самъ онъ съ толикимъ усиліемъ шествовалъ. Человѣкъ умираетъ, и всѣ его знанія съ нимъ прекращаются; но не умираетъ умъ его, когда произведетъ плодъ и останется въ книгахъ. Невтоново имя давно бы изчезло, когда бы насаждающими въ насъ сѣмена ученія твореніями своими не былъ онъ живъ въ роды родовъ. Полезенъ обществу человѣкъ просвѣщающійся науками, но еще полезнѣе тотъ, которой даже и по смерти своей пріобрѣтенными имъ свѣдѣніями просвѣщаетъ другихъ.

По сіе время разсуждали мы о всеобщемъ, то есть во всѣхъ Европейскихъ державахъ процвѣтающемъ искуствѣ мореплаванія, разсматривали успѣхи онаго и недостатки, трудности и препятствія; но обратимъ теперь глаза наши на собственное наше отечество: въ немъ мореплаваніе, въ сравненіи съ другими державами, процвѣтаетъ еще недавно; плаваніе наше по морямъ не такъ обширно, не такъ часто; число упражняющихся въ семъ званіи людей не такъ велико: слѣдовательно, по мѣрѣ того, успѣхи наши необходимо должны быть еще меньше, а недостатки больше. Заимствованіе отъ чужихъ странъ можетъ сна-

бдить насъ нѣкоторыми вещами, но не снабдитъ успѣхами въ знаніяхъ, не насадитъ сѣмянъ ученія, не разольетъ общаго просвѣщенія иначе, какъ полезными, вразумительными и ясными произведеніями и твореніями на собственномъ языкѣ нашемъ. Я говорю ясными и хорошими, ибо темное и худое сочиненіе или переводъ, естьли не вредитъ, то конечно уже не пользуетъ. Вникнемъ въ нужды наши и посмотримъ чего у насъ не достаетъ? выше сего разсуждали мы, что мореплаваніе со стороны наукъ довольно обогащено; по мѣрѣ того и у насъ онѣ процвѣтаютъ; языкъ ихъ опредѣленъ; путь къ переводамъ оныхъ проложенъ: тщаніе и прилѣжность удобно могутъ изъ чужой земли, такъ сказать, пересадить ихъ въ нашу землю. Но что касается до различныхъ искуствъ и художествъ, то видѣли уже мы, что оныя и во всѣхъ странахъ не достаточны, не описаны съ подробностію, не приведены въ непрерывный порядокъ; сверхъ сего употребляющіяся въ нихъ названія и выраженія составляютъ особый не мало обширный языкъ, не истолкованный, не опредѣленный, не общій; притомъже всякая держава имѣетъ нѣчто отличное отъ другихъ, собственно себѣ свойственное; и такъ, когда сочиненіе не совершенно, то переводъ онаго, сопряженный почти съ непреодоли-

мыми трудностями и препятствіями, будетъ еще болѣе несовершенъ и мало полезенъ, такъ что переводчику таковой книги едвали не легче будетъ самому сочинить оную, нежели перевесть съ другаго языка. Но оставляя науки и художества, со всѣми другими землями общія, есть вещи собственно до насъ принадлежащія: напримѣръ, изслѣдованіе и подробное описаніе береговъ, островов, народовъ, земель и морей, окружающихъ толь пространную державу, какова есть Россія. Полныя извѣстія о мѣстахъ, снабжающихъ мореплаваніе наше и лѣсомъ, и пенькою, и желѣзомъ, и смолою, и всѣми нужными для кораблей припасами. Собраніе плавающихъ по рѣкамъ торговыхъ судовъ нашихъ съ объясненіемъ образа строенія ихъ, оснастки, груза, мѣстныхъ обстоятельствъ, и съ присовокупленіемъ основательныхъ разсужденій, не можно ли привесть ихъ въ лучшее совершенство, увеличить ихъ прочность, уменьшить опасности кораблекрушеній, облегчить и сократить ихъ движенія. Повѣствованіе о началѣ, возрастаніи, пріумноженіи флота нашего; о дѣяніяхъ, плаваніяхъ, побѣдахъ, и о всемъ происходившемъ съ нимъ отъ самаго младенчества до нынѣшняго возраста его, и проч. и проч.

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій, почтеннѣйшіе сочлены, слѣдуетъ заключить, что чѣмъ болѣе видимъ мы недостатка въ средствахъ къ просвѣщенію мореплавателя во всѣхъ принадлежащихъ къ искуству его частяхъ; чѣмъ многотруднѣе находимъ сей предлежащій подвигамъ его путь; чѣмъ обширнѣе взорамъ нашимъ открывается поле, во многихъ мѣстахъ еще не воздѣланное, не угобженное: тѣмъ болѣе чувствуемъ важность учрежденія такова мѣста или сословія, которое бы пеклося о приведеніи всѣхъ различныхъ частей мореплавательнаго искуства въ тѣснѣйшее между собою сопряженіе, такъ чтобы мореплаватель, странствующій посредѣ Океяна, могъ всегда предъ очами своими имѣть и корабельную верфь, и всѣ снабжающія корабль его художества: и вопреки тому, чтобъ всѣ строители и снабдители кораблей могли видѣть мореплавателя, когда онъ на построенномъ ими суднѣ, и помощію приготовленныхъ руками ихъ орудій, борется съ волнами и вѣтрами. Такимъ образомъ свѣдѣнія тѣхъ и другихъ, къ одному намѣренію стремящіяся, во едино древо срастутся, и какъ вѣтви отъ него, такъ и оно отъ вѣтвей, взаимно утучняться будетъ. Безсомнѣнія весьма трудное, и едва ли преодолимое есть дѣло, описать всѣ части мореходнаго искуства съ такимъ

раченіемъ и подробностію, чтобъ обо всякой содержащейся въ нихъ вещи подать полное и ясное читателю свѣдѣніе; но довольно будетъ и того, когда прочитавъ о какомъ либо художествѣ, или требующей искуства работѣ, и потомъ взглянувъ на оную, въ одинъ разъ увидитъ онъ больше, нежели бы въ десять разъ, безъ просвѣщенія напередъ ума своего, простыми глазами увидѣть могъ; довольно когда бы средства сіи размножены были до такова степени, чтобъ разумъ, любопытствующій вникнуть во весь составъ, или во всю цѣлость мореплаванія, не останавливался недостаткомъ описаній частей онаго.

Благотворная десница АЛЕКСАНДРОВА положила основаніе сему вертограду, которой долженъ нѣкогда процвѣсть и украситься Труды и время да возревнуютъ между собою въ воздѣланіи и усажденіи его древесами, сторичные плоды приносящими. Желаніе Монарха, содѣйствіе товарища Министра, и наше общее, почтеннѣйшіе сочлены, попеченіе да устроитъ первыя начинанія, и Богъ да благословитъ ихъ. Приложимъ силы къ силамъ, усердіе къ усердію; призовемъ въ помощь свою всѣхъ, любящихъ бдѣніе свое посвящать наукамъ и пользѣ отечества. Начало да произведетъ

средину, средина же да увѣнчается блистающимъ концемъ: тако да сотворимъ волю пославшаго насъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О краснорѣчіи Священнаго Писанія, и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила Россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное въ годичное ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи собраніе, бывшее въ 3-й день Декабря 1810 года.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Россійская Академія, пекущаяся о успѣхахъ въ языкѣ и словесности, благоволила предложить два заданія: 1е, *написать Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія.* 2е, *Показать, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила Россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно.* Да позволено мнѣ будетъ оба сіи вопроса соединить вмѣстѣ; ибо я полагаю толь тѣсную и неразрывную между оными связь, что мнѣ кажется предложенные совокупно могутъ они гораздо лучше освѣщать одинъ другой, нежели когда бы о каждомъ изъ нихъ разсуждаемо было

порознь. Показаніе краснорѣчія Священнаго Писанія сопряжено неразрывно съ показаніемъ богатства, изобилія и силы Россійскаго языка; а потому есть купно и показаніе средствъ, какими, подражая оему краснорѣчію, можемъ мы распространить, обогатить и усовершенствовать языкъ и словесность нашу. На семъ основаніи приступаю я къ разсужденію о сихъ обоихъ вопросахъ вмѣстѣ, и надѣюсь достаточно удовлетворить онымъ, когда раздѣля сіе сочиненіе мое на три статьи, въ первой изъ нихъ покажу превосходныя свойства нашего языка, во второй приведу примѣры краснорѣчія изъ Священныхъ Писаній, въ третьей разсмотрю, какими средствами словесность наша можетъ обогащаться, и какими приходить въ упадокъ.

СТАТЬЯ I.

О превосходныхъ свойствахъ нашего языка.

По истиннѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и не разрѣшенная. Въ какомъ состояніи былъ онъ до введенія въ Россію православной христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о томъ понятія, точно, какъ бы его

не было. Ни одна книга не показываетъ намъ онаго. Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ Псалтирь, Евангеліе, Іова, премудрость Соломонову, дѣянія Апостоловъ, Посланія, Ирмосы, Каноны, молитвы, и многія другія творенія духовныя. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои; но мужемъ, поражающимъ силою слова, подобно какъ Геркулесъ силою руки. Дивимся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его. Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется какъ будто умъ и ухо истощили все свое тщаніе на составленіе онаго. Надлежало ли назвать какую либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея, или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ потрясающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свистящій; тогда ухо тотчасъ давало имена: *громъ*, *трескъ*, *вихрь*. Надлежало ли составить нарѣчія *далеко*, *близко*, *низко*, *глубоко*, *широко*, *высоко*, и проч., кажется самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *даль око* (то есть: простирай зрѣніе далѣе); *близь око* (не простирай оное вдаль); *низь око* (опускай внизъ); *глубь око* (углубляй); *ширь око* (разширяй); *высь око* (возвышай). Сличимъ оныя съ нарѣчіями другихъ языковъ: говорятъ ли сіе Французу слова его

loin, proche, bas, profond, large, haut? или Нѣмцу слова его *weit, nahe, niedrig, tief, breit, hoch?* Надлежало ли дать имена чувствамъ нашимъ *слухъ, зрѣніе, обоняніе* и проч., умъ искалъ въ нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ. Въ словѣ *слухъ* (l'ouie, Фран.) помѣстилъ и названіе той части тѣла, которая служитъ орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо* (l'oreil, Фр.) Слово *зрѣніе* сближилъ съ подобными же свѣтъ означающими понятіями *зареніе, заря.* Слово *обоняніе* (сокращенное изъ *обвоняніе*) составилъ изъ предлога *объ* и имени *воня,* слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ *чувствованіе окрестнаго запаха.* Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то для составленія имени ея выбиралъ и буквы такойже образъ имѣющія: *око.* Потомъ отъ каждаго названія производилъ вѣтви такъ, чтобъ оныя, означая разныя вещи, сохраняли въ себѣ главное, отъ корня заимствованное понятіе. Отъ *грома* произвелъ *громко, громогласно, громоздко, огромно, гремушка,* и проч. Отъ *ока, около, околица, околичность, окно,* и проч. Потомъ отъ сихъ вѣтвей пустилъ еще новыя отрасли: *коло, или колесо, коловратно, колесница. кольцо, колыхать, колыбель,* и такъ далѣе. Всѣ сіи вѣтви, подобно вѣтвямъ дерева,

питаются отъ своего корня, то есть сохраняютъ въ себѣ первоначальное понятіе о круглости: потому *коловратность*, что изображаетъ *вращеніе ко́ла* или колеса; потому *колыхать*, что движеніе сіе совершается не по прямой чертѣ, но по дугѣ, подобной *ко́лу* или колесу, и проч.

Таковыя семейства словъ, изъ которыхъ иныя весьма плодородны, часто примѣчаются въ языкѣ нашемъ. Они подобны древамъ, составляющимъ великій лѣсъ. Разсмотримъ хотя одно изъ нихъ съ нѣкоторою подробностію. Возмемъ, напримѣръ, извѣстное издревлѣ орудіе, называемое *лукъ*. Хотя бы и не могли мы добраться, отъ каковаго корня происходитъ сіе названіе, однако по образу и употребленію сего орудія знаемъ, что оное есть дуга, или кривая, согнутая черта. Слѣдовательно понятіе о *лукѣ* сопряжено неразрывно съ понятіемъ о *кривизнѣ*. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ умъ, составлявшій языкъ нашъ, перенесъ сіе понятіе къ другимъ вещамъ и извлекъ изъ него, яко изъ корня, многія вѣтви или слова, которыя всѣ, какъ уже и выше сказано, хотя разныя вещи означаютъ, однако же во всѣхъ оныхъ главное и существенное корню ихъ понятіе о *кривизнѣ* всегда не разлучно съ ними пребываетъ. Отсюду произошли слѣдующія вѣтви или отрасли:

Лука̀. Разсмотримъ сіе слово. Всякая дуга имѣетъ такое свойство, что естьли мы и раздѣлимъ ее на многія части, то части ея будутъ тоже дуги. Но *лукъ* есть не иное что, какъ дуга. Итакъ естьли мы раздѣлимъ оный на нѣсколько частей, будетъ не *лукъ* (то есть цѣлое), но будетъ *лука̀* (то есть часть *лука*), имѣющая подобную ему кривизну. Изъ сего явствуетъ, что слово *лука̀*, не сопряженное ни съ какими другими словами, значитъ нѣчто кривое, согнутое; въ соединеніи же съ другими именами означаетъ какъ самую вещь, такъ и кривизну, непремѣнно той вещи свойственную. Такимъ образомъ когда мы скажемъ *лука̀ у сѣдла*, или *Самарская лука̀ на Волгѣ*, то хотя бы и не знали, что такое собственно значитъ здѣсь *лука̀*, однако по коренному сопряженному съ симъ словомъ понятію знаемъ, что въ сѣдлѣ долженствуетъ оно означать какую нибудь часть онаго, имѣющую кривизну или погибь, и потому называющуюся *луко́ю*; а въ рѣкѣ также изгибъ ея или кривизну берега, и слѣдовательно то, что называется инымъ словомъ *заливъ*. Далѣе вѣтви онаго суть:

Лучица (уменьшительное отъ *лука̀*), заливецъ: *и вложи* (мать Моисеева) *отроча въ ковчежецъ, и положи его въ лучицѣ при рѣцѣ*. (Чет. мин.).

Лукомо́рье, губа, заливъ, часть моря, вдавшаяся въ берегъ дугою или *луко́ю*: *а ынѣ пойдемъ на нихъ за Донъ и до конца ихъ избьемъ; аже ны будетъ побѣда, идемъ и до лукоморья, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь*. (Несторъ стр. 277).

Налякáть или *наляцáть*: напрягать тетиву, дабы лукъ больше сгибался, или лукà становилась еще больше *луко́ю*: *налячеши языкъ твой яко лукъ*.

Слякáть или *сляцáть*; сгибать что либо въ *лукъ* или въ *луку* (т. е. въ крюкъ, въ дугу): *слячеши, яко серпъ, выю твою. Сляцаеми множествомъ прегрѣшеній*, и проч.

Слякій или *слукій*: сляченный, согбенный, скорченный: *и бѣ жена недужна и сляка*.

Облукъ (уменьш. облучокъ). Выгнутая нѣсколько деревина, покрывающая копылья у саней: *сидѣть на облуку*.

Излучина: извилина, изгибина, кривизна какой либо вещи или мѣста.

Излучисто: извилисто, изгибисто, непрямо.

Луковица, по причинѣ весьма крутаго изгиба, примѣчаемаго въ семъ овощѣ.

Лукошко, по причинѣ округлости сего сосуда.

Лукавство, умственная кривизна.

Лукавить, поступать нечистосердечно, не прямо, кривить душою.

Слученіе, случай, случайность, случиться, случить, случкі. — Разлученіе, разлука, разлучиться. — Отлученіе, отлучить, отлучиться, отлучка. — Прилученіе, прилучиться, прилучить, прилука. — Полученіе, получить, залучить, улучить, излучить, благополучіе, злополучіе, и проч.

Во всѣхъ сихъ словахъ первоначальное понятіе или мысль, всегда сопряженная съ ними, есть то самое свойство языка, въ которое любитель словесности, а особливо писатель, долженъ прилѣжно вникать, дабы употребленіемъ словъ искусно и правильно располагать. Зная, что такое *лукъ* или *лука*, я уже смѣло утверждаю, что когда лукъ натягивается или *налякается* тетивою, тогда обѣ половины, или обѣ *луки* его, *случаются*, то есть сходятся концами вмѣстѣ. Обстоятельство, одной только лукѣ свойственное; ибо концы прямой черты никогда не могутъ сходиться; надобно ее согнуть, или сдѣлать *лукою*, дабы онѣ *случились*, то есть сошлись концами вмѣстѣ. Равнымъ образомъ когда у *налягеннаго* лука тетива ослабляется, тогда обѣ *луки* его *разлучаются*, то есть расходятся врознь, приближаются къ положенію прямой черты. Изъ сего первоначальнаго понятія перехожу я

въ другое, смежное съ нимъ: примѣчаю, что *слученіе* и *разлученіе* есть не иное что, какъ *соединеніе* и *раздѣленіе* или *расхожденіе*. Отсюду говорю *случай*, то есть стеченіе или соединеніе обстоятельствъ. *Случать собакъ* (говорятъ охотники), то есть скликать, собирать, когда онѣ разсѣяны. *Случка*; соединеніе. *Отлучить*, *отлучка*: отдалить, отдаленіе. *Прилучить*: привязать, привлечь, приманить къ себѣ. *Прилука*: тотъ или та, которая притягиваетъ, привлекаетъ къ себѣ. Въ пѣсни поется: *красная дѣвица*, *прилука молодецкая*, *прилучила къ себѣ молодца*, *приманила безталаннаго*, и проч. *Залучить*: приближить къ себѣ захваченіемъ въ средину *луки* или дуги. *Получить*: соединиться съ тѣмъ, что обыкновенно доходитъ до насъ чрезъ прохожденіе разныхъ путей, какъ бы *лукòю* или *по лукѣ*. Подобно тому и прочія слова, каждое заключаетъ въ себѣ не простое только значеніе, но разумъ, выводимый изъ первоначальнаго понятія, то есть изъ корня, отъ котораго сіе слово, какъ вѣтвь произрасло.

Изъ всего вышеписаннаго можемъ мы ясно усмотрѣть, какимъ образомъ мысль человѣческая, переходя отъ одного понятія къ другому, смежному съ нимъ, раждаетъ слова, и составляетъ цѣлыя семейства оныхъ. Почти каждое слово въ языкѣ на-

шемъ принадлежитъ къ какому нибудь изъ таковыхъ семействъ, и само собою, при малѣйшемъ вниманіи въ оное, показываетъ источникъ, откуду оно течетъ, то есть первоначальную, породившую его мысль. Въ языкахъ, которые не коренные, но составлены изъ разныхъ языковъ, мы того не примѣчаемъ, или примѣчаемъ гораздо меньше. Сличимъ вышеприведенное нами семейство словъ съ соотвѣтствующими имъ словами другаго языка, напримѣръ Французскаго, мы увидимъ, что у нихъ нѣтъ той семейственности, и что слова ихъ суть разныхъ отцовъ дѣти:

Лукъ - — — — —	arc.
Лука - — — — —	courbe.
Излучина — — — —	courbure.
Излучить, улучить —	saisir.
Излучистый — — —	courbé, tortueux.
Случай — — — —	occasion.
Случайность — — —	casualité.
Случайно - — — —	par hasard.
Случается — — —	il arrive.
Случить — — — —	reunir.
Случка — — — —	accouplement.
Разлучить — — —	separer.
Отлучка — — — —	absence.
Сляцать — — — —	courber.
Наляцать — — —	tendre.

Луковица, луковка — oignon.
Лукавство — — — ruse.
Лукошко
Прилучить } нѣтъ.
Прилука

Сіе соотвѣтствіе семейственныхъ словъ ихъ весьма недостаточно для точнаго выраженія нашихъ семейственныхъ именъ и глаголовъ; ибо, напримѣръ, слово ихъ reunir значитъ соединить, а не *случить*; accouplement, сочетаніе, а не *случка*; courber, сгибать, а не *сляцать*; tendre, натягивать, а не *наляцать*; absence, отсутствіе, а не *отлучка*. Глаголъ ихъ *saisir* хорошо выражаетъ *схватить человѣка* (saisir un homme), но худо выражаетъ *улучить время* (saisir le tems). Конечно и мы бы говорили *схватить время*, естьлибъ не имѣли приличнѣйшаго къ тому глагола *улучить*.

Хотя сему и быть не возможно, чтобъ семья словъ одного языка согласовалась точно съ семьею словъ другаго языка; однако же гдѣ таковыя семейства многочисленнѣе, и гдѣ ихъ больше, то кажется безошибочно заключить можно, что языкъ сей есть несравненно древнѣйшій и богатѣйшій, поелику видно, что онъ о составленіи словъ своихъ, такъ сказать, самъ умышлялъ, изъ самаго себя извлекалъ ихъ,

раждалъ; а не случайно какъ нибудь заимствовалъ и собиралъ отъ другихъ народовъ.

Многія слова въ языкѣ нашемъ суть не просто звуки, условно означающія вещь, но заключающія сами въ себѣ знаменованіе оной, то есть описующія образъ ея, или дѣйствіе, или качество, и слѣдовательно заступающія мѣсто цѣлыхъ рѣченій. Напримѣръ въ названіи *вельможа* представляются мнѣ многія понятія совокупно: слово *вель* (отъ велій) напоминаетъ мнѣ о изяществѣ, о величіи; слово *можа* (отъ мощь или могущество) изображаетъ власть, силу. Французъ назоветъ сіе *grand Seigneur*, Нѣмецъ *grosser Herr*, и оба двумя своими словами не выразятъ мысли, заключающейся въ одномъ нашемъ словѣ; ибо слова ихъ, ни первыя *grand*, *grosser* (великъ), ни вторыя *Seigneur*, *Herr* (господинъ), не даютъ мнѣ точнаго понятія ни о словѣ *велій*, ни о словѣ *могущество*; они говорятъ только *великой господинъ*, а не *вельможа*.

Мы говоримъ *цѣломудріе*. Французы говорятъ *chastetè*. Нѣмцы *Keuschheit*. Какую мысль заключаютъ въ себѣ слова ихъ? Никакой, кромѣ условной, то есть основанной на вѣрѣ къ тому, отъ кого я ихъ услышалъ. Наше слово, напротивъ, само себя толкуетъ и объясняетъ. Я въ знаменованіи его не другому кому вѣрю, но ему самому; ибо прево-

выхъ нахожу въ немъ *цѣлость*, означающую или такую вещь, которая всѣ свои части при себѣ сохраняетъ, или такую, въ которой ни одна изъ ея частей не повредилась; а потому въ первомъ случаѣ соотвѣтствуетъ оно Французскимъ словамъ *entier, tout entier;* а во второмъ словамъ *pur, simple, innocent.* Въ такомъ разумѣ сказано: *будьте мудри яко зміи, и цѣли яко голуби*, то есть ни чемъ не повреждены, невинны, чисты, непорочны. Во вторыхъ, къ сему понятію присовокуплено еще понятіе о мудрости. Слѣдовательно слово *цѣломудріе* само собою значитъ: *мудрое сохраненіе себя во всей чистотѣ и непорочности.* Представляется ли вся сія мысль Французу или Нѣмцу въ словахъ ихъ *chasteté* и *Keuschheit*, въ составѣ которыхъ нѣтъ ничего напоминающаго о *мудрости* и *неповрежденности* или непорочности? Сколько мы таковыхъ словъ въ языкѣ нашемъ показать можемъ: *присносущный, благообразный, лютонравный, пѣснопѣніе, благоуханіе, чадолюбіе, искони, вретище, сладкорѣчіе,* и тысячи тому подобныхъ.

Естьли иностранные языки въ чемъ нибудь и равняются съ нашимъ, то весьма ограниченно и скудно. Напримѣръ мы говоримъ *мощный* и *всемощный*, или *могущій* и *всемогущій.* Французъ можетъ тоже сказать *puissant и tout-puissant*, Нѣмецъ тоже *mächtig* и

almächtig; но въ словахъ *всесильный*, *всеблагій*, *всещедрый*, *всерадостный*, *всеядецъ*, *всеоружіе*, *всецарь*, и проч., тотчасъ отъ насъ отстанутъ.

Богатство языка нашего, происходящее отъ сложенія предлоговъ съ именами и глаголами, имъ почти совсѣмъ неизвѣстно. Отсюду происходитъ, что они могутъ сказать, напримѣръ, *пою* (je chante), но не могутъ сказать ни *попѣваю*, ни *распѣваю*, безъ описанія того другими словами, недостаточно выражающими наше слово, какъ напримѣръ *попѣвать* переводятъ: *chanter quelquefois ou un peu* (пѣть иногда или не много); *распѣвать: chanter d'un ton trainant* (пѣть протяжнымъ голосомъ). Скажутъ *лежать* (coucher), но не могутъ сказать ни *лечь*, ни *прилечь*, ни *полежать*, ни *разлечься*, ни *разлежаться*, ни *залечь*, ни *отлежать*, ни *належать*, ни *улежать*, ни *пролежать*.

Уменьшительныхъ: *колечко*, *ручка*, *сердечко*, *сердечушко*, *малешенько*, *ранешенько*; увеличительныхъ: *столище*, *домище*, *ручища*; показующихъ степень качества: *бѣловатъ*, *кругловатъ*; усѣченныхъ: *бѣленекъ*, *кругленекъ*, *великонекъ*, или очень мало, или совсѣмъ не имѣютъ.

Причастіе у нихъ одинакое: слѣдовательно и простое и высокое вмѣстѣ. Они не могутъ его по нашему разнообразить;

не могутъ сказать и *греля* и *гремящій* и *гремучій;* не могутъ въ высокомъ слогѣ выразить нашихъ: *сѣдящъ, сѣдяй;* ниже въ простомъ *идучи, скачучи,* и проч.

Но я бы долго не кончилъ, естьлибъ захотѣлъ подробно исчислить всѣ преимущества языка нашего предъ другими. Для того удовольствуемся тѣмъ, что сказано, и станемъ продолжать разсужденія наши.

СТАТЬЯ II.

О краснорѣчіи Священныхъ Писаній.

Мы показали отчасти богатство мыслей, заключающееся въ словахъ нашихъ; видѣли превосходство ихъ предъ словами другихъ языковъ. Изъ сего краткаго показанія можемъ посудить, какая разность въ высотѣ и силѣ языка долженствуетъ существовать между Священнымъ Писаніемъ на Славенскомъ и другихъ языкахъ: въ тѣхъ сохранена одна мысль; въ нашемъ мысль сія одѣта великолѣпіемъ и важностію словъ. Нужно ли еще вновь представить тому доказательства изъ примѣровъ? мы тотчасъ увидимъ сіе изъ самаго краткаго сличенія.

Возмемъ первый Давидовъ псаломъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде. Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ его поучится день и нощь. И будетъ яко древо насажденно при исходищахъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ, и вся, елика аще творитъ, успѣетъ: Не тако нечестивіи, не тако: но яко прахъ, его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли,* и проч. Возмемъ теперь Францускую Библію и посмотримъ, какъ сказано въ ней *блаженъ мужъ? Heureux l'homme.* Вотъ уже первыя два слова не равняются съ нашими: *heureux* (щастливъ) не выражаетъ нашего *блаженъ; l'homme* (человѣкъ) не выражаетъ нашего *мужъ*. Какъ сказано: *въ законѣ Господни воля его? qui prend son plaisir dans la loi de l'Eternel.* Можетъ ли сіе выраженіе сравниться съ простотою и силою нашего: *въ законѣ Господни воля его?* Какъ сказано: *и на сѣдалищи губителей не сѣде? qui ne s'assied point au banc des moqueurs.* Во первыхъ слово ихъ *banc*, которое не выше нашихъ *лавка*, *скамья*, далеко уступаетъ слову *сѣдалище;* во вторыхъ *moqueur* (насмѣшникъ) не выражаетъ нашего *губитель;* въ третьихъ *s'assied* употребляется у нихъ: говоря о всякомъ лицѣ; у насъ напротивъ о простомъ лицѣ говорится *сидитъ*, о высо-

комъ же *сѣдитъ*. Какъ сказано: *не тако нечестивіи, не тако; но яко прахъ, его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли? il n'en sera pas ainsi des méchans; mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin.* Гдѣ въ семъ выраженіи сила повторенія: *не тако нечестивіи, не тако?* въ словахъ: *mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin*, естьли хотя малѣйшая тѣнь сего толь естественнаго и толь красорѣчиво сказаннаго подобія: *но яко прахъ, его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли* *).

*) Сіе сравненіе сдѣлано противъ Французской Библіи, изданной *Остервальдомъ* (par J. F. Ostervald). Но какъ Французы имѣютъ разные переводы Псалтыри, то (дабы не отнесли къ слабости перевода слабость языка) возмемъ лучшій изъ оныхъ, а именно Лагарповъ. Сей знаменитый писатель старался, сколько возможно, сохранить красоты подлинника. Мы увидимъ что изъ его перевода. Онъ начинаетъ: *heureux l'homme qui ne s'est point laissé aller aux conseils des impies, qui ne s'est point arrêté dans la voie des pecheurs, et ne s'est point assis dans la chaire de corruption.* Сличимъ сіе начало съ нашимъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде.* Во первыхъ какая краткость! во Французскомъ 36 отдѣляющихся одно отъ другаго словъ, а въ нашемъ 20. Во вторыхъ слова избраннѣе: *блаженъ мужъ сѣдяй*, а не *щастливъ тотъ человѣкъ, которой сидитъ* (heureux l'homme assis); въ третьихъ: какая плавность! Гдѣ найдемъ мы въ нашемъ сіи длинныя повторенія: *qui ne s'est point* laissé, *qui ne s'est point* arrêté, *qui ne s'est point* assis? Онъ сохранилъ красоту выраженія: *но въ законѣ Господни воля его*, сказавъ: *mais dont la volonté est dans la loi du Seigneur;* однако, сохраняя туже мысль, не могъ сохранить той же самой краткости; ибо въ нашемъ выраженіи только шесть, а въ его десять словъ. Онъ хотѣлъ также сохранить красоту выраженія: не

Сколько бы мы ни взяли примѣровъ, вездѣ будемъ находить одно и тоже. Естьли бы гдѣ и нашли у нихъ преимущественнѣйшее предъ нашимъ выраженіе или слово, то уже конечно въ двадцати другихъ мѣстахъ окажется противное тому. О неподражаемомъ витійствѣ духовныхъ пѣснопѣній писали многіе, между прочими во Франціи Ролленъ. Но когда онъ на своемъ языкѣ находитъ такое превосходство, то уже мы на своемъ, по всѣмъ вышесказаннымъ причинамъ, должны находить оное въ высочайшемъ несравненно степени. Изъ нашихъ писателей Ломоносовъ, хотя нигдѣ не распространился о языкѣ и краснорѣчіи Священныхъ Писаній, однако чувствуя важность ихъ упомянулъ, что безъ чтенія оныхъ не можемъ мы никогда быть сильны въ словесности, и во всѣхъ его сочиненіяхъ (какъ то ниже показано будетъ) явствуетъ, какъ много напоилъ онъ себя духомъ и мыслями изъ сего богатаго источника.

Дѣйствительно, Священныя Писанія равно необходимы намъ, какъ для души нашей, такъ и для ума. Сколько полезны онѣ

тако нечестивіи, не тако; но какъ же принужденъ былъ сказать? Вотъ какъ: *il n'en sera point ainsi des impies; non, il n'en sera point ainsi.* Сколько словъ! Распространяя подобныя замѣчанія на всѣ Священныя Писанія, какое открывается превосходство одного языка предъ другимъ!

для нравственности, столько же и для словесности; ибо безъ чтенія и упражненія въ оныхъ не познáемъ мы никогда высоты и силы нашего языка. Можетъ быть онѣ становятся уже для насъ темны; но сіе-то самое и показываетъ паденіе словесности. Гомеровъ языкъ долженъ отчасу темнѣе становиться для тѣхъ новѣйшихъ Грековъ, которые никогда не читаютъ твореній сего безсмертнаго стихотворца; между тѣмъ, какъ оныя по сіе время не потемнѣютъ для тѣхъ чужестранцевъ Гомеру, которые не могутъ никогда престать красотамъ его удивляться. Когда мы предѣлы языка и краснорѣчія такъ стѣснимъ, что станемъ только то почитать хорошимъ, къ чему разумъ и ухо наше отъ ежедневнаго употребленія привыкли, или что отъ частаго повторенія въ чтеніи свѣтскихъ книгъ сдѣлалось намъ ясно, тогда мы нѣкоторыхъ краткихъ выраженій (въ которыхъ часто вся сила и красота языка заключается), нѣкотораго особаго словосочиненія священныхъ книгъ понимать не будемъ, слѣдовательно и краснорѣчіе ихъ надъ нами не подѣйствуетъ. Напримѣръ, когда мы вдругъ прочитаемъ сей Ирмосъ: *судилищу Пилатову предстоитъ хотяй, беззаконному суду, яко судимъ судія, и отъ руки неправды заушается Богъ, Его же трепещутъ земля и небесная.*

(Шестодн. л. 173), то не прежде выразумѣемъ всю силу словъ сихъ, какъ по нѣкоемъ внимательномъ разсмотрѣніи оныхъ. *Судилищу Пилатову предстоитъ хотяй* — что такое *хотяй?* краткость выраженія сего насъ остановитъ. Но при малѣйшемъ вниманіи мы тотчасъ увидимъ, что оное значитъ *по собственному своему произволенію;* ибо естьли бы Христосъ не хотѣлъ стоять предъ судомъ Пилатовымъ, такъ бы и не стоялъ. Далѣе: *беззаконному суду, яко судимь Судія.* — Также и сіе выраженіе затруднитъ насъ; но съ малѣйшимъ знаніемъ языка и вниманіемъ мы тотчасъ проницаемъ въ немъ слѣдующую мысль: кто предстоитъ беззаконному суду? *Судія всего міра!* какъ предстоитъ? *яко подсудимый!* Не открывается ли уже намъ красота мыслей въ словахъ сихъ: *судилищу Пилатову предстоитъ хотяй, беззаконному суду, яко судимь судія?* За симъ прекраснымъ началомъ какой удивительный конецъ слѣдуетъ: *и отъ руки неправды заушается Богъ, Его же трепещутъ земля и небесная!* Можно ли что нибудь сильнѣе сего представить для возбужденія въ насъ любви ко Всевышнему Творцу? Какое величество и въ какомъ посрамленіи! Судія всего міра предстоитъ, яко подсудимый, беззаконному суду Пилатову, и отъ руки неправды претерпѣваетъ самое поно-

снѣйшее поруганіе: удареніе по ланитамъ! Кто претерпѣваетъ? Богъ, котораго трепещутъ земля и небеса! По какой нуждѣ претерпѣваетъ сіе? Безъ всякой нужды, *хотяй!* для чего *хотяй?* для того, чтобъ во удовлетвореніе истинѣ и правосудію безчестіемъ и страданіемъ своимъ искупить весь родъ человѣческій отъ погибели! Ежели таковое изображеніе величія Божія, восхотѣвшаго по безмѣрной благости и милосердію сойти для насъ въ самое уничиженнѣйшее состояніе, ежели, говорю, таковое поразительное изображеніе не въ силахъ поколебать души нашей, такъ она должна быть каменная, не имѣющая ни чувствъ, ни разума.

Возмемъ другой Ирмосъ: *страхомъ къ Тебѣ яко рабыня, смерть повелѣвшися приступи Владыцѣ живота, тою подающаго намъ безконечный животъ и воскресеніе.* (Тамъже). Безсомнѣнія сіи первыя слова: *страхомъ къ Тебѣ яко рабыня, смерть повелѣвшися приступи Владыцѣ живота,* покажутся намъ темны; но вникая въ оныя мы скоро увидимъ, что смыслъ ихъ есть слѣдующій: *смерть, по повелѣнію Твоему, со страхомъ, яко рабыня приступила къ Тебѣ Владыкѣ живота,* и тогда тотчасъ почувствуемъ, что не можно ничего приличнѣе и лучше сказать, говоря о смерти Богочеловѣка-Христа.

Изъ сего мы удобно видимъ, что не токмо въ ясныхъ Священнаго Писанія мѣстахъ, но и въ самыхъ тѣхъ, которыя по причинѣ пѣснопѣвнаго расположенія словъ ихъ кажутся быть темными, открываются однакожъ великія красоты, какъ скоро оныя со вниманіемъ разсмотрѣны будутъ. Высокихъ твореній не возможно съ такою же легкостію читать, съ какою пробѣгаются простые стишки, или повѣсти и расказы, служащія пищею одному любопытству, а не уму. Глубокомысленный писатель требуетъ и въ читателѣ глубокомыслія. Отсюду происходитъ, что духовныя творенія наши весьма полезны тому, кто въ краснорѣчіи желаетъ упражняться. Онѣ принуждаютъ его о каждомъ выраженіи, о каждомъ словѣ, размышлять, умствовать, раждаютъ въ немъ чувство, разсудокъ, вкусъ, и часто научаютъ его тому, чего онъ прежде не зналъ, и чего никакія книги иностранныя показать ему не могли. Когда я въ Іовѣ (гл. 15) прочитаю сіе изрѣченіе о зломъ человѣкѣ: *посѣченіе его прежде часа растлѣетъ, и лѣторасль его не облиственѣетъ*, тогда научаюсь, конечно, сему новому для меня, сему прекрасному выраженію: *и лѣторасль его не облиственѣетъ*. Когда тамъже прочитаю вопросъ сей: *еда первый отъ человѣкъ рожденъ еси? или прежде холмовъ сгустился*

еси? Тогда опять нахожу новое для меня выраженіе *сгустился.* Оно подаетъ мнѣ поводъ къ размышленію. Не лучше ли, думаю поставить здѣсь *сотворился*, *сдѣлался*, *составился*, *произшелъ?* Нѣтъ, продолжаю думать, въ первомъ вопросѣ, гдѣ человѣкъ сносился съ человѣками, сказано *рожденъ;* но во второмъ вопросѣ, гдѣ человѣкъ сносится съ холмомъ, надобно сыскать и слово обоимъ имъ, но болѣе холму приличное; а потому *сотворился*, *сдѣлался*, не хорошо; *составился*, *произшелъ*, хотя и лучше, однако сіи глаголы не показываютъ, не изображаютъ мнѣ той густоты, какую глазъ мой видитъ въ холмѣ; и такъ всѣ сіи слова испортятъ выраженіе: *или прежде холмовъ сгустился еси.* Когда въ главѣ шестнатцатой прочитаю: *да пріидетъ мольба моя ко Господу*, *предъ Нимъ же да каплетъ око мое*, тогда хотя и знаю много другихъ выраженій, подобныхъ послѣднимъ въ сей рѣчи словамъ, таковыхъ, какъ *станемъ плакать предъ нимъ*, *рыдать*, *проливать слезы*, однако чувствую, что всѣ сіи выраженія не такъ сильны, не такъ важны, какъ выраженіе *да каплетъ око мое предъ Нимъ!* Сколько найду я подобныхъ мѣстъ, изъ которыхъ обогащаюсь мыслями и научаюсь знать силу словъ и языка! Что можетъ быть поразительнѣе и ужаснѣе сихъ выраженій, какими

удрученный всѣми злосчастіями Іовъ описываетъ свое состояніе: *тлѣю духомъ носимь — прошу же гроба и не улучаю. Молю болѣзнуя, и что сотворю? — Дніе мои прейдоша въ теченіи, расторгошася же удове сердца моего. Нощь въ день преложилъ — адъ ми есть домъ, въ сумрацѣ же постлася ми постеля: смерть назвахъ отца моего быти, матерь же и сестру ми гной. Гдѣ убо еще есть ми надежда?* и проч. Какое сближеніе самыхъ любезнѣйшихъ предметовъ съ самыми ужаснѣйшими! Могилу почитать домомъ своимъ! Мракъ постелею! Смерть отцемъ! Гной матерью, и сестрою! Но таковъ есть образъ смерти. Истина представлена здѣсь въ самомъ только ужаснѣйшемъ видѣ, впрочемъ не престаетъ быть истинною.

Прейдемъ ли отъ Іова къ великолѣпію и грому псалмовъ Давидовыхъ? Когда божественный пѣснопѣвецъ сей начинаетъ говорить о Богѣ, какая въ словахъ его изображается любовь и надежда на него: *возлюблю тя Господи крѣпосте моя, Господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на него: защититель мой, и рогъ спасенія моего, и заступникъ мой!* Кажется уста его не могутъ насытиться повтореніемъ имени Господня и различными благодѣяній Его изчисленіями. Кончитъ и опять начинаетъ. То-

лико силенъ въ немъ духъ благодарности! Когда же говоритъ о бѣдствіяхъ своихъ, отъ которыхъ бы погибъ онъ безъ помощи Божіей, то какими пламенными чертами изображаетъ ихъ: *одержаша мя болѣзни смертныя, и потоцы беззаконія смятоша мя. Болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя сѣти смертныя!* Посреди сихъ бѣдствій, уготованныхъ ему отъ враговъ его, взываетъ онъ ко Всевышнему. Богъ услышалъ теплыя молитвы его, и когда *подвигнулся* на помощь ему, тогда *трепетна бысть земля, и основаніе горъ смятошася.* Толикій страхъ и потрясеніе въ природѣ производитъ единое мановеніе Божіе! Но послушаемъ, какими чертами описываетъ онъ грядущаго на помощь къ нему Творца: *взыде дымъ гнѣвомъ Его, и огнь отъ лица Его воспламенится: угліе возгорѣся отъ Него. И приклони небеса и сниде, и мракъ подъ ногама Его.* (Одно сіе выраженіе: *и приклони небеса,* даетъ уже величественное, страшное понятіе о томъ, кто съ нихъ нисходитъ). *И взыде на Херувими, и летѣ, летѣ* (прекрасное повтореніе) *на крилу вѣтреню. — Отъ блистанія предъ Нимъ облацы проидоша: и угліе огненное!* (Таковъ во славѣ и во гнѣвѣ Богъ)! *И возгремѣ съ небесе Господь, и вышній даде гласъ свой. Низпосла стрѣлы, и разгна я* (т. е. враговъ): *и молніи умножи,*

и смяте я. И явишася источницы водніи, и открышася основанія вселенныя. — Отъ чего природа въ такомъ ужасѣ и движеніи, что глубина водъ разступилась и открыла основанія вселенной? — *Отъ запрещенія Твоего Господи, отъ дохновенія духа гнѣва Твоего.* Какая высота въ мысляхъ! Какая сила въ выраженіяхъ и словахъ!

Индѣ съ какою громкостію начинаетъ онъ воспѣвать Бога: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь. День дни отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ. Не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ: во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ.* Подлинно созерцаніе небесъ, премѣны дня съ нощію, всѣ сіи чудныя, великолѣпныя явленія, не суть рѣчи или словеса, но вѣщанія, исходящія во весь міръ, и громче всякаго языка или гласа проповѣдующія славу своего Создателя. *Въ солнцѣ положи селеніе Свое: и той яко женихъ исходяй отъ чертога Своего, возрадуется яко исполинъ тещи путь: отъ края небесе исходъ Его, и срѣтеніе Его до края небесе: и нѣсть, иже укрыется теплоты Его.* Подлинно подобно блистающему въ златыхъ одеждахъ жениху выходитъ оно изъ чертога своего. Подлинно, какъ исполинъ, надѣющійся на силу свою, радуется, что предпріемлетъ

тещи сей великій путь, котораго начало есть одинъ, и котораго конецъ есть другой край неба. Подлинно ничто не укроется отъ теплоты животворныхъ, всепроницающихъ лучей его. Послѣ сего величественнаго изображенія славы Бога, кто не повѣритъ, что: *законъ Господень непороченъ; свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младенцы. Оправданія Господня права, веселящая сердце. Заповѣдь Господня свѣтлà, просвѣщающая очи. Страхъ Господень чистъ, пребываяй въ вѣкъ вѣка. Судьбы Господни истинны, оправданны вкупѣ; вожделенны паче злата и камене честна многа, и сладша паче меда и сота?*

Въ иномъ мѣстѣ, по исчисленіи тяжкихъ народа своего страданій въ плѣну, съ какимъ огнемъ и движеніемъ духа проситъ онъ Бога о избавленіи своемъ: *зане Тебе ради умерщвляемся весь день, вмѣнихомся яко овцы заколенія. Востани, вскую спиши Господи? Воскресни и не отрини до конца. Вскую лице Твое отвращаеши? Забываеши нищету нашу и скорбь нашу? Яко смирися въ перстъ душа наша, прилпе земли утроба наша. Воскресни Господи, помози намъ, избави насъ имене ради Твоего.* Какія смѣлыя выраженія: *вскую спиши Господи? Вскую лице Твое отвращаеши? Забываеши нищету нашу и скорбь нашу!* Кажется, какъ будто онъ укоряетъ Бога;

какъ будто говоритъ Ему нѣчто оскорбительное и дерзновенное. Но можетъ ли благость Божія оскорбиться сими взываніями, обнажающими предъ Нимъ всю внутренноть души, и которыхъ смѣлость родилась отъ сильнаго желанія призвать Его къ себѣ на помощь? Можетъ ли чадолюбивый отецъ прогнѣваться на сына, вопіющаго къ нему всемъ гласомъ любви и надежды своей на него? Притворная любовь робка отъ опасенія, чтобъ не проникнули оную; истинная любовь смѣла, отъ увѣренности на свою искренность. Колико сіи смѣлые вопросы отъ персти, отъ червя, должны всемогущему Богу быть пріятны въ смѣшеніи съ сими уничиженными мольбами: *воззри на нищету нашу, смирися въ персть душа наша, прилпе земли утроба наша: воскресни, и не отрини до конца, воскресни Господи, помози намъ, и избави насъ имени ради Твоего!* Сіе соединеніе простыхъ и смѣлыхъ выраженій вмѣстѣ съ усильными и уничиженными, есть жаръ кипящаго усердія, есть разумѣніе чувствовать и высокое искуство писать.

Но кто исчислитъ всѣ красоты, находимыя въ Священныхъ Писаніяхъ? Здѣсь, въ Псалтири замѣтили мы, какъ въ морѣ каплю воды, нѣсколько такихъ мѣстъ, въ которыхъ видно пареніе духа, выспренность мыслей и высота языка; но перейдемъ въ

пѣсни пѣсней: тамъ найдемъ мы совсѣмъ другое: языкъ простѣе, мягче, нѣжнѣе. Напримѣръ сіе призываніе къ себѣ невѣсты исчисленіемъ весеннихъ прелестей: *востани, пріиди ближняя моя, добрая моя, голубице моя, яко се зима прейде. Дождь отыде. Цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія присп̃ѣ; смоквь изнесе цвѣтъ свой, виногради зрѣюще даша воню. Востани, пріиди ближняя моя, добрая моя, голубице моя, пріиди; яви ми зракъ твой, и услышанъ сотвори ми гласъ твой: яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой красенъ.* Индѣ быстрота слога сопряжена съ нѣкоторою величественною нѣжностію, какъ напримѣръ въ сей рѣчи: *востани сѣвере, и гряди юже, и повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя;* или въ сей: *дщери Сіони изыдите и видите Царя Соломона въ вѣнцѣ, имже вѣнча мати его, въ день обрученія, и въ день веселія сердца его.* Многія краткія рѣченія содержатъ въ себѣ силу, до какой простое нарѣчіе никогда возвыситься не можетъ. Возмемъ сіе мѣсто въ пятой главѣ, гдѣ невѣста видитъ во снѣ жениха своего, пришедшаго въ бурную ночь къ дверямъ ея спальни, и просящагося войти къ ней. Она съ трепетомъ отворяетъ двери, но онъ сказавъ нѣчто, проходитъ мимо и становится невидимъ: *отверзохъ азъ брату моему* (слово братъ

пріемлется въ пѣсняхъ пѣсней за слово женихъ). *Братъ мой прейде. Душа моя изыде въ слово его. Взыскахъ его, и не обрѣтохъ его, звахъ его, и не послуша мене.* Можно ли живость и силу чувствованія, при услышаніи голоса возлюбленнаго своего, выразить лучше сего: *душа моя изыде въ слово его?* Какой новѣйшій языкъ скажетъ такъ сильно? Посмотримъ, напримѣръ, тожъ самое выраженіе на Французскомъ языкѣ: *mon ame se pâma de l'avoir oui parler.* Гдѣ въ семъ слабомъ сказаніи то живое, жаркое чувствованіе, какое пылаетъ въ рѣчи: *душа моя изыде въ слово его?* Но мы устанемъ, приводя примѣры сихъ красотъ, сихъ выраженій краткихъ, сильныхъ, великолѣпныхъ: *братъ мой бѣлъ и черменъ, избранъ отъ темъ. Глава его злато избранно; власы его кудрявы, черны, яко вранъ. Ланиты его, аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоніе. Устнѣ его крины, каплющіи смирну. Лыста его столпи мраморовы, основаны на степенехъ златыхъ. Гортань его сладость, и весь желаніе.* Сравнимъ сіе послѣднее выраженіе: *гортань его сладость, и весь желаніе,* съ Французскимъ: *son palais n'est que douceur, tout ce qui est en lui sont des choses désirables,* не почувствуемъ ли чрезмѣрной разности между сими двумя выраженіями? Сколько одно кратко и сильно, столько другое растянуто и слабо.

Свойство нашего языка позволяетъ сказать прямо: *гортань его сладость.* Французъ, напротивъ не можетъ сказать: *son palais douceur;* ему надобно непремѣнно включить тутъ ослабляющія рѣчь сію ненадобныя намъ слова *n'est que* (не есть какъ). Мы можемъ сказать: *весь желаніе;* а онъ вмѣсто сего долженъ сказать: *все то, что есть въ немъ, суть вещи желаемыя.* Какое безполезное многословіе!

Что составляетъ краснорѣчіе, какъ не избранныя, богатыя смысломъ слова, расположенныя такимъ образомъ, что услаждаютъ вмѣстѣ и слухъ и разумъ? Что составляетъ силу и высоту слога, какъ не краткость? Но чтожъ иное, какъ не то вездѣ примѣчаемъ мы въ языкѣ нашемъ? Сколько въ Сирахѣ, въ Притчахъ Соломоновыхъ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, въ Пророкахъ, въ Посланіяхъ и проч., находимъ мы (не говоря о цѣлыхъ мѣстахъ, требующихъ пространныхъ выписокъ) однихъ краткихъ, исполненныхъ разума рѣченій, таковыхъ, какъ: *законъ мудрому источникъ жизни. — Ярость царева вѣстникъ смерти. — Мудрый во устахъ носитъ разумъ. — Вѣнецъ хвалы старость.* — И тому подобныхъ?

Наконецъ обратимся ли отъ Библіи къ молитвамъ нашимъ, къ священнымъ обрядамъ, сколько и тамъ найдемъ сильныхъ,

краснорѣчивыхъ мѣстъ? Что можетъ быть печальнѣе сего размышленія о смерти при погребеніи человѣка: *плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. О чудесе! что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти? Во истину Бога повелѣніемъ,* и пр. Во многихъ Риторикахъ читаемъ мы примѣры извѣстнаго въ краснорѣчіи украшенія, называемаго *Займословіемъ*, которымъ влагается рѣчь во уста мертваго; но гдѣ найдемъ примѣръ жалостнѣйшій сего при погребеніи пѣнія: *зряще мя безгласна, и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ братія и друзи, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапу найде на мя страшный часъ смертный: но пріидите вси любящіи мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ. Къ судіи бо отхожду, идѣ же нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка вкупѣ предстоятъ, царь и воинъ, богатый и убогій, въ равномъ достоинствѣ: кійждо бо отъ своихъ дѣлъ, или прославится, или постыдится,* и проч.? Каждая рѣчь, каждое слово произаетъ сердце.

Но не уже ли могу я исчислить всѣ красоты въ Священныхъ Писаніяхъ, въ нравоучительныхъ духовныхъ твореніяхъ, въ

житіяхъ Святыхъ Отецъ, въ сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго, въ проповѣдяхъ Ѳеофановыхъ, Платоновыхъ и проч.? Не достанетъ моихъ на то ни силъ, ни разума, ни жизни! Итакъ оставимъ сіе великое море тому, чей умъ, для обогащенія своего, хочетъ въ немъ плавать, странствовать, собирать, и обратимся къ третьему нашему разсужденію.

СТАТЬЯ III,

Въ которой разсматривается, какими средствами словесность наша обогащаться можетъ, и какими приходитъ въ упадокъ.

Мы разсмотрѣли въ первой статьѣ превосходныя свойства языка нашего. Мы показали во второй статьѣ употребленіе сихъ свойствъ въ красотахъ Священныхъ Писаній. Изъ сихъ двухъ разсмотрѣній довольно явствуетъ, что источникъ языка нашего богатъ коренными словами, изобиленъ вѣтвями отъ оныхъ, и что намъ для украшенія нынѣшняго нашего нарѣчія остается только черпать изъ онаго. Но распространившіеся ко вреду словесности толки о мнимой разности Славенскаго языка съ Рускимъ

не только не дають ей процвѣтать, ниже пребывать твердою и постоянною. Сіи толки можемъ мы видѣть и читать во многихъ нынѣшнихъ книгахъ. Итакъ о семъ намѣренъ я распространить мое слово. Хотя таковое изслѣдованіе излишне для ученыхъ мужей, составляющихъ Россійскую Академію; но не излишне оное для всего круга людей, упражняющихся въ словесности.

Отколѣ родилась неосновательная мысль сія, что Славенскій и Рускій языкъ различны между собою? Ежели мы слово *языкъ* возмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то конечно можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библія, Четиминеи, Несторова лѣтопись, Ѳеофановы проповѣди, Кантемировы сатиры, оды Ломоносова, сочиненія Петрова, Богдановича, и проч., суть книги писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же Славенской или Руской. Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви отъ нихъ произшедшія. Когда оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя

всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣжъ примѣчаемъ мы то въ нашемъ нарѣчіи? Мы не имѣемъ нынѣ двойственнаго числа, не говоримъ *ядоста*, *идоста*, *ногама*, *рукама*; но говоримъ *ядятъ*, *идутъ*, *руками*, *ногами*; мы у тѣхъ же самыхъ именъ и глаголовъ измѣнили только окончаніе: слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нимало не уклонившемся чрезъ то отъ разума и свойствъ языка. Скажутъ: мы много имѣемъ двоякихъ именъ, изъ которыхъ однѣ Рускія, а другія Славенскія, напримѣръ по Руски *глазъ*, *лобъ*, *щоки*, *плечи*, а по Славенски *око*, *чело*, *ланиты*, *рамена*. Но чемъ докажутъ мнѣ, что *глазъ*, *лобъ*, *щоки*, *плечи*, суть Рускія, а не Славенскія названія? Сошлются ли на то, что ихъ нѣтъ въ Священныхъ Писаніяхъ. Это не доказательство: 1е по тому, что во всякомъ языкѣ есть сословы, слѣдовательно и въ нашемъ быть должны. 2е, Что нѣкоторые изъ нихъ и въ Священныхъ книгахъ попадаются. Напримѣръ индѣ сказано *раменà*, индѣ *плещи* или *плечи*. 3е, Священныя книги обыкновенно пишутся высокимъ или важнымъ слогомъ, а по тому, хотя бы въ нихъ и не было нѣкоторыхъ словъ, это не отрицаетъ еще

существованія оныхъ въ Славенскомъ языкѣ; ибо въ какомъ важномъ сочиненіи найдемъ мы *калякать*, *кобениться*, *задориться*, *пригорюниться*, *ошеломить*, *треснуть въ рожу*, и подобныя тому простыя или низкія слова? Весьма бы странно было признать ихъ не Славенскими для того только, что ихъ нѣтъ въ высокихъ твореніяхъ, въ которыхъ имъ и быть неприлично. Возмемъ Библію, лѣтописи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочиненій найдемъ мы разные слоги, разныя нарѣчія, и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не существующихъ, но которымъ корни однакожъ находятся въ общемъ языкѣ, всѣ сіи роды объемлющемъ. Мы конечно не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благовонія*, ни *воздоенія*, ни *добледушія*, ни *древодѣлія*; а напротивъ того въ Библіи не найдемъ ни *любчика*, ни *голубчика*, ни *удалаго добраго молодца*; однако не можемъ изъ сего различія заключить о разности языковъ. Всякое слово, какъ мы въ первой статьѣ видѣли, пускаетъ отъ себя вѣтви, изъ которыхъ иныя приличны высокому, а другія простому нарѣчію или слогу. Изъ сего раздѣленія ихъ не слѣдуетъ утверждать, будто бы оныя не одно и тожъ дерево составляли. Могутъ еще сослаться на слова *лошадь*, *колпакъ*, *кучеръ*, *артиллерія*, *фортификація*,

и проч.: но сіи столькоже не Славенскія, сколько и не Руския, потому что изъ чужихъ языковъ взяты. Чтожъ такое Руской языкъ отдѣльно отъ Славенскаго? Мечта, загадка. Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова? Между тѣмъ однакожъ, не взирая на сію несообразную странность, многіе новѣйшіе писатели на семъ точно мнимомъ раздѣленіи основываютъ словесность нашу. Они не о томъ разсуждаютъ, что такое-то слово въ такомъ-то слогѣ высоко или низко; таковое сужденіе было бы справедливо; но нѣтъ, они о каждомъ словѣ особенно, не въ составѣ рѣчи, говорятъ: это Славенское, а это Руское. Сіе неудобовозможное раздѣленіе основываютъ они на томъ мечтательномъ правилѣ, что которое слово употребляется въ обыкновенныхъ разговорахъ, такъ то Руское, а которое не употребляется, такъ то Славенское. Утверждаясь на семъ мнѣніи, проповѣдуютъ они, что всѣ Славенскія слова надобно изключить изъ нынѣшняго языка и писать, какъ говоримъ. Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ совершенное краснорѣчіе. Они называютъ это *утонченною литтературою* или *новою эпохою языка*, и все то, что до нихъ, или не по ихъ писано, отвергаютъ, яко

старое и обветшалое. Разсмотримъ, основательно ли сіе ихъ умствованіе.

Мы доказали, что Славенской и Руской языкъ есть одно и тоже. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хотя бы онѣ разнствовали между собою, не могутъ называться одно Славенскимъ, а другое Рускимъ; въ такомъ случаѣ предполагалось бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ. Но положимъ, что мы для различенія прежняго и нынѣшняго нарѣчія назовемъ, хотя и несвойственно, одно Славенскимъ, а другое Рускимъ нарѣчіемъ. Станемъ разумѣть подъ именемъ Славенскаго языка нарѣчіе Священнаго Писанія, а подъ именемъ Рускаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ. Въ чемъ состоитъ разность между сими двумя нарѣчіями? Безсомнѣнія въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не въ раздѣленіи оныхъ на Славенскія и Рускія; ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе? Ежели назовемъ *воронъ*, *корова*, *воробей*, *молоко*, Рускими словами; а *вранъ*, *крава*, *врабій*, *млеко*, Славенскими; то за чемъ же говоримъ по Славенски *нравъ*, *врагъ*, *владѣть*, *награда*; а не по Руски, *норовъ*, *ворогъ*, *володѣть*, *нагорода*, какъ читаемъ въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ? Ежели скажемъ, что *лѣпота* есть Славенское, а *красота* Руское

слово; то къ какому же языку причислимъ слово *великолѣпіе?* Буде къ Славенскому, такъ по правилу сихъ проповѣдниковъ въ нынѣшнемъ нарѣчіи употреблять его не должно; а буде къ Рускому, то какимъ образомъ, не знавъ что *лѣпота*, будемъ мы знать что *великолѣпіе?* Ежели скажемъ, что глаголъ *дѣлаю* есть Руской, а *дѣю* Славенской; такъ за чемъ же говоримъ *злодѣяніе, злодѣй?* Таковыхъ затрудненій могъ бы я представить множество. Какимъже образомъ въ составѣ языка разберемъ мы что̀ Славенское и что̀ Руское? Обыкновенное противъ сего возраженіе людей, не читающихъ ничего твердаго, созидающаго въ насъ зрѣлость ума и разсудка, состоитъ въ томъ, что когда они напишутъ десятка два бранныхъ противъ Славенскаго языка стишковъ, и въ простыя рѣчи не кстати вставятъ нѣсколько высокихъ (называемыхъ Славенскими) словъ, то и торжествуютъ, думая, что они ясно доказали худость сего языка. Имъ до разбора свойствъ онаго, до первоначальныхъ основаній, до кореннаго заключающагося въ словахъ смысла, и до всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ нѣтъ никакой нужды. Они не изъ книгъ, писанныхъ учеными и знающими силу языка людьми, хотятъ учиться оному, но изъ простонародныхъ разговоровъ. По ихъ мнѣнію говорящій ны-

нѣшнимъ нарѣчіемъ староста церковный гораздо краснорѣчивѣе Преосвященнаго Ѳеофана, говорившаго Славенскимъ нарѣчіемъ. У нихъ только и вопросовъ: не ужъ ли намъ говорить: *аще бы ты не скоро возвратился, я бы не дождавшись тебя, абіе ушолъ домой?* Имъ довольно поставить не кстати *аще* и *абіе*, дабы возненавидѣть весь Славенскій языкъ, какъ будто онъ и виноватъ въ томъ, что они употреблять его не умѣютъ. По этому ежели я скажу: *несомый быстрыми конями рыцарь внезапу низвергся съ колесницы и расквасилъ себѣ рожу*, такъ будетъ Руской языкъ виноватъ, что я сказалъ на немъ такую нелѣпость? Нѣтъ, тутъ никакова языка винить не можно, а должно винить себя за то, что мы ни на которомъ изъ нихъ не умѣемъ прилично объясняться. Заключать же изъ подобныхъ доказательствъ о худости языковъ есть судъ объ оныхъ самый невѣжественный. Итакъ не Славенскій языкъ, отдѣляя отъ Рускаго, презирать; не слова онаго на Славенскія и Рускія раздѣлять; но какое слово какому слогу прилично, знать надлежитъ. Ломоносовъ не спрашивалъ о словѣ *велегласно*, Славенское ли оно или Руское; но зналъ, что это высокое слово, и для того не сказалъ бы никогда въ разговорахъ съ пріятелями: *я, братецъ, велегласно зову тебя на чашку чаю;*

но когда пришлось ему писать оду, такъ онъ тамъ не усумнился сказать:

Сіе всѣ грады велегласно,
Что время при тебѣ прекрасно,
Монархиня, живутъ и чтитъ;
Сіе всѣ грады повторяютъ,
(Ода 12.)

Онъ не утверждалъ, что надобно вездѣ вмѣсто *сіе* писать *это*. Нѣтъ! онъ въ разговорахъ конечно говаривалъ: *это, мой другъ, бездѣлица;* но въ важномъ слогѣ никогда вмѣсто: *сіе всѣ грады повторяютъ*, не сказалъ бы, *это всѣ грады повторяютъ*, какъ мы нынѣ тысячи тому примѣровъ найдемъ отъ премудраго проповѣдыванія *пиши*, *какъ говоришь*. Державинъ также въ простыхъ разговорахъ не сказалъ бы нигдѣ *ошую* и *одесную*, но когда сочинялъ возвышеннаго рода стихи, тогда, не останавливаясь на разборѣ сихъ словъ, Славенскія ли онѣ, или Рускія, поставилъ:

Тамъ тысящи падутъ ошую,
Кровавая горитъ заря,
Тамъ милiоны одесную,
Покрыты трупами моря.

Гдѣ сыщемъ мы въ лучшихъ нашихъ писателяхъ и стихотворцахъ отверженіе важныхъ словъ и различнаго окончанія причастій, подъ предлогомъ, что вкусъ не позволяетъ употреблять ничего Славенскаго?

Лагарпъ, сравнивая Французской языкъ съ древними, то есть Греческимъ и Латинскимъ, между прочими разсужденіями говоритъ: „Греки имѣютъ ихъ (причастія) во „всѣхъ временахъ и еще троякія, то есть „каждое изъ нихъ съ тремя разными окон„чаніями. — Спросятъ: на что такое мно„жество? — Вотъ, сказали бъ Греки, во„просъ *варваровъ*. Можетъ ли быть много „разнообразія въ звукахъ, когда хотимъ ла„скать ухо? Стихотворцамъ и краснoсло„вамъ досадно ли выбирать любое?" Вотъ какъ разсуждалъ Лагарпъ. Также точно разсуждалъ Ломоносовъ, и всѣ подобные ему писатели. Для доказательства сего приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ безсмертныхъ его сочиненій:

Но вы, о коль благополучны,
Москву поящія струи!
Вы *ударяючи* во бреги тучны
И проходя поля свои,
Ликуйте, свѣтло веселитесь:
Вы скоро, скоро *насладитесь*
Богини щедрыя очей.
Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены,
Видѣнія ея лишенны,
Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за ней.
Сердцами пойдутъ и устами
Въ восторгѣ сладкомъ возгласятъ:
Коль славными она дѣлами
Петровъ распространила градъ,
И какъ *о свѣтломъ оной взорѣ*

Возвеселясь подвиглось море,
И къ звуку приложило шумъ.
(Ода 11).

Отверзтіемъ священныхъ устъ,
Трясущи сѣдиной вѣщаетъ.
(Ода 12).

Но палъ, и *трясучись* о землю тыломъ билъ.
(Трагед. Мамай).

Россію самъ Господь блюдетъ,
Рукою онъ Елисаветы
Противныхъ разрушитъ *навѣты.*
(Ода 2).

Богиня, коея державу
Обнять не могутъ *седмь* морей.
(Ода 3).

Въ церквахъ, по *стогнамъ*, по домамъ,
Несчетно множество народу
Гремящу представляетъ воду,
Что гласъ возноситъ къ небесамъ.
(Ода 17).

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ *навергнуть* тщится узы.
(Ода 13).

Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ,
Соблещетъ молнія мечу.
(Ода 15).

Изъ сихъ не многихъ выписокъ видимъ мы, какъ много Ломоносову способствовало чтеніе Священныхъ книгъ; ибо всѣ сіи выраженія: *ликуйте, свѣтло веселитесь, насладитесь богини щедрыя очей, о свѣтломъ оной взорѣ возвеселясь подвиглось море*, также и слова таковыя, какъ *навергнуть, соблещетъ,*

навѣтъ, *стогна*, почерпнуты оттуда, а не изъ употребленія въ разговорахъ. Онъ не отвергалъ никакихъ причастій, но зналъ, гдѣ по мѣрѣ простоты или высокости и силы выраженія должно сказать *ударяя*, гдѣ *ударяючи*, гдѣ *трясущи*, гдѣ *трясучись*; не говорилъ, что слова̀ *навѣтъ*, *стогна*, *седмь*, должно выкинуть изъ языка для того, что онѣ въ разговорахъ не употребляются; зналъ, что глаголъ *навергнуть* въ возвышенномъ слогѣ приличнѣе, нежели равнозначущіе ему глаголы *накинуть*, *наложить*, *набросить*; вѣдалъ, что *молнія соблещетъ мечу* гораздо сильнѣе и краснорѣчивѣе, нежели *молнія блистаетъ вмѣстѣ съ мечемъ*.

Главнѣйшая сила и богатство языка нашего въ томъ состоитъ, что мы имѣемъ великое изобиліе высокихъ и простыхъ словъ, такъ, что всякую важную мысль можемъ изображать избранными, а всякую простую обыкновенными словами. Сіе изобиліе языка нашего требуетъ отъ насъ такого въ прибираніи словъ искуства, какое должны имѣть продавцы жемчужныхъ нитей: малѣйшая худость или неравенство одной жемчужины съ другими уменьшаетъ въ глазахъ знатока цѣну всей нитки. Напримѣръ *рамена̀* и *плечи* суть два слова, оба не низкія; но возмемъ слѣдующій стихъ Ломоносова:

Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.

Могъ ли бы Ломоносовъ вмѣсто: *и рамена подвигнулъ*, сказать здѣсь: *и плечи подвинулъ?* Отнюдь нѣтъ. Такое выраженіе обезобразило бы стихъ его. Но Херасковъ во Владимірѣ могъ сказать:

Лежатъ ея власы, какъ злато по плечамъ.

Для чего въ стихѣ Ломоносова надлежало сказать *рамена̀*, а въ стихѣ Хераскова можно было употребить *плечи?* Для того, что въ первомъ изъ оныхъ всѣ прочія слова суть высокія: *напрягся*, *мышцы*, *подвигнулъ;* слѣдовательно мысль и слова въ немъ гораздо выше, нежели въ стихѣ Хераскова; а потому равенство слога и требовало сочетанія одинакой высоты словъ.

Когда оды требуютъ нѣкоего возвышеннаго слога, то поэмы и подобныя тому творенія еще болѣе. Откуду же возмемъ мы высокой слогъ или языкъ, когда не станемъ почерпать оный изъ единственнаго источника Священныхъ Писаній? Возмемъ почти сряду нѣсколько стиховъ изъ первой пѣсни Владиміра, поэмы Хераскова:

Рцы, Господи, мнѣ *рцы*: въ Тебѣ да будетъ свѣтъ!
И важну пѣснь мой духъ во свѣтѣ воспоетъ.

Рцы, есть Славенское выраженіе.

Жрецы подъ именемъ боговъ народомъ правятъ;
Глаголы ихъ Царя вселенныя безславятъ;
Возпламеняютъ ихъ *гаданія* войну,
Ихъ руки продаютъ за *злато* тишину,
Изъ идольскихъ щедротъ позорну *куплю дѣютъ*,
Корысти собственной, не пользѣ душъ радѣютъ.

Глаголы, гаданія, злато, куплю дѣять, суть тоже Славенскія выраженія.

Поработилъ себя презрѣнному *кумиру*
Не Богу вышнему, *работалъ* тлѣнну міру.

Кумиру, по Славенски, по просту болвану; *работать кому*, тоже есть Славенское выраженіе.

Отъ сей спасительной и *чистыя* струи
Меня, о мужъ *святый*, при жаждѣ *напои*.

Отъ чистыя, святый, напои, все это Славенское; по просту *изъ чистой, святой, напой*.

Болѣзненно сіе Владиміру велѣнье.

Болѣзненно, тоже Славенское; ибо мы въ просторѣчіи не говоримъ: *мнѣ болѣзненно*. а говоримъ *больно*, *тяжело*, *досадно*. или тому подобное.

Тогда разсыпались вездѣ *клевреты* ихъ,
На жертву *привлещи* во храмъ мужей святыхъ.

Клевреты, привлещи, тоже Славенское, по просту *товарищи*, *притащить*.

Текутъ на верхъ горы, какъ вихри, пыль, *віющи*
Въ сердцахъ свирѣпый гнѣвъ, въ колчанахъ смерть *несущи*.

или:

Какъ древній дубъ зимой, *имѣющъ* свѣжій видъ.

или:

Но жрецъ Пламидъ прервалъ молчаніе свое,
И яростью *кипящъ*, невиннымъ *рекъ* сіе.

Всѣ сіи причастія: *віющи*, *несущи*, *имѣющъ*, *кипящъ*, и глаголъ *рекъ*, суть Славенскія, неупотребляемыя въ простыхъ разговорахъ.

Священная *чета* когда вступила въ храмъ,
Молчаніе *крилѣ* распространило тамъ.

Чета, *крилѣ*, тоже Славенское; по просту *парочка*, *крылья*.

Страхъ нѣкій на *челахъ* у всѣхъ изобразился,
А праведниковъ *ликъ* сіяньемъ озарился.

или:

Ланиты токомъ слезъ имѣя орошенны,
Власы по *раменамъ* волнами распущенны.

или:

Двѣ души праведныхъ оставивъ *тѣлеса*,
На радужныхъ *крилѣхъ* летятъ на небеса.
Уже предѣловъ тѣхъ касаются они,
Гдѣ огненна вода, гдѣ влажные огни;
Гдѣ *велелѣпіе* божественнаго міра
Составленна изъ звѣздъ небесна славитъ *лира*.

Сколько здѣсь Славенскаго: *чело*, *ликъ*, *ланиты*, *власы*, *рамена*, *тѣлеса*, *крилѣ*, *велелѣпіе!* Какая пища для посмѣянія и хулы тѣмъ, которые отрицаются отъ сего языка!

Одѣянъ свѣтлою небесною зарей.

Одѣянъ! и здѣсь Славенское; по разговорному *одѣтъ*.

Мной крестъ Спасителевъ воздвигнутъ Россамъ *втунѣ;*
Не мыслятъ о Тебѣ, но мыслятъ о Перунѣ.

Втунѣ! этова слова не говорятъ въ разговорахъ, скажутъ тѣ, которые разговорнымъ языкомъ пишутъ поэмы.

Многоочитыя не движутся колеса.

Многоочитыя, Славенское.

Померкли свѣтлые небесные огни,
И *вспять* подвиглися со трепетомъ они.

Вспять, Славенское.

Изъ сего начала поэмы можемъ уже видѣть, какъ необходимъ былъ Хераскову Славенскій языкъ, не говоря о томъ, что и всѣ прочія слова не перестаютъ быть Славенскими отъ того, что однѣ изъ нихъ употребительнѣе въ разговорахъ, нежели другія. Хорошо ли бы сей знаменитый стихотворецъ сдѣлалъ, если бы вмѣсто *рцы Го-*

споди, гоняясь за простотою словъ, поставилъ: говори Господи? Если бы вмѣсто *многоочитыя* сказалъ *многоглазыя*, вмѣсто *вспять подвиглися*, назадъ попятились, и тому подобное? Возмемъ еще сколько нибудь стиховъ изъ другихъ нашихъ хорошихъ стихотвореній, напримѣръ изъ Дмитріева:

И ты (Москва) *съ лица земнаго круга*,
Едва не скрылась отъ *очесъ*.

Лице земли, *очеса*, суть Славенскія выраженія.

Откуду шумъ? приникши ухомъ
Рекъ воинъ, въ думу погруженъ.

или:

Здѣсь бурный *конь* съ копьемъ *во чревѣ*.

Рекъ, *конь*, *чрево*, (по просту: сказалъ, лошадь, брюхо), суть Славенскія слова, то есть неупотребительныя въ разговорахъ.

Тамъ *дѣва юная трепещетъ*;
Тамъ старецъ смотритъ въ небеса,
И *къ хладну сердцу выю клонитъ*.

или:

На немъ два мужа изнуренны,
Какъ тѣни въ адѣ заключенны,
Сидятъ *склонясь на длань главой*,
Единый младъ, другій съ брадой.

Ежели отказываться отъ Славенскаго языка и писать по разговорному, такъ уже

надобно говорить *молодая дѣвка дрожитъ*, а не *юная дѣва трепещетъ*; *къ холодному сердцу шею гнетъ*, а не *къ хладну сердцу выю клонитъ*; *опустя голову на ладонь*, а не *склонясь на длань главой*; *одинъ молодъ, другой съ бородою*, а не *единый младъ, другій съ брадой*.

Можетъ быть съ нѣкоторымъ излишествомъ распространился я въ показаніи примѣровъ, что мы безъ Славенскаго языка ничего важнаго и краснорѣчиваго написать не можемъ; но мнѣ нужно было сдѣлать сіе ощутительнымъ, дабы показать, что мы не иное что подъ Славенскимъ языкомъ разумѣемъ, какъ тотъ языкъ, который выше разговорнаго, и которому слѣдственно не можемъ иначе научиться, какъ изъ чтенія книгъ. Какое иное опредѣленіе сдѣлаемъ мы Славенскому языку? Когда же сіе есть истинное и единственное опредѣленіе его, то само по себѣ явствуетъ, что онъ есть высокій, ученый, книжный языкъ. Итакъ чтожъ подумать о тѣхъ провозвѣстникахъ новаго краснорѣчія, которые вопіютъ противъ него, утверждая, что Руской языкъ различенъ отъ Славенскаго, и что надобно всегда и вездѣ писать по разговорному? Знаютъ ли они, что такое краснорѣчіе, что Руской, и что Славенской языкъ? Употребленіе нѣкоторыхъ словъ онаго не тамъ, гдѣ должно

(въ чемъ состоитъ единственное ихъ противъ него доказательство), не похоже ли на то, какъ бы женщина доказывала худость алмазовъ тѣмъ, что они повѣшенные у нея на носу и на губахъ безобразятъ ее? Но ктожъ ей велитъ вѣшать ихъ не тамъ, гдѣ прилично? Должно ли для того, что она не умѣетъ украшаться ими, превратить всѣхъ ихъ въ простые каменья? Поищемъ сперва, откуду такое неосновательное мнѣніе возникнуть могло, а потомъ изслѣдуемъ, понимаютъ ли сіи наставники сами силу своего наставленія? Начало онаго, какъ мнѣ кажется, произошло отъ двухъ слѣдующихъ причинъ: 1-е, удивительное наше къ Французскому языку пристрастіе, и отъ того такой сильной въ немъ навыкъ, что весьма не малая часть пишущихъ и читающихъ у насъ людей удобнѣе понимаетъ Французскую, нежели Славенскую книгу. Сія трудность разумѣнія сочиненія на собственномъ языкѣ своемъ происходитъ отъ малаго упражненія и чтенія наономъ. Мы не можемъ никакимъ образомъ отпереться или утаить отъ себя сію истину, потому что уже никакое широкое покрывало не можетъ закрывать ее отъ очей нашихъ. Мнѣ самому случалось неоднократно слышать, что нѣкоторые Руские, пишущіе и разсуждающіе прекрасно о Французской словесности, заглянувъ не-

чаянно въ Рускую книгу, спрашивали о значеніи словъ, *мгла*, *крамола* и *поколику*. Одна Руская лѣтъ подъ шестьдесятъ барыня, разговаривая какимъ-то образомъ на своемъ языкѣ, принуждена была остановиться и спросить, какъ по Руски сказать *vainqueur*. Другая, весьма остроумная женщина, умѣющая съ разборчивостію цѣнить всѣхъ Французскихъ писателей, слушая Рускіе стихи, чистосердечно признавалась, что она о Руской словесности судить не можетъ, и винила въ томъ свое воспитаніе. Изъ сего можно посудить, что такое для многихъ изъ насъ Славенскія книги? 2-е, Поелику сія легкость Французскаго языка, почти одинакая въ книгахъ и въ разговорахъ, весьма соблазнительна для тѣхъ, которые не любятъ много трудиться и размышлять, то оная и подала поводъ къ странному воображенію, что будто мы обогатимъ и установимъ языкъ свой, когда отрекшись отъ многихъ свойствъ и словъ онаго, обрѣжемъ его, по образцу Французскаго языка, и все то, что въ немъ высокое и важное, выбросимъ, а остальное дополнимъ ихъ словами, и назовемъ это *Рускимъ языкомъ*. Очень хорошо! Но подумано ли при семъ, что обрѣзать такимъ образомъ языкъ по образцу другаго языка, есть точно такаяже невозможность, какъ обрѣзать у человѣка носъ по образцу

носа другова человѣка. Сіе сравненіе не выражаетъ еще достаточно странности таковаго намѣренія. Мы видѣли, какія различныя свойства и какое великое преимущество языкъ нашъ имѣетъ предъ тѣмъ языкомъ, съ которымъ мы его сравнить хотимъ; а по тому, ежелибъ и можно было обрѣзать его по образцу онаго, то и тогда потеряли бы мы много, а не пріобрѣли. Языкъ нашъ по природѣ громокъ и важенъ въ великолѣпныхъ, пріятенъ и сладокъ въ простыхъ описаніяхъ. Изобиліе и богатство его такъ велико, что онъ высокую рѣчь говоритъ совсѣмъ отличными словами отъ простой рѣчи; иначе по свойству его она бы и не могла быть высокая. Итакъ желаніе нѣкоторыхъ новыхъ писателей сравнить книжный языкъ съ разговорнымъ, то есть сдѣлать его одинакимъ для всякаго рода писаній, не похоже ли на желаніе тѣхъ новыхъ мудрецовъ, которые помышляли всѣ состоянія людей сдѣлать равными? Одни хотѣли, чтобъ высокой и широкогрудый мужичинища былъ равенъ силою и ростомъ съ сухощавымъ карликомъ, а другіе хотятъ, чтобъ одинакая была сила языка, въ описаніи драки пѣтуховъ и драки исполиновъ. Какъ можно истребленіе всѣхъ коренныхъ словъ языка почитать обогащеніемъ онаго? Можетъ ли рѣка быть многоводна отъ за-

гражденія всѣхъ ея источниковъ? Какъ можно самопроизвольныя, безъ всякаго разсмотрѣнія и разсужденія перемѣны въ языкѣ называть установленіемъ онаго? Можетъ ли стѣна быть тверда отъ безпрестаннаго выниманія изъ оной старыхъ и вкладыванія новыхъ камней? Давно ли писали Ломоносовъ, Херасковъ? Уже находятъ въ нихъ множество обветшалыхъ словъ! Чрезъ десять лѣтъ состарѣются тѣ, которыя нынѣ почитаются новыми. Черезъ десять другихъ лѣтъ опять новое сужденіе о словесности, новая браковка словамъ. Это называется вкусомъ, установленіемъ языка! Но кто сіи установители? Нѣсколько *журналистовъ*, неизвѣстныхъ ни именами своими, ни трудами; нѣсколько молодыхъ людей, научившихся превратно видѣть вещи. Между тѣмъ, ежели послушать ихъ, то они превеликіе просвѣтители, всѣхъ прежнихъ писателей ни во что ставятъ, себя однихъ выше небесъ превозносятъ, и тѣхъ, которые разсуждаютъ иначе о языкѣ и словесности, называютъ вкусоборцами, обращающими просвѣщеніе и науки во тьму и невѣжество. Такъ часто люди своими грѣхами упрекаютъ другихъ! Однакоже какъ бы такое умствованіе ни простерлось далеко, оно рано или поздно потеряетъ къ себѣ довѣренность; по тому что никакая ложь не

обладаетъ долго умами. Нѣтъ! не сближеніе съ Славенскимъ языкомъ, но удаленіе отъ онаго ведетъ насъ къ истинному упадку ума и словесности. Уже и такъ много мы удалились отъ него, много растеряли понятій. Надлежало бы обратиться къ нему съ любовію, а не отвращаться отъ него съ презрѣніемъ. Надлежало бы углубить разумъ свой въ изслѣдованіе мыслей, заключающихся въ словахъ; а не отвергать все то, чего мы не слыхали, и чего, не читая книгъ, и слышать не можемъ. Да позволено мнѣ будетъ въ доказательство, какъ много отъ невниканія въ значеніе словъ бѣднѣемъ мы въ мысляхъ, предложить здѣсь разсужденіе о какомъ нибудь словѣ, напримѣръ о глаголѣ *доить*. Для удобнѣйшаго объясненія мыслей моихъ, я представлю оное въ видѣ разговора между двумя человѣками, изъ которыхъ одного назовемъ *Рускимъ*, а другаго *Славениномъ*.

Слав. Что собственно значитъ глаголъ *доить*?

Рус. Выжимать молоко изъ сосцевъ какого нибудь животнаго. Напримѣръ говорится: *баба доитъ корову*.

Слав. Можно ли сказать? *корова доитъ молоко*?

Рус. Можно.

Слав. Однако въ сей рѣчи глаголъ *доить* не значитъ: *выжимать* молоко?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Чтожъ значитъ оный?

Рус. Просто давать или изливать.

Слав. Можно ли сказать: *мать доитъ младенца?*

Рус. Нѣтъ.

Слав. Для чего же нѣтъ?

Рус. Для того, что такъ не говорится.

Слав. Почему не говорится?

Рус. По тому, что въ этихъ словахъ нѣтъ никакой мысли.

Слав. А мнѣ кажется, вы отъ того такъ не говорите, что о словахъ, составляющихъ языкъ, мало разсуждаете; и что ежели бы разсуждали болѣе, то непремѣнно бы и говорили.

Рус. Можетъ быть; но чемъ вы это докажете?

Слав. Собственными вашими словами: сказали ль вы, что въ рѣчи: *корова доитъ молоко*, глаголъ *доитъ* значитъ *изливаетъ?*

Рус. Сказалъ.

Слав. По чему же, когда она изливаетъ его въ подойникъ, такъ это *доитъ;* а когда изливаетъ его въ ротъ къ теленку, такъ это не *доитъ?* Одинакія дѣйствія всегда одинакими словами выражаются. Весьма бы странно было въ рѣчи: *рѣка течетъ въ море,*

глаголъ шечешъ знашь, а въ рѣчи: *рѣка шечетъ въ озеро*, не знашь онаго.

Рус. Стало быть по вашему, *корова доитъ теленка*, значитъ, что она его питаетъ?

Слав. Безъ сомнѣнія, и по моему и по вашему, потому что у насъ одинъ языкъ.

Рус. Но вы сказали: *мать доитъ младенца?*

Слав. А развѣ корова не машь, а шеленокъ не дитя? Развѣ одна корова можешъ изливашь изъ сосцевъ своихъ молоко, а машь или кормилица не можешъ?

Рус. Да, конечно. Прошивъ эшова не льзя спорить.

Слав. А когда не льзя спорить, шакъ и прежняго употребленія глагола сего въ семъ смыслѣ отвергашь не можно: *взя же отрока на руки жена, и абіе къ ней, яко къ матери своей прилѣпися, она же дояше я.* (Чет. мин. л. 23). Въ молитвенникѣ сказано о Христѣ, бывшемъ еще во младенчествѣ: *его же зряще Богоносніи отцы веселятся, съ пастырьми поюще дѣву доящую*, т. е. Богоматерь питающую его отъ сосцевъ своихъ. На что вы хотите уменьшать свои понятія и съ ними терять способы объясняться? Вы видите, что слово сіе существовало въ языкѣ, и что употребленіе его основано было на точномъ разумѣ и значеніи онаго.

Рус. Вижу.

Слав. Для чего же не слѣдуете тому употребленію, котораго опорочить никакимъ образомъ не можете?

Рус. Я думаю для того, что мы тожъ самое иными словами объясняемъ.

Слав. Можетъ быть. Но какимъже словомъ замѣните вы глаголъ *доить* въ выраженіи: *мать доитъ младенца?*

Рус. Я скажу *кормитъ*.

Слав. Глаголъ *кормитъ* не выразитъ мысли, заключающейся въ глаголѣ *доитъ;* по тому что можно младенца кормить хлѣбомъ, кашею и другими многими яствами.

Рус. Я скажу: *кормитъ грудью*.

Слав. Вы тогда первое употребите два слова; а второе, что и сими двумя словами не замѣните глагола *доить;* ибо можно еще кормить зажареною грудью или грудинкою какого нибудь животнаго, напримѣръ барашка.

Рус. Я скажу: *кормитъ изливаемымъ изъ груди своей молокомъ*.

Слав. Подумайте же, сколько словъ должны вы сказать для точнаго объясненія того, что выражали мы однимъ словомъ *доитъ!* Итакъ когда я вамъ доказалъ: 1-е, Что слово сіе употреблялось. 2-е, Что употребленіе сіе было справедливо и на самомъ разумѣ языка основано. 3-е, Что вы безъ сего слова не можете заключающуюся въ немъ

мысль выражать иначе, какъ многими словами: то чѣмъ же оправдаете нынѣшнее неупотребленіе онаго? Развѣ только тѣмъ, что вы по одному навыку и наслышкѣ судите о словахъ, не стараясь нимало выводить знаменованія оныхъ изъ книгъ и свойствъ языка? Но простремъ далѣе наши разсужденія: какія вѣтви или производныя имена произошли отъ глагола *доить*.

Рус. Многія. Напримѣръ *отдоить*; говорится: *корова отдоила*.

Слав. Что разумѣете вы подъ симъ словомъ?

Рус. Перестала *доить*, то есть давать молоко.

Слав. Стало быть можно сказать: *корова отдоила теленка*, то есть перестала ему давать молоко?

Рус. Да, я думаю можно.

Слав. А можно ли сказать: *кормилица или мать отдоила своего младенца?*

Рус. Нѣтъ.

Слав. Для чего жъ нѣтъ? Когда подъ словами: *корова отдоила теленка*, разумѣется, что она перестала ему давать молоко; такъ по чему же не льзя тогожъ самаго сказать о кормилицѣ, когда она перестанетъ младенцу давать молоко, или онъ отъ грудей ея отнимется? Разумъ ищетъ помощію сцѣпленія близкихъ понятій распро-

странять языкъ, а не стѣснять предѣлы его превращеніемъ общихъ понятій въ частныя. Ежели водѣ свойственно *обливать*, такъ по чему же свойственно ей обливать одного только человѣка, а не камень, или дерево, или что нибудь иное? Тоже можемъ сказать и о глаголѣ *доить?* По чему относите вы его къ однимъ коровамъ? Онъ долженъ относиться ко всему, что имѣетъ у себя сосцы и молоко.

Рус. Развѣ прежде говорилось *отдоить младенца?*

Слав. Безсомнѣнія. Въ слѣдующемъ примѣрѣ: *да не узритъ отдоенія скотовъ, ниже прибытка и масла кравія* (Іовъ 20, 17), говорится о коровахъ; а въ слѣдующемъ: *сотвори Авраамъ учрежденіе* (то есть пиршество) *веліе, въ онь же день отдоися Исаакъ сынъ его* (Быт. гл. 21) говорится о младенцѣ, котораго отняли отъ грудей кормилицы.

Рус. Мы не можемъ такъ говорить для того, что нарѣчіе перемѣнилось.

Слав. Это до нарѣчія совсѣмъ не касается. Ежелибъ я вамъ сказалъ: говорите точно, *въ онь же день отдоися*, тогда бы я говорилъ о нарѣчіи. Но я не принуждаю васъ говорить *онь* вмѣсто *оный*, или *отдоися* вмѣсто *отдоился;* а говорю о словѣ существующемъ въ вашемъ нарѣчіи, и разсуждаю, что оно значитъ въ языкѣ, и какія

понятія выражать удобно. Развѣ ваше нарѣчіе запрещаетъ вамъ разсуждать?

Рус. Нѣтъ не запрещаетъ.

Слав. Хорошо: такъ станемъ же продолжать разговоръ нашъ. Не знаете ли вы другихъ какихъ вѣтвей, происходящихъ отъ глагола *доить?*

Рус. Знаю: *подоить*, *надоить*, *подойникъ*, *удой*.

Слав. Всѣ ли сіи вѣтви употребительны?

Рус. Всѣ. Мы говоримъ: *подоить корову*. *Надоить цѣлый подойникъ*. Наша корова даетъ въ два *удоя* цѣлое ведро молока.

Слав. Очень хорошо. Только жаль, что дѣло идетъ все о коровахъ. Нѣтъ ли еще какихъ вѣтьвей?

Рус. Я другихъ не знаю.

Слав. Напрасно не знаете. Есть и другія: *воздоить*, то есть воспитать, воскормить; ибо мы уже видѣли, что *доить младенца* значитъ питать, кормить его изливаемымъ изъ сосцевъ молокомъ. Слѣдовательно глаголъ *воздоить* еще богатѣе мыслями, нежели глаголъ *воспитать*, по тому что именно означаетъ первоначальную пищу младенца, то есть молоко. *Хощеши ли призову ти жену кормилицу отъ Еврей, и воздоитъ ти отрока?* или: *соблюди ми отрока и воздой ми е.* (Исходъ гл. 2). *Воздоенный*, воспитанный. *Доилица*, т. е. кормилица:

отверзши же дщерь Фараонова ковчежецъ, видитъ отрока красно плачущееся въ немъ, и пощаде е, и рече, отъ дѣтей Еврейскихъ сіе: и хотящи имѣти его себѣ въ сына, повелѣ поискати ему доилицу. (Чет. мин. л. 19). Такимъ образомъ всѣ вышепомянутыя слова, какъ тѣ, которыя вы знали, такъ и тѣ, которыхъ не знали, происходятъ, какъ сами видите, отъ одного корня, то есть отъ глагола *доить*, и слѣдственно вы не можете отрицать, чтобъ всѣ оныя не составляли одно и тоже дерево, и чтобъ дерево сіе не существовало въ языкѣ.

Рус. Не могу.

Слав. Посмотримъ же какія вѣтьви въ семъ деревѣ у васъ употребительны или цвѣтутъ, и какія неупотребительны или посохли. *Доить*, *отдоить*, (корову), *подоить*, *надоить*, *подойникъ*, *удой*, цвѣтутъ еще; а *доить*, *отдоить* (младенца), *воздоить*, *воздоенный*, *доилица*, посохли.

Рус. Такъ точно.

Слав. Да неужли вы въ нарѣчіи вашемъ только и оставляете то, что у насъ говорили однѣ коровницы? Самыя низкія слова; *подоить корову*, *надоить молока*, *подойникъ*, и проч., вы знаете; а самыхъ благороднѣйшихъ, означающихъ воспитаніе, таковыхъ, какъ *воздоить*, *воздоенный*, вы не знаете?

Рус. Мы не употребляемъ ихъ для того, что онѣ Славенскія.

Слав. Вы видите, что всѣ сіи слова, наподобіе вѣтвей дерева, произошли отъ одного корня. Какимъже образомъ въ одномъ и томъже деревѣ однѣ вѣтви называете вы березовыми, а другія сосновыми? Какъ? когда глаголъ *доить* употребляется говоря о коровахъ, такъ онъ Руской; а когда о матеряхъ или кормилицахъ, такъ онъ Славенскій? Вотъ подлинно самый ученый разборъ языковъ! Но посмотримъ далѣе: знаете ли вы, что значитъ глаголъ *бавить?*

Рус. Нѣтъ, не знаю. Это не по Руски.

Слав. По крайней мѣрѣ разумѣете ли вы слѣдующую рѣчь: *пробави Господи милость Твою?*

Рус. Разумѣю. Это Славенская рѣчь.

Слав. А это какая: *мы и безъ денегъ можемъ пробавиться?*

Рус. Это Руская.

Слав. Итакъ у васъ *пробавиться* Руское, *пробави* Славенское, а корень сихъ словъ *бавить* никакое. Прекрасное разсужденіе о языкѣ! Да развѣ вы не стараетесь знать, отъ какого понятія происходятъ употребляемыя вами слова: *прибавить, убавить, забава,* и проч.?

Рус. Это во первыхъ сопряжено съ великимъ трудомъ, а во вторыхъ и безполез-

но, потому что всѣ такія слова, какъ *бавить*, почитаются обветшалыми.

Слав. Скажите мнѣ, ежелибъ вы наняли такова учителя, которой бы сыну вашему твердилъ: носи суконный кафтанъ и полотняную рубашку, но почитай за стыдъ знать о шерсти и льнѣ, изъ которыхъ кафтанъ твой и рубашка составлены: какое бы заключеніе сдѣлали вы о семъ учителѣ?

Рус. Я бы согналъ его со двора.

Слав. Вы себя въ немъ вините. Но посмотримъ еще немного: извѣстенъ ли вамъ глаголъ *вадить*?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Вы можете находить его въ книгахъ. Напримѣръ въ слѣдующемъ мѣстѣ: *приведосте ми* (говоритъ Пилатъ про Христа) *человѣка сего, яко развращающа люди, и се азъ предъ вами истязавъ, ни единыя обрѣтаю въ человѣкѣ семъ вины, яже нань вадите.* (Лук. гл. 23). Изъ сего вы видите, что глаголъ сей существуетъ въ языкѣ, и притомъ еще существуетъ твердо, потому что пустилъ отъ себя многія отрасли. Извѣстны ли вамъ отрасли его?

Рус. Когда корень неизвѣстенъ, такъ и отрасли его не могутъ мнѣ быть извѣстны.

Слав. Не ужли не знаете вы словъ: *привадить*, *отвадить*, *повадиться*, *повадка*, *неповадно*, и проч.?

Рус. Какъ не знать? Это Рускія слова.

Слав. А *наважденіе, наваждать, сваждать, навадникъ, навадница, свада*, и проч.?

Рус. Не знаю. Это Славенскія.

Слав. Вы видите вездѣ въ языкѣ нашемъ семьи словъ. Чтожъ вы дѣлаете съ сими семьями? Коренныя или родоначальныя слова, отъ коихъ всѣ прочія произрасли и получили знаменованіе и силу свою, вы отсѣкаете, а въ остальныхъ, потерявшихъ чрезъ отнятіе у нихъ корня ясность значенія своего, не находите уже болѣе того родства и связи между ими, которыми сопрягла ихъ сама природа. Или, когда мы сіи семейства словъ уподобимъ древамъ, вы отрѣзываете у сихъ древъ корень, и когда вѣтви ихъ чрезъ то обезсилѣютъ, тогда вы еще многія изъ нихъ нарочно подсушаете, и хотите, чтобъ симъ образомъ составленный изъ деревъ сихъ лѣсъ, то есть языкъ вашъ, зеленѣлъ и процвѣталъ!

Рус. Употребленіе *тираннъ*: оно дѣлаетъ вкусъ, а противъ вкуса никто не пойдетъ.

Слав. Мы послѣдовали употребленію тамъ, гдѣ разсудокъ одобрялъ его, или по крайней мѣрѣ не противился оному. Употребленіе и вкусъ должны зависѣть отъ ума, а не умъ отъ нихъ; ибо ежели употребленіе и вкусъ станутъ управлять умомъ, такъ кто же будетъ управлять ими?

Рус. Какъ бы то ни было, но я знаю, что вкусъ не позволяетъ употреблять ничего такого, что неупотребительно.

Слав. Вы часто ссылаетесь на употребленіе, но я сомнѣваюсь, чтобъ вы имѣли ясное о семъ словѣ понятіе.

Рус. По чему вы сомнѣваетесь?

Слав. По тому что оно имѣетъ весьма обширный смыслъ. Что такое употребленіе? Оно можетъ быть общее и частное: общее объемлетъ весь языкъ и всѣ времена; частное относится къ нѣкоторому времени и нарѣчію. Сіе послѣднее есть вещь во первыхъ непостоянная, во вторыхъ неопредѣленная. *Непостоянная* по тому, что мы не можемъ употреблять того, чего не знаемъ, и тогда только начинаемъ употреблять, когда узнаемъ: слѣдовательно что неупотребительно сегодня, то можетъ употребительно быть завтра. *Неопредѣленная* по тому, что когда одинъ станетъ со вниманіемъ читать всѣ книги, сколько ихъ есть въ языкѣ; другой безъ всякаго особливаго вниманія будетъ для любопытства читать однѣ только вѣдомости; третій ничего не будетъ читать: тогда понятія сихъ трехъ человѣкъ о употребленіи словъ, будутъ совсѣмъ различны. Первый изъ нихъ станетъ почитать такія слова ясными и употребительными, о какихъ два послѣдніе совсѣмъ

не знаютъ и не слыхали; а по тому, когда кто говоритъ: *это неупотребительно*, то надобно еще притомъ знать, подлинно ли отвергаемое имъ неупотребительно, или неупотребительно только по его свѣденіямъ и понятію. Отсюду явствуетъ, что частное употребленіе должно почерпаться изъ общаго или иначе сказать, языкъ долженъ быть основаніемъ нарѣчію, а не нарѣчіе языку. Отъ перваго случая происходитъ хорошее употребленіе, отъ котораго нарѣчіе процвѣтаетъ; отъ втораго худое употребленіе, отъ котораго оно, не питаясь природными соками своими, скудѣетъ и сохнетъ. Первое изъ сихъ употребленій есть плодъ труда и откровенія, второе плодъ лѣности и заблужденія. Первое защищаютъ умъ и разсудокъ, второму покровительствуютъ подражаніе и навыкъ. Часто сіи послѣднія на нѣкоторое время преодолѣваютъ, но владычество ихъ недолго продолжается.

Рус. Что хотите, то говорите; но я въ Руское мое нарѣчіе не пріемлю ничего Славенскаго.

Слав. Вотъ самое лучшее возраженіе, противъ котораго никакія доказательства не устоятъ! Желаю вамъ счастія и успѣховъ. Я очень почитаю нарѣчіе ваше: оно есть истинное чадо Славенскаго языка,

которому онъ всю свою силу, крѣпость, богатство, краткость и великолѣпіе укрѣпляетъ въ наслѣдство; но когда вы, ссылаясь на оное, будете думать, что оно запрещаетъ вамъ разсуждать о знаменованіи словъ, и слѣдовательно не допускаетъ васъ знать и пользоваться сокровищами отца своего, то я предвижу, что продолжая такимъ образомъ поступать съ нимъ, вы приведете его напослѣдокъ въ великую бѣдность; ибо противно здравому разсудку повѣрить, чтобъ такое нарѣчіе со временемъ не упало и не уронило всей процвѣтавшей на немъ словесности.

Мы прерываемъ здѣсь разговоръ Рускаго съ Славениномъ. Продолжая далѣе оный, безъ сомнѣнія Славенинъ могъ бы показать множество словъ и понятій, растерянныхъ нами отъ невниканія въ языкъ свой, и потому сдѣлавшихся неупотребительными. Онъ могъ бы показать, что сіе растеряніе отчасу больше умножается, и что происходящая отъ того пустота въ языкѣ остается пустотою, или наполняется чуждымъ и несвойственнымъ языку нашему веществомъ, отъ чего онъ слабѣетъ и увядаетъ. Но довольно и того, что мы слышали отъ Славенина, дабы распространя оное на весь языкъ, почувствовать, сколь немаловажный чрезъ то дѣлается въ немъ ущербъ.

Взглянемъ теперь сокращенно на все сказанное нами въ семъ краткомъ сочиненіи: мы видѣли, что языкъ нашъ изобиленъ, великолѣпенъ, краткокъ, силенъ, составленъ умомъ любомудрымъ изъ словъ и выраженій богатыхъ разумомъ. Мы видѣли, что сіи свойства его составляютъ въ Священныхъ Писаніяхъ высоту, до какой ни одинъ изъ новѣйшихъ языковъ достигнуть не можетъ. Мы видѣли, что лучшіе писатели и стихотворцы наши, обогатившіе Россійскую словесность, въ высокихъ твореніяхъ своихъ, подражая духу Священныхъ Писаній, говорили всегда тѣми же избранными словами и выраженіями, которыя нынѣ подъ предлогомъ Славенскихъ и неупотребительныхъ начинаемъ мы оставлять. Мы въ разговорѣ Рускаго съ Славениномъ видѣли ясно и очевидно, что съ отвычкою отъ употребленія оныхъ теряется богатство и сила языка. Вопросимъ же теперь: за чемъ оставлять намъ путь сей, и какой лучшій можемъ мы избрать? Отвѣтъ на сіе не труденъ. Итакъ не оставлять сего пути, но держаться онаго, идти по немъ, разсуждать о коренномъ значеніи словъ, черпать изъ сего богатаго источника, восходить, какъ можно, далѣе къ началамъ онаго, суть единыя средства къ *распространенію*, *обогащенію* и *усовершенствованію* нашей словесности. Раздѣ-

лять же языкъ на Славенскій и Рускій, истреблять высокія слова и замѣнять ихъ простыми, отсѣкать корни и засушать вѣтьви въ деревьяхъ словъ, брать за образецъ краснорѣчія обыкновенный слогъ разговоровъ, презирать и не читать книгъ, заключающихъ въ себѣ источники языка, переводить изъ слова въ слово съ чужихъ языковъ рѣчи, гоняться за ихъ словами и забывать свои, суть конечно самыя легкія средства, не требующія никакого труда и ученія, но между тѣмъ весьма сильныя къ стѣсненію, изнуренію, искаженію и безображенію языка нашего и словесности.

Присовокупленіе.

Мы дѣлаемъ сіе присовокупленіе къ рѣчи нашей по нижеслѣдующимъ причинамъ: выше сего сказали мы нѣчто о журналахъ; но какъ сія рѣчь долженствовала единовременно прочтена быть въ Академіи, того ради соблюденіе краткости не позволило намъ много о семъ распространиться. Между тѣмъ нужно упомянуть о томъ нѣсколько попространнѣе, тѣмъ паче, что опровергаемые нами толки не престаютъ, ко вреду языка и словесности, время отъ времени

вновь появляться. Хотя они сами по себѣ такъ неосновательны, что нѣтъ никакой надобности оговаривать ихъ, однакожъ для лучшаго въ томъ увѣренія, не излишне будетъ привесть ихъ предъ глаза читателя. Лагарпъ въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ ясно, какой вредъ Французской словесности нанесли журналы, *сіи* (по словамъ его) *кропаемые съ поспѣшностію листки, дватцать пять лѣтъ наводняющіе Францію.* Онъ между прочимъ говоритъ: „естьли бы особенно „разсмотрѣть ихъ, тогда бы можно было „почувствовать, что истинные любители „словесности не должны быть обвиняемы „ни брюзгливостію, ни излишнимъ увеличи„ваніемъ вещей, когда изъявляютъ они толь „великое презрѣніе къ симъ зловреднымъ „нелѣпостямъ, содѣлавшимся пищею много„людства. Мы увидѣли бы, что изобрѣта„тели оныхъ часто не разумѣютъ знамено„ванія употребляемыхъ ими словъ, не зна„ютъ, какъ составить рѣченіе, не то го„ворятъ, что сказать хотятъ, расточаютъ „на удачу художественныя названія, не по„нимая оныхъ; пишутъ иносказанія, не имѣя „первоначальныхъ о томъ понятій, и проч.“ (Lycée). Лагарпъ говоритъ совершенную правду: мы можемъ то судить по многимъ помѣщаемымъ въ журналахъ нашихъ сочиненіямъ, въ которыхъ, отъ заблужденія ли

ума, или отъ поврежденія сердца, столько же иногда не щадится нравственность, сколько и разсудокъ. Часто не знаемъ мы сами слѣдствія нашихъ мнѣній. Что значитъ раздѣленіе языка нашего на Славенскій и Рускій? Раздѣленія сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ онаго) никакимъ образомъ доказать не можно, поелику оно не существуетъ. Итакъ выходитъ, что разумѣется подъ симъ языкъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На чтожъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и стараться приводить его въ забвеніе и презрѣніе? для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что совлеченная единожды съ прямаго пути она непремѣнно должна попасть въ оныя. Какое намѣреніе полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобъ языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей? Отсюду, можетъ быть происходитъ, что всякое благонамѣренное и полезное сочиненіе, кажется, досаждаетъ у насъ многимъ, и вооружаетъ противъ себя писателей, стараю-

щихся всячески помрачить оное. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ прямо, какъ умѣютъ; другіе же лукавствуютъ, и хотятъ настоящее намѣреніе свое прикрыть нѣкою благовидностію; но сіе намѣреніе еще болѣе видно изъ подъ худаго ихъ покрывала. Во множествѣ журналовъ нашихъ (исключая можетъ быть немногіе) находимъ подъ именемъ *критикъ* такія сужденія о языкѣ и словесности, которыя не только предъ цѣлымъ свѣтомъ, но и предъ двумя человѣками изъявлять надлежало бы стыдиться. Главная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ стихами и прозою вопіять противъ Славенскаго языка, не зная и не разумѣя, о чемъ идетъ дѣло, и въ чемъ состоитъ языкъ. Взявъ одно такое сочиненіе, могли бы мы въ каждой строкѣ, отъ первой до послѣдней, показать неосновательность за неосновательностію, незнаніе за незнаніемъ, неправду за неправдою, даже клевету (ибо часто господинъ или господа писатели сихъ нелѣпицъ, называемыхъ *критиками*, ссылаясь на страницу разсматриваемой ими книги, отъ того ли, что не поняли, или по надеждѣ, что не всякой станетъ справляться, говорятъ совсѣмъ не то, что на сей страницѣ сказано, и такимъ образомъ, выдавая свое за чужое, сами противъ себя возражаютъ); мы могли бы во многихъ по-

добныхъ сему ощутительныхъ неправдахъ ясно уличить; но такое подробное показаніе не стоитъ того, чтобъ терять на оное труды и время. Для того выпишемъ только нѣкоторыя мѣста и рѣчи, дабы мимоходомъ взглянуть, какимъ образомъ сіи безъименные критики (столько еще остается въ нихъ стыда, что они скрываютъ имена свои) толкуютъ о языкѣ и словесности. Вотъ какъ: „*Россійской языкъ происходитъ* „*отъ Славенскаго точно также, какъ Фран-* „*цуской отъ Латинскаго.*" (Неоспоримая правда! съ тою только разностію, что ни одинъ Французъ, не обучась Латинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякой безграматной мужикъ заставляетъ грамашнаго сына своего читать предъ нимъ Прологъ, Четію-минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удовольствіемъ). — „*Мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли* „*сочиненій до временъ ПЕТРА Великаго.*" (Мнѣ кажется, ежели бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ, не читалъ, такъ и тотъ не могъ бы сего сказать; ибо не ужъ ли онъ даже и не слыхалъ, что у насъ есть Руская правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, древняя Вивліоѳика, лѣтопись Несторова, Никонова, Сильвестрова, Псалтырь, Евангеліе, и множество духовныхъ книгъ, сочиненныхъ и

переведенныхъ задолго до ПЕТРА Великаго? Какъ все это опровергать и не поставлять въ число книгъ, для того только, что не было журналовъ и комедій?) „*Языкъ, кото-„рымъ говорили мы (до ПЕТРА Великаго), „давно уже отдѣлился отъ Славенскаго вве-„деніемъ множества Татарскихъ словъ и вы-„раженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ.*" (Вотъ какое раздѣленіе полагаютъ и защищаютъ! нѣсколько словъ, вошедшихъ въ простонародное нарѣчіе, пріемлется за основаніе новаго языка! гдѣ же покажутъ мнѣ сіе множество Татарскихъ словъ и выраженій въ Библіи, въ Ѳеофанѣ, въ Ломоносовѣ, въ Херасковѣ, и проч.? Но положимъ, что чистота языка нашего и повредилась нѣсколько отъ принятія въ него иностранныхъ словъ, слѣдуетъ ли изъ того утверждать, что нечистой языкъ сталъ лучше чистаго?) — „*Можно ли называть однимъ и „тѣмъже языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ „одно, хотя непосредственно происходитъ „отъ другаго, но смѣшано съ третьимъ чуж-„дымъ, и притомъ испорчено пятисотлѣтнимъ „употребленіемъ? къ чему величаться на-„званіемъ, намъ не принадлежащимъ?*" (Вотъ какія умствованія! говорить, что мы люди, потомки нашихъ предковъ, и что имѣемъ свой языкъ, есть не принадлежащее намъ названіе! да чтожъ мы такое? и какое на-

званіе намъ принадлежитъ?) — *„Мы и безъ „того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣми „Европейскими народами: нашъ Руской языкъ „самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, „сильнѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того „можемъ еще почерпать изъ Славенскаго (вы„года несравненная) съ тѣмъ однакожъ усло„віемъ, чтобъ выраженія и обороты, займ„ствован ые нами, не были противны соб„ственному языку нашему. Естьлижъ бы они „оба составляли одно и тоже цѣлое, на что „сіи предосторожности?“* (Что значатъ сіи слова: *нашъ Руской языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ?* какъ! нашъ Руской языкъ *самъ по себѣ?* да что такое нашъ Руской языкъ *самъ по себѣ?* гдѣ онъ? возмемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хотя два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ бы могли мы сказать: вотъ это Славенское, а это Руское? Ежели мы подъ Славенскимъ словомъ разумѣть будемъ высокое слово, напримѣръ *вниду*, а подъ Рускимъ простое, напримѣръ *войду*, то конечно о разности ихъ разсуждать можемъ, утверждая справедливо, что первое изъ нихъ прилично важному, а другое среднему или простому слогу; но утверждать, что *вниду* есть Славенское, а *войду* Руское, и дѣлать изъ того два разныхъ

языка, есть не знать составленія словъ, есть утверждать, что предлогъ *въ* различенъ отъ предлога *въ*, и глаголъ *иду* различенъ отъ глагола *иду*. Возмемъ вышесказанную рѣчь: *нашъ Руской языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе*, и проч., можно ли о мѣстоименіи *нашъ*, о словѣ *Руской*, о существительномъ имени *языкъ*, о мѣстоименіи *самъ*, о предлогѣ *по*, о мѣстоименіи *себѣ*. о нарѣчіи *гораздо*, о именахъ *богатѣе*, *великолѣпнѣе*, и такъ далѣе по порядку, сказать, что слова сіи суть Рускія, а не Славенскія, или Славенскія, а не Рускія? Можно ли о Невѣ сказать, что она и безъ воды богата водою?) — „*Для чего большая „часть нашихъ теперешнихъ* *) *выраженій* (*я „говорю только о настоящемъ Рускомъ языкѣ, а не о варварской смѣси, какою писаны*

---

*) Здѣсь должно сказать *нынѣшнихъ*, а не *теперешнихъ*. Оба сіи слова *нынѣ* и *теперь* (послѣднее происходитъ отъ мѣстоименія *та* и имени *пора*) суть равно Славенскія или Рускія; но одно изъ нихъ возвышеннѣе другаго (обстоятельство принадлежащее до слога), и хотя они оба изъявляютъ неопредѣленное количество времени, однакожъ одно изъ нихъ означаетъ большее количество, нежели другое (обстоятельство относящееся къ разбору смысла словъ. Отсюду весьма бы странно было вмѣсто: *которой теперь часъ* спросить: *которой нынѣ часъ?* или вмѣсто: *мы въ нынѣшнемъ посту говѣли*, сказать: *мы въ теперешнемъ посту говѣли.* Вотъ, въ чемъ надлежало бы различать слова, а не въ томъ, чтобъ безъ всякаго толку раздѣлять ихъ на Славенскія и Рускія.

„многія нынѣшнія книги) не токмо не при-
„надлежатъ къ Славенскому языку, но даже
„и не отъ него происходятъ?“ (Въ подобныхъ сборищахъ словъ не должно искать мыслей, а еще меньше разума; ибо они совсѣмъ не съ тѣмъ пишутся, чтобы сказанное можно было доказать или разумѣть; но только съ тѣмъ, чтобъ оное написано и прочтено было. Здѣсь говорится о *варварской смѣси*, а въ чемъ она состоитъ, до того дѣла нѣтъ. Говорится, что *большая часть нынѣщнихъ нашихъ выраженій не токмо не принадлежитъ къ Славенскому языку, но даже и не отъ него происходитъ*, а какъ, и почему: этова прошу не спрашивать. Между тѣмъ *варварская смѣсь* конечно бываетъ, и еще двоякая, напримѣръ, ежели бы кто написалъ: *меня фрапировалъ колоритъ этой пьесы*, рѣчь сія была бы варварское смѣшеніе своихъ двухъ мѣстоименій съ тремя чужими словами; или, естьли бы кто, говоря о младенцѣ сынѣ своемъ, сказалъ: *мой малютка дѣлаетъ зубы* (вмѣсто у моего малютки ростутъ зубы), тотъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы варварское смѣшеніе, потому что Руское выраженіе *мой малютка* смѣшалъ бы съ выраженіемъ, взятымъ съ Французскаго, и которое въ нашемъ языкѣ не имѣетъ того значенія. Итакъ *варварская смѣсь* состоитъ или въ принятіи многихъ

чужихъ словъ, или въ буквальномъ переводѣ съ чужаго языка такихъ выраженій, которыя нашему языку или несвойственны, или невразумительны, или не то значатъ. Другой никакой варварской смѣси быть не можетъ. Но когда выраженія *не принадлежатъ къ Славенскому языку и не отъ него происходятъ*, такъ откудужъ они взялися? Какія же они, какъ не чужестранныя? и когда большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій такова̀, то какимъ же образомъ вмѣстѣ и вопіять противъ нихъ, называя *варварскою смѣсью*, и утверждать, что она-то и есть украшеніе нашего языка?). — „*Правда, что* „*возвышенный слогъ не можетъ у насъ суще-* „*ствовать безъ помощи Славенскаго; но сія* „*необходимость пользоваться мертвымъ для* „*насъ языкомъ для подкрѣпленія живаго, не* „*есть доказательство.*" (Что такое значитъ здѣсь слово *помощь?* не мудрено понять, когда скажутъ: человѣкъ помогаетъ человѣку; но какимъ образомъ представить себѣ, что *языкъ помогаетъ языку?* Этова мало: *мертвый помогаетъ живому!* и этова мало: *живый безъ мертваго существовать не можетъ!* Какъ? подобныя сему загадки, странности, небылицы смѣютъ являться въ видѣ *разсужденій?* и предъ кѣмъ? предъ лицемъ свѣта? О! . . . . . но воздержимся отъ удивленія. Здѣсь языкъ Славенскій на-

зывается мертвымъ. Что такое мертвый языкъ? тотъ, которымъ никакой народъ не говоритъ болѣе. Латинскій языкъ есть мертвый; ибо существуетъ въ однихъ только книгахъ и между учеными всѣхъ земель людьми. Эллинскій или древній Греческій можетъ также назваться мертвымъ, потому что число нынѣшнихъ Грековъ, весьма невелико, состоитъ подъ владѣніемъ Турецкимъ, и при томъ новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошло отъ языка своихъ предковъ, языка Гомеровъ, что уже больше не разумѣютъ онаго. Въ томъ ли положеніи находится Славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ имъ! И тамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, тамъ называютъ его мертвымъ! О! . . . . но воздержимся отъ удивленія). — „*Хорошіе писатели наши весьма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ Славенскаго, не престаетъ однакожъ быть Рускимъ.*“ (Евклидъ говоритъ: ежели опущенъ на прямую черту отвѣсъ, дѣлающій по одну сторону уголъ прямый, то и по другую сторону будетъ уголъ прямый же. Такъ-то и здѣсь: ежели языкъ нашъ наполненный великолѣпіемъ Славенскаго не престаетъ быть Рускимъ, такъ по той же при-

чинѣ наполненный простотою Рускаго не перестаетъ быть Славенскимъ. Евклиду надобно вѣрить, онъ учитъ разсуждать. Впрочемъ хорошіе писатели конечно не смѣшиваютъ *Славенскаго языка съ Рускимъ;* но подъ сими словами разумѣется различіе *высокаго слога съ простонароднымъ.* Напримѣръ можно сказать, *препояши чресла твоя и возми жезлъ въ руцѣ твои*, и можно также сказать: *подпояшься и возми дубину въ руки;* то и другое, въ своемъ родѣ и въ своемъ мѣстѣ, можетъ прилично быть; но начавъ словами: *препояши чресла твоя*, кончить: и *возми дубину въ руки*, было бы и смѣшно и странно. Вотъ что наблюдаютъ хорошіе писатели; а не то, чтобъ кричать: *чресла, жезлъ, препояши, безлучный, огнезарный, безлестный, всезлобный, плотоядный, возсоздать, бдѣніе, стыдѣніе, воздоенный*, и проч. *) это Славенскія — сохрани насъ

---

*) Читатель да не подумаетъ, что сіе собраніе словъ есть одно мое предположеніе, нѣтъ: мы найдемъ въ журналахъ вопіяніе противъ каждаго изъ оныхъ. Однимъ словомъ, всѣ тѣ имена, какими лучшія наши творенія и высокой языкъ Священныхъ книгъ преисполненъ; все то, что въ Академическій Словарь включено; все то, чѣмъ Лагарпы и другіе ученые люди превозносятъ единосвойственные съ нашимъ Греческой и Латинской языки (а именно подобнымъ нашему словосочиненіемъ, таковою же удобностію къ составленію словъ и свободою извращенія ихъ въ рѣчахъ); все то, говорю, сіи судьи и стихотворцы отмещутъ, и потомъ въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ Вир-

Богъ отъ нихъ! — а *подпоясаться*, *дубина*, *горшокъ*, *лапти*, *кочерга*, *блины*, *помело*, *огурцы*, *квашня:* вотъ это наши Рускія слова! Какъ можно такихъ писателей или судей называть хорошими? они языка не знаютъ; ничего путнаго и хорошаго не читали по Руски; не умѣютъ высокаго слога отличить отъ низкаго: какъ же имъ разсуждать о словесности?) — „*При ПЕТРѢ Великомъ или* „*въ началѣ просвѣщенія нашего*, *высокимъ* „*слогомъ, то есть по просту на Славенскомъ* „*языкѣ*, *писали всякія книги безъ разбора.*" (Прекрасное истолкованіе: *высокимъ слогомъ*, *то есть по просту*, *на Славенскомъ языкѣ!* Да развѣ Славенской языкъ и высокой слогъ есть одно и тоже? Не ужъ ли всякая Славенская рѣчь есть высокая? не ужъ ли *хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу*, есть такойже высокой языкъ, какъ *трепетна бысть земля, и основаніе горъ смятошася?* Ежели при ПЕТРѢ Великомъ *всякія книги безъ разбора* писали *высокимъ слогомъ*, такъ по этому всякая челобитная была

гиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Ѳукидидамъ, затвердя. однѣ только имена ихъ, и, что всего удивительнѣе, научась благочестію въ Кандидѣ, и благонравію и знаніямъ въ Парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества, и обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о наукахъ и просвѣщеніи!

поэма, всякой писарь Ломоносовъ? Лучше бы намъ быть въ началѣ нашего просвѣщенія, нежели подобными разсужденіями чрезъ сто лѣтъ показывать такіе худые успѣхи въ ономъ). „*А простымъ слогомъ, или лучше „сказать нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ Сла„венскаго и смѣшеннымъ со множествомъ Та„тарскихъ словъ тогда говорили. Нынѣ же, „когда Руской языкъ образовался, сіе разли„чіе въ слогѣ съ точностію наблюдается по „различію рода сочиненій.*“ Потомъ въ возраженіе на то, что многіе корни Греческихъ и Латинскихъ словъ примѣчаются въ Славенскомъ языкѣ, сказано: „*не зная по „Гречески, я не могу опровергнуть онаго; но „можно ли подумать, чтобъ Греки, народъ „столь просвѣщенный, наслѣдовавшій самымъ „богатымъ изъ всѣхъ языкомъ, захотѣли „пользоваться Славенскимъ, который въ сра„вненіи съ Греческимъ былъ грубъ и бѣденъ?*“ (Сблизимъ теперь всѣ вышесказанныя мѣста, и посмотримъ на кучу скомканныхъ въ нихъ противурѣчій, не имѣющихъ между собою ни соображенія, ни слѣдствія, ни связи: Славенское и Руское нарѣчіе суть два языка различные между собою! — Славенской языкъ есть высокой слогъ! — Славенской *мертвой* языкъ великолѣпенъ и Руской *живой* безъ помощи его существовать не можетъ. — Славенской языкъ въ сравне-

ніи съ Греческимъ (котораго сочинитель не знаетъ) грубъ и бѣденъ! — Славенскимъ языкомъ или высокимъ слогомъ до ПЕТРА Великаго писали всѣ книги безъ разбора, а Рускимъ говорили! — Руской языкъ давно отдѣлился отъ Славенскаго введеніемъ множества Татарскихъ словъ и выраженій совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ! — Онъ есть испорченное изъ Славенскаго нарѣчіе, смѣшенное съ третьимъ чуждымъ! — Онъ непосредственно происходитъ отъ Славенскаго языка, но большая часть нынѣшнихъ выраженій его не принадлежитъ къ Славенскому языку, и даже не отъ него происходятъ?" — Какъ? это называется *критикою?* разсужденіемъ о языкѣ и словесности? на этомъ основываются доказательства, что мы должны Славенскій языкъ почитать особымъ языкомъ, презирать, уклоняться отъ него? Не ужъ ли есть люди, которые сему повѣрятъ? Правда, Лагарпъ говоритъ: on ne se flatte pas d'imposer silence à cette espéce d'hommes, sur qui la raison a perdu ses droits, sur-tout depuis que la déraison est de toutes les puissances la plus accréditée. (Pseautier, discours preliminaire: page 3). Однакожъ дойти до такой степени, чтобъ убѣждаться подобными сему истинами: 'Славенской языкъ *великолѣпенъ, грубъ и бѣденъ* — Руской языкъ *не можетъ существовать безъ Славенскаго*,

однакожъ онъ *самъ по себѣ* (то есть безъ Славенскаго) *гораздо богатѣе и сильнѣе всѣхъ прочихъ* — до ПЕТРА Великаго *не было у насъ никакихъ сочиненій*, а писали тогда *всякія книги безъ разбора высокимъ слогомъ*. — Дойти, говорю, до такой степени, было бы нѣчто чрезвычайное. Но чтожъ еще? послѣ сихъ вмѣстѣ и отрицаній и утвержденій, предвозвѣстивъ (къ великой похвалѣ Рускаго языка), что оный есть *испорченное изъ Славенскаго и смѣшенное со множествомъ Татарскихъ словъ нарѣчіе*, вдругъ важнымъ голосомъ возвѣщаютъ: *нынѣ же, когда Руской языкъ образовался*. . . . Да изъ чего же онъ образовался? изъ Татарскихъ и простонародныхъ словъ? Прекрасное образованіе языка! Подлинно, по ихъ опредѣленію, онъ не *Славено-Россійскій*, а *худо - Славено - Татарской*. Бѣдной Руской языкъ! Лучше бы сіи защитники за тебя не вступались. Они отъ презрѣнія къ Славенскому языку дадутъ тебѣ такое происхожденіе, которому ты самъ не радъ будешь. Они готовы назвать тебя Татарскимъ, Калмыцкимъ, Чухонскимъ, Камчадальскимъ, лишь только бы не Славенскимъ).

Изъ сихъ не многихъ выписокъ ясно уже видно, каковы и чѣмъ наполнены бываютъ таковыя сочиненія. Естьлибъ мы захотѣли съ подробностію разсмотрѣть

оныя, що конечно во многихъ мѣстахъ произвели бы въ читателѣ удивленіе, негодованіе и смѣхъ; но намѣреніе наше было только показать сужденія ихъ о языкѣ, пропуская все прочее, какъ недостойное ни его ни нашего вниманія.

РѢЧЬ

ПРИ ОТКРЫТІИ БЕСѢДЫ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

Самое главнѣйшее достоинство человѣка, причина всѣхъ его превосходствъ и величій, есть *слово*, сей даръ небесный, вдохновенный въ него, вмѣстѣ съ душою, устами Самаго Создателя. Какое великое благо проистекло изъ сего священнаго дара! Умъ человѣческій, посредствомъ онаго, вознесся до толикой высоты, что сталъ созерцать предѣлы всего міра, позналъ совершенство своего Творца, увидѣлъ съ благоговѣніемъ Его премудрость и воскурилъ предъ Нимъ жертву богослуженія. Поставимъ человѣка подлѣ животнаго и сравнимъ ихъ состоянія. Почти во всемъ составѣ своемъ они сходны между собою: оба родятся, растутъ, старѣются, живутъ и умираютъ;

оба имѣютъ слухъ, зрѣніе, обоняніе, осязаніе, вкусъ; оба насыщаются пищею, утоляютъ жажду, вкушаютъ сонъ, наслаждаются любовію, воспламеняются гнѣвомъ, чувствуютъ скорби и веселія. Но при толь одинакихъ свойствахъ и общихъ имствахъ колико различны! Одинъ совокупился въ сонмы, въ народы, построилъ грады, корабли, взвѣсилъ воздухъ, исчислилъ песокъ, изслѣдовалъ высоту небесъ и глубину водъ. Другой скитается разсѣянъ по дебрямъ, по лѣсамъ, и при всей своей силѣ, крѣпости и свирѣпствѣ страшится, повинуется безсильнѣйшему себя творенію. Ни острые когти его, ни страшные зубы, ни огромное тѣло, не могутъ противустоять слабой, мягкой рукѣ, но удобной поражать его громомъ и молніями. Откуду сіе чудесное преимущество? Какимъ образомъ не одаренный никакими естественными орудіями, нагій, вѣтротлѣнный, торжествуетъ надъ яростію косматаго, твердокожато, когтистаго льва и тигра? Какимъ образомъ отъ движущагося медленно по землѣ не успѣваетъ утекать быстрый елень, ниже улетать крылатая птица? Какимъ образомъ отъ того, кто утопаетъ въ лужѣ, не можетъ укрыться китъ во глубинѣ морей? Богъ сотворилъ человѣка бѣднымъ, слабымъ; но далъ ему даръ слова: тогда нагота его покрылась

великолѣпными одеждами; бѣдность его превратилась въ обладаніе всѣми сокровищами земными; слабость его облеклась въ броню силы и твердости. Все ему покорилось: онъ повелѣваетъ всѣми животными, борется съ вѣтромъ, споритъ съ огнемъ, разверзаетъ каменныя нѣдра горъ, наводняетъ сушу, осушаетъ глубину. Таковъ есть даръ слова, или то, что разумѣемъ мы подъ именемъ *языка* и *словесности!* Если бы Творецъ во гнѣвѣ Своемъ отнялъ отъ насъ оный, тогда бы все исчезло, общежитіе, науки, художества, и человѣкъ, лишась величія своего и славы, сдѣлался бы самое нещастное и бѣднѣйшее животное.

По сіе время разсуждали мы о семъ великомъ дарѣ въ отношеніи человѣка къ животнымъ, но теперь посмотримъ на слѣдствія онаго въ отношеніи человѣка къ человѣку.

Когда, по сотвореніи мужа и жены, родъ человѣческій, чрезъ долгіе вѣки, умножился, и на подобіе великой рѣки временъ потекъ по всему пространству земнаго шара, тогда, по образу устроенія орудій гласа, и языки начали измѣняться, дѣлаться различными. Каждый народъ сталъ говорить инымъ языкомъ, невразумительнымъ другому народу. Самыя буквы или письмена, изъявляющія разныя перемѣны голоса нашего, сдѣ-

лались у каждаго особенныя. Тогда между народами произошли великія неравенства. Одинъ изъ нихъ любопытствуя, примѣчая, размышляя, изощрялъ свой умъ, простирался отъ изобрѣтенія къ изобрѣтенію, переходилъ отъ понятія къ понятію, дѣлилъ, дробилъ, опредѣлялъ ихъ, и чрезъ то распространялъ предѣлы языка своего и знаній. Другой не простирая мысленныхъ очей своихъ далѣе окружающихъ его лѣсовъ и горъ, оставался при немногихъ названіяхъ такихъ только вещей, которыми чувства его непосредственно поражались, или въ которыхъ имѣлъ необходимую нужду. Одинъ, обогатясь изобиліемъ словъ, почувствовалъ надобность изобрѣсть знаки или письмена для облегченія памяти своей, такожъ для сохраненія и сообщенія того всѣмъ, что однимъ или немногими выдумано. Другой при малыхъ познаніяхъ своихъ никогда не помышлялъ о томъ, и довольствовался одними изустными тѣсныхъ понятій своихъ преданіями. Въ одномъ одаренные отличнымъ разумомъ старцы сообщали собранныя ими въ теченіе жизни ихъ примѣчанія или откровенія возрастающимъ юношамъ; а сіи, присовокупя къ тому собственные свои успѣхи, и въ свою очередь достигнувъ старости, преподавали ихъ новымъ юношамъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ посредствомъ

примѣчаній, опытовъ, умствованій, возрасталъ языкъ, и посредствомъ языка изъ возраста въ возрастъ, изъ рода въ родъ разливалось ученіе. Въ другомъ, напротивъ, любопытство и опытность были бездѣйственны, старость не сообщала ничего юности, умъ пребывалъ всегда въ младенчествѣ, и самое величайшее благо, данное человѣку, то есть *даръ слова*, оставался безплоденъ, подобно сѣмени, которое хотя и сокрываетъ въ нѣдрахъ своихъ сладкіе плоды, однако не приноситъ оныхъ, доколѣ общее и долговременное о немъ попеченіе не понудитъ его изникнуть, пустить отрасли, раскинуться и разцвѣсти. Какія таинства открыло! какія чудеса произвело сіе попеченіе въ тѣхъ народахъ, которые, познавъ пользу языка и словесности, устремили умъ свой на распространеніе оныхъ! Тогда человѣкъ сдѣлался безсмертенъ. Тогда слабый голосъ свой превратилъ онъ въ трубу грома, вѣщающаго во всѣ концы земли. Какимъ образомъ могъ онъ совершить сіе непостижимое чудо? Изобрѣтеніемъ письменъ. Онъ звукъ изобразилъ знаками, чертами, и сдѣлалъ, что сіи черты говорятъ зрѣнію то самое, что звукъ или голосъ говоритъ слуху. Симъ средствомъ дальность претворилъ онъ въ близость, отсутствіе соединилъ съ присутствіемъ; ибо живучи

въ Европѣ разговариваетъ съ живущимъ въ Америкѣ, словно какъ бы онъ былъ съ нимъ въ одной храминѣ. Но сего еще мало: онъ изобрѣлъ книгопечатаніе. Тогда изъ хижины своей вознесъ онъ гласъ свой во услышаніе всѣмъ странамъ свѣта. Тогда изъ гроба своего, несуществующій болѣе, поучаетъ онъ еще самыхъ позднѣйшихъ потомковъ своихъ благонравію, вѣрѣ, добродѣтелямъ, мужеству, и часто силою краснорѣчія, самъ давно уже истлѣвшій, созидаетъ въ нихъ душу, умъ и сердце. До толикой степени языкъ и словесность отличили человѣка отъ человѣка! Отсюду видимъ мы превеликую разность между огромными Аѳинскими зданіями и едва покрытыми шалашами дикихъ; между огнедышущимъ кораблемъ Европейца и чуть выдолбленнымъ челнокомъ Американца; между древнимъ Грекомъ или Римляниномъ и нынѣшнимъ Ирокойцемъ или Караибомъ. „Одинъ (говоритъ Ломоносовъ) „почти выше смертныхъ жребія поставленъ, другой едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится; одинъ яснаго „познанія пріятнымъ сіяніемъ увеселяется, „другой въ мрачной ночи невѣжества едва „бытіе свое видитъ.“ Такъ, конечно, разность сія превелика; но оная, хотя не въ такомъ чрезвычайномъ степени, однакоже существуетъ и между просвѣщенными наро-

дами: у однихъ науки, художества и словесность болѣе процвѣтаютъ, нежели у другихъ. Слѣдовательно степень просвѣщенія опредѣляется большимъ или меньшимъ числомъ людей упражняющихся и прилѣжащихъ къ полезнымъ знаніямъ и наукамъ. Народъ пріобрѣтаетъ всеобщее къ себѣ уваженіе, когда оружіемъ и мужествомъ хранитъ свои предѣлы, когда мудрыми поученіями и законами соблюдаетъ доброту нравовъ, когда любовь ко всему отечественному составляетъ въ немъ народную гордость, когда плодоносными ума своего изобрѣтеніями не только самъ нужными для жизни вещами изобилуетъ и украшается, но и другимъ избытки свои сообщаетъ. О такомъ народѣ можно сказать, что онъ просвѣщенъ. Но что такое просвѣщеніе, и на чемъ имѣетъ оно главное свое основаніе? Безъ сомнѣнія на природномъ своемъ языкѣ. На немъ производится Богослуженіе, насаждающее сѣмена добродѣтели и нравственности; на немъ пишутся законы, ограждающіе безопасность каждаго; на немъ преподаются науки, отъ звѣздословія до земледѣлія. Самыя художества изъ него почерпаютъ жизнь и силу. Самая слава на немъ утверждаетъ бытіе свое: ибо можетъ ли слава оружія гремѣть въ роды родовъ, могутъ ли законы и науки процвѣтать безъ языка и словес-

ности? Нѣтъ! безъ нихъ всѣ знаменитые подвиги и дѣла мужества тонутъ въ пучинѣ времени; безъ нихъ молчитъ нравоученіе, безгласенъ законъ, косноязычонъ судъ, младенчествуетъ умъ, не воспламеняется воображеніе, не растетъ природное дарованіе, и рука художника не производитъ ничего изящнаго и превосходнаго. Когда Греція и Римъ возставали и облекались въ величество и славу, тогда и словесность ихъ возносилась до тоже высоты. Они упали; но языки ихъ, хотя и мертвыми называются, однако и по днесь въ ученомъ свѣтѣ живутъ, и не допускаютъ памяти ихъ погибнуть. Гдѣ древніе Вавилоны, Трои, Аѳины, Спарты? Гдѣ мраморныя столпотворенія и т? Гдѣ огромныя, великолѣпныя зданія? лежатъ повержены въ прахъ, и око путешественника смотря на оныя, не видитъ ничего кромѣ мшистыхъ камней и зеленаго злака. Но между тѣмъ какъ рука времени все въ нихъ истребила, краснорѣчивое перо, тверже мраморовъ и мѣди, сохранило красоту ихъ въ воображеніи нашемъ. Какимъ образомъ по сіе время гремятъ у насъ имена и подвиги Агамемноновъ, Ахилловъ, Аяксовъ? Стихотворство сдѣлало ихъ безсмертными, и можетъ быть оно же преисполнило ихъ великостію духа: ибо хотя и кажется, что сама природа влагаетъ въ насъ

огнь смѣлости и мужества, однакоже въ какой славолюбивой душѣ не воспылаетъ, не умножится сей огнь при чтеніи въ Гомерѣ подвиговъ Ахилла и Гектора? Къ какимъ великимъ предпріятіямъ и дѣяніямъ не подвигнетъ его честолюбіе, когда воображаетъ онъ, что воспѣтъ будетъ Гомерами? Слава любитъ жить. Безсмертная душа наша и по разрушеніи тѣла алчетъ оставить по себѣ память. Но кто безъ гласа стихотворцевъ, безъ кисти дѣеписателей, сохранитъ имена великихъ мужей? Горацій устами Ломоносова говоритъ:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Пользы, происходящія отъ языка и словесности, безчисленны. Ни какое перо описать, ни какія уста изречь ихъ не могутъ. На нихъ основаны безопасность, спокойство, благоденствіе, величіе и слава человѣческая. Но съ сими толь великими пользами сопряжена еще пріятность превосходящая всѣ наши прочія услажденія; ибо какія мгновенно проходящія забавы или увеселенія, обыкновенно влекущія за собою или пресыщеніе, или скуку, могутъ равняться съ чистымъ, никогда непомрачаемымъ удо-

вольствіемъ души и разума? Представимъ себѣ человѣка тупаго, безграмотнаго, никакими знаніями не просвѣщеннаго, и потому не могущаго чувствовать никакихъ красотъ словесности; едва ли можно про него сказать, что онъ жилъ на свѣтѣ. Жилъ,, но въ чемъ же преимуществовалъ онъ предъ тѣми, которыхъ называемъ мы безсловесными существами? Почти ни въ чемъ. Услажденія ихъ были общи, слѣдовательно и удовольствія одинаковы. Онъ ходилъ, ѣлъ, пилъ, спалъ, дышалъ воздухомъ; и они все тоже дѣлали. Онъ вмѣстѣ со всѣми тварями видѣлъ великолѣпіе восходящаго солнца; но могло ли оно въ душѣ его раждать то удивленіе, съ какимъ смотрѣлъ на него Невтонъ? Не имѣя понятія о безмѣрной величинѣ сего вѣчногорящаго свѣтила, могъ ли онъ при появленіи его съ восхищеніемъ воскликнуть:

Се солнце! искра славы Бога.

Онъ созерцалъ величественный мракъ ночи; но ни сребряная луна, тихо плавающая въ безпредѣльной глубинѣ воздуха, ни безчисленное множество сверкающихъ въ небесномъ сводѣ звѣздъ, не умиляли души его, не возбуждали въ немъ сей усердной къ Творцу оныхъ благодарности, сего благоговѣйнаго чувствованія, какое раждается отъ размышленія о необъятномъ пространствѣ той

громады, въ которой тьмы тѣмъ міровъ вращаются, и которую называемъ мы вселенною. Онъ держалъ въ рукахъ книгу, рѣдкое произведеніе, долговременный плодъ величайшаго ума; но она не больше, какъ и всякая другая обращала на себя его вниманіе. Все для него было мрачно, природа безмолвна, единообразна. Безконечныя противуположности: высокое и низкое, обширное и малое, въ тѣсномъ понятіи его едва различествовали между собою. Восклицанія ученыхъ мужей:

> Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
> Великъ въ строеніи червей, въ скудели тѣсной!

были для него пустые звуки, не производившіе въ умѣ и въ душѣ его никакова понятія, никакова чувствованія. Какая разность между симъ человѣкомъ, и тѣмъ, котораго умъ, просвѣщенный науками, украшенный знаніями, изощренный чтеніемъ книгъ, удобенъ наслаждаться всѣео ими твореніями; почерпать изъ нихъ любовь къ Богу, къ добродѣтели; видѣть умственными очами природу во всей ея славѣ; чувствовать красоты языка и восхищаться сладкимъ пѣніемъ стихотворцевъ! Иногда съ изумленіемъ и восторгомъ внимаемъ мы звуку громогласной трубы; иногда съ пріятнымъ трепетаніемъ сердца слушаемъ голосъ тихой свирѣли.

Индѣ искусное сочетаніе словъ, индѣ глубокій разумъ оныхъ, индѣ сила и сладость, попеременно водятъ насъ изъ удовольствія въ удовольствіе, изъ восторга въ восторгъ. Часто въ свободные часы, почерпая вмѣстѣ и пользу и пріятность, бесѣдуемъ мы съ великими умами и рѣдкими дарованіями. Иной разсуждая о человѣкѣ, и видя въ немъ чудесное соединеніе тѣла съ душою, сей слабой и бренной персти, съ сильнымъ и нетлѣннымъ духомъ, скажетъ намъ о себѣ:

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю:
Я царь — я рабъ — я червь — я Богъ!

Сіи гордыя и вмѣстѣ уничиженныя о самомъ себѣ размышленія сообразны съ природою нашею; онѣ, попеременно, то возносятъ и надмѣваютъ, то смущаютъ и страшатъ сердце и чувства наши. Сіи по душевнымъ силамъ нашимъ справедливыя слова: *я Царь, я Богъ!* наполняютъ великими о себѣ мыслями разумъ человѣка; но не меньшая сего истинна: *я рабъ, я червь, я истлѣваю!* погружаютъ его въ уныніе: тогда гордость его усмиряется, величавыя воображенія исчезаютъ, скрежещущая зубами

смерть поднимаетъ на него страшную свою косу, гробы гремятъ костями и земля разверзаетъ черныя свои хляби поглотить его. О какъ тогда тѣлесное существо человѣческое вострепещетъ! но душа его не поколеблется; онъ обратится къ Богу, къ источнику своему, и съ твердостію скажетъ:

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь.
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! — въ безсмертіе Твое.

Тако высокія стихотворныя произведенія научаютъ насъ бесѣдовать съ Богомъ и съ самимъ собою.

Индѣ, обращая глаза наши на прошедшія времена, съ восторгомъ читаемъ мы описаніе даровъ, какими небесныя существа одарили новорожденнаго въ сѣверѣ багрянороднаго Отрока:

Я увидѣлъ въ восхищеньи
Растворенъ судебъ чертогъ;
Я подумалъ въ изумленьи,
Знать родился нѣкій Богъ.
Геніи къ Нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;

Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ Ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ принесъ Ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ Ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи Царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ Немъ, рекъ:
Будь страстей своихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ.

Тако пророчественное перо стихотворца за нѣсколько лѣтъ предсказало намъ то, чему тмочисленные народы радостное нынѣ видятъ событіе.

Иной, плодовитымъ воображеніемъ и высокими стихами изобразитъ намъ царство зимы.

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальный составляютъ,
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо-льда стоитъ прозрачный домъ;
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды,
Тамъ царствуетъ зима, снѣдающая годы.

Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, являешся бодра;
Соперница весны и осени и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта:
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары,
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Огромные столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ.
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ;
Стихія каждая бездушный видъ имѣетъ:
Ни воздухъ двигаться, ни огнь пылать не смѣетъ.
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, но видны между
льдовъ
Огни замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода растоплена въ ущелинахъ лучами
Окаменѣвъ виситъ на воздухѣ слоями.
Тамъ зримы кажутся вѣщаемы слова,
Но все умерщвлено, натура вся мертва;
И естьли что ни есть имѣетъ жизни свойство,
Такъ трепетъ то единъ, дрожь, блѣдность, без-
покойство,
Сѣдые мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ:
Кудрявы иней, метели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Нетающи снѣга подобятся горамъ;
Студенымъ воздухомъ пещеры дышутъ тамъ.
Оттолѣ къ намъ зима державу простираетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ,
И соки жизненны древесные сосетъ;
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ
ночи.
И солнцу сокращать велитъ чело и очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рощи ждутъ,
И слуги ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.

Другой отъ сихъ льдистыхъ пещеръ, гдѣ дышущая мразами зима произвела въ чувствахъ нашихъ нѣкое хладное содроганіе, поведетъ насъ на ратное поле, гдѣ свирѣпствуетъ страшная брань, и гдѣ онъ, представя намъ силу и храбрость Россіянъ, воспалитъ въ душѣ и въ очахъ нашихъ искры гнѣва и мужества, сими или тому подобными стихами:

Уже и моремъ и землею
Россійско воинство течетъ,
И сильной крѣпостью своею
За лѣсъ и рѣки Готфовъ жметъ.
Огня ревущаго удары,
И свистъ отъ ядръ летящихъ ярый,
Сгущенный дымомъ воздухъ рвутъ,
И тяжкихъ горъ сердца трясутъ;
Уже мрачится свѣтъ полденный,
Повсюду видъ и слухъ плачевный.

* * *

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ нему прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Готфскими полками
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
И алчну челюсть отверзаетъ,
И хладны руки простираетъ,
Ихъ гордый исторгая духъ,
Тамъ тысящи валятся вдругъ.
Но естьли хочешь видѣть ясно,
Коль Росско воинство ужасно:

* * *

Взойди на брегъ крутой высоко,
Гдѣ кончится землею понтъ;
Простри свое чрезъ воды око,
Коль много обнялъ горизонтъ;
Внимай, какъ югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на зыбь ставитъ,
Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ:
Такъ Россъ противныхъ низлагаетъ.

* *
*

Какъ ежели на Римлянъ злился
Плутонъ, являя гнѣвъ и власть,
И естьли градъ тому чудился,
Что Курцій, видя мрачну пасть,
Презрѣвъ и младость и породу,
Погибъ за Римскую свободу,
Съ разъѣзду въ оную скочивъ;
То ей! Квириты Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ Россѣ, что безъ страху
Чрезъ огнь и рвы течетъ съ размаху.

* *
*

Всякъ мнитъ, что равенъ онъ Алкиду,
И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
Или ужасную эгиду
Нося, враговъ своихъ страшитъ;
Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаетъ,
Противныхъ силы презираетъ;
Смѣсившись съ прахомъ кровь кипитъ:
Здѣсь шлемъ съ главой, тамъ трупъ лежитъ,
Тамъ мечъ съ рукой отбитъ валится.
Коль злоба жестоко казнится!

* *
*

Такимъ образомъ представя ужасное зрѣлище битвъ, и возбудя въ груди нашей сильное движеніе; въ другомъ мѣстѣ успокоитъ и усладитъ онъ чувства наши прелестнымъ описаніемъ царства любви:

О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ,
Являя видъ страны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными облаками
Сіяетъ злато и лазурь.

* *
*

Кристальны горы окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанный цвѣтами лугъ.
Плоды румянцемъ испещренны,
И вѣтви медомъ орошенны,
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ всѣ чувства восхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь?
Въ пріятномъ жарѣ сердце таетъ!
Не тамъ ли царствуетъ любовь?

* *
*

И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье,
Любви являютъ тамо власть.
Древа листами помаваютъ,
Другъ друга вѣтвьми обнимаютъ,
Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гонятъ, то себя манятъ,

То прямо къ другу другъ стремятся,
И слившись межь собой журчатъ.

* *
*

Нарцисъ надъ ясною водою,
Плѣненъ своею красотою,
Стоитъ, любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по брегу дуешь,
Стократъ листки его цѣлуешь,
И сладкой тѣ кропишь росой;
Зефиръ, сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранитель,
Куда свой правишь ты полетъ?
Зефиръ, кустовъ и рощь любитель,
Что прочь отъ нихъ тебя влечетъ?

* *
*

Онъ легкими шумитъ крилами,
Взвившеся подъ небесами
И льетъ на воздухъ ароматъ;
Царицу мѣстъ любовь срѣтаетъ,
Порфиру и власы взвѣваетъ;
Она спѣшитъ къ свой свѣтлый градъ.
Индійскихъ рѣкъ брега веселы,
Хоть вѣчна васъ весна пестритъ,
Не чудны ваши мнѣ предѣлы,
Мой духъ красу любови зритъ.

* *
*

Иной представитъ намъ другаго рода чудныя красоты. Онъ изобразитъ намъ Монархиню, сіяющую на небесахъ, на земли незабвенную, безсмертную, и напоминовеніемъ о Ея величіи, великодушіи, славѣ,

исторгнетъ изъ очей нашихъ слезы радости и благодарности. Онъ скажетъ о Ней:

Представь Ее облякоченну
На Зороастровъ истуканъ,
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огнезвѣздный Океанъ,
Вѣщающу: „О Ты Превѣчный!
„Который волею Своей
„Колеса движешь быстротечны
„Вращищейся природы всей!

* * *

„Когда Ты есть душа едина
„Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ:
„То Ты жъ конечно и причина
„И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;
„Тобою царства возрастаютъ,
„Твое оружіе Цари;
„Тобой они и померцаютъ,
„Какъ блескъ вечернія зари.

* * *

„Наставь меня, міровъ Содѣтель!
„Да волѣ слѣдуя Твоей,
„Тебя люблю и добродѣтель,
„И зижду щастіе людей;
„Да вѣкъ мой на дѣла полезны
„И славу ихъ я посвящу,
„Самодержавства скипетръ желѣзный
„Моеи щедротои позлащу.

* * *

„Да удостоена любови,
„Надзрѣнія Твоихъ очесъ,

„Чтобъ я за кажду каплю крови,
„За всякую бы каплю слезъ
„Народа моего, пролитыхъ,
„Тебѣ отвѣтствовать могла,
„И чувствъ души моей сокрытыхъ
„Тебя Свидѣтелемъ звала."

* *
*

Такова молитва Великой ЕКАТЕРИНЫ! Молитва достойная быть изображенною золотыми буквами въ чертогахъ у Царей. Но что еще? Посмотримъ, каковою стихотворецъ изображаетъ Ее, когда Она по необходимости правосудія долженствовала опредѣлять строгую смертнымъ участь.

Представь, чтобъ тутъ кидала взоры
Со отвращеніемъ Она
На тѣ ужасны приговоры,
Гдѣ смерть написана, война,
Свинцова грифеля чертами,
И медленнобъ крѣпила ихъ, —
И тутъ же горькими слезами
Смывала бы слова всѣ съ нихъ.

* *
*

Но милостибъ опредѣляла
Она съ смѣющимся лицомъ,
Златая бы струя бѣжала
За скоропишущимъ перомъ,
И проливала бы съ Престолу
Нещетны тысящи прохладъ;
Какъ въ ясный день съ крутыхъ горъ долу
Лучистый съ шумомъ водопадъ.

* *
*

Таковые стихи сами собою, то есть красотою мыслей своихъ раждаютъ въ насъ любовь къ человѣколюбію, толь пламенными и пріятными чертами въ нихъ изображенному; но еще болѣе восхищаютъ они чувства наши тѣмъ, что сила красоты ихъ соединена съ силою всѣмъ извѣстной истины; ибо ЕКАТЕРИНА Великая въ душѣ Своей подлинно была такова. Стихотворецъ изобразя Ее *смывающею горькими слезами слова*, когда Она подписывала приговоры, и *злату́ю струю бѣгущую за скоропишущимъ перомъ*, когда Она подписывала милости, не увеличилъ душевныхъ свойствъ Ея, но только умѣлъ о нихъ сказать съ приличнымъ достоинствомъ. Тожъ самое съ подобнымъ же краснорѣчіемъ, сказалъ о Ней въ словѣ своемъ одинъ изъ нашихъ почтенныхъ ораторовъ. Вотъ каковою, по внушенію самой истины, изображаетъ онъ сію Монархиню:

„Воззримъ съ благоговѣніемъ на Ея об-„разъ; изочтемъ, естьли возможно, пре-„красныхъ свойствъ Ея сокровища. Сано-„витый ростъ являлъ Царицу; великія не-„беснаго цвѣта очи — проницаніе и ми-„лость; отверстое чело — престолъ ума; „полныя руки — щедроты символъ; осанка, „поступь, гласъ — премудрости Богиню. „Во всѣхъ движеніяхъ Ея видима была ве-„личественная непринужденность; въ укра-

„шеніяхъ простота; во вкусѣ изящность.
„Во всѣхъ разсужденіяхъ обитало особенное
„свойство сладостнаго убѣжденія; въ гла-
„голахъ Аттическая соль, Латинская крат-
„кость, Славенское великолѣпіе. Какая въ
„велѣніяхъ кротость! Какая нѣжность въ
„привѣтствіяхъ! Какая въ ожиданіи терпѣ-
„ливость! Повелѣвая, казалась просящею;
„даруя, одолженною; наставляя, пріемлю-
„щею совѣты. Гнѣвъ Ея былъ тайна каби-
„нета, милость же обрадованныхъ гласъ
„трубный. Никогда величіе не являлось съ
„благодушіемъ подобнымъ; ни единый изъ
„Монарховъ толикаго уваженія, ни едина
„изъ Царицъ толикія любви не привлекала.
„Когда окруженная блистательнымъ дво-
„ромъ Своимъ являлась собранію чиновъ,
„всякъ мнилъ тогда видѣти Святая Свя-
„тыхъ. Когда принимала пословъ въ обле-
„ченіи Императорскаго велелѣпія, казалась
„окруженною и благостію небесъ, и священ-
„нымъ ужасомъ силы, могущества и власти,
„въ единой Ей совокупленныхъ, и отъ еди-
„ныя происходящихъ. Когда удостоивала
„кого Своей бесѣды: величіе слагала, робѣ-
„ющаго ободряла, скромную нужду предва-
„ряла, самые недостатки вѣщающаго Ей
„непримѣтившею казалась. Титло человѣка
„всегда предшествовало въ понятіяхъ Ея
„титлу Самодержца. Нарицаніе Россіянъ

,,чадами именованію подданнаго, любовь ихъ
,,повиновенію предпочитала. Стражу Свою
,,въ сердцахъ народныхъ, славу въ блажен-
,,ствѣ ихъ поставляла. Въ наградахъ щедра,
,,какъ мать природа; въ наказаніяхъ мило-
,,стива, яко Отецъ Небесный. Колико не-
,,щастныхъ, коихъ злодѣянія умѣли прогнѣ-
,,вить Ангельское Ея сердце, оставлены бы-
,,ли грызенію совѣсти, или естественному
,,постиженію смерти, безъ утвержденія Ею
,,осудившаго ихъ приговора! Колико благо-
,,получныхъ, кои немощи ради человѣческой
,,извинены были! Колико таковыхъ, кото-
,,рые исправленіемъ погрѣшностей своихъ
,,паки сердце Ея къ себѣ приклоняли! Отъ
,,самаго вступленія Своего на Престолъ со-
,,хранила Она равномѣрный блескъ славы до
,,послѣдняго дня Своея жизни: никогда не
,,изнемогла въ превратностяхъ щастія; ни-
,,когда въ неудачахъ своенравія не оказала;
,,даже въ болѣзненныхъ припадкахъ ни жа-
,,лобъ, ни унынія не изъявила. Отягчена бу-
,,дучи игомъ правленія толь обширной Дер-
,,жавы, никогда бременемъ Своимъ не ску-
,,чала; никогда многозаботливымъ теченіемъ
,,онаго не затруднялась. Будучи осторожна,
,,никогда тщетнымъ сомнѣніемъ сердца
,,Своего не терзала; благонадежна — нико-
,,гда не ослабила Престола Своего безопас-
,,ности. Таковыми огражденна правилами

„всегда была одинакова, премудра, велика;
„всегда Себѣ единой подобна.“

Въ обоихъ сихъ примѣрахъ мы видимъ Ее милосердою, какъ сама благость. Но посмотримъ еще, какимъ образомъ витійственное перо стихотворца представляетъ могущество Ея, великолѣпіе и славу, когда Она угощаема была приготовленнымъ для Ней пиршествомъ:

Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро.
Восточный, западный, сѣдые Океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ.
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь.
Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала.
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ.
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина.
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчивать должна такъ нехоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли:
Лукуллы, Цесари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь сойти со стѣнъ желали,
И вопросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Какая кисть! какое воображеніе! всему въ стихахъ сихъ дана жизнь, душа, движеніе. Всякъ въ свойственномъ своемъ видѣ предстоитъ высокой своей Повелительницѣ. Вмѣсто обыкновенно бывающихъ при столѣ слугъ, кто служитъ Ей? Сѣдые Океаны, Сибирь, лѣсъ, степи, Украйна, Холмогоръ, Волга, Донъ, Нева, Тавръ, Рифей! Всѣ въ Ея подданствѣ. Каждый приноситъ Ей богатые избытки свои. Подлинно, смотря на сіе, зардѣлись бы лица у настоящихъ Лукулловъ, Цесарей, Траяновъ, и соединенное съ любопытствомъ удивленіе понудило бы ихъ спросить: *кого такъ угощаетъ свѣтъ?* — Но оставимъ трубу. Перейдемъ отъ грома стиховъ, отъ высоты мыслей, отъ сихъ возносящихъ душу сильныхъ восторговъ, къ тихимъ, сладкимъ удовольствіямъ ума и сердца. Стихотворство тысячами различныхъ гласовъ умѣетъ плѣнять и увеселять насъ. Посмотримъ, какъ иной остроумно и нѣжно и забавно опишетъ намъ ѣдущую по водамъ, сопровождаемую дворомъ своимъ Венеру:

Богиня учредивъ старинный свой парадъ,
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.
Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней веселья полны.

Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
Иной вокругъ ея нырлетъ,
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ;
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На Китѣ въ переди верьхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральной громко трубитъ рогъ;
Другой изъ краевъ самыхъ дальныхъ
Успѣвъ приплыть къ Богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
О естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь нещастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной приставъ къ Богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту,
И прохлаждаетъ жаркій лучь,
Пуская къ верху водный ключь.

Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ бывьми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другіяжъ, на струяхъ несясь,
Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой,
И отъ луговъ любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала,
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать,
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать.
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы:
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ.
Другой невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ
Любовь ей на ухо свиститъ.
Иной пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ.
Другой въ уста и очи дуетъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.
Гонясь за нею волны тамъ,

Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

* * *

Ежели искусные живописцы въ картинахъ своихъ увеселяютъ глаза наши подобными изображеніями, то сколько же таковыя изображенія должны быть превосходнѣе, когда начертаваются сладкимъ перомъ плодовитаго воображенія? ибо, хотя живопись по справедливости почитается прекраснѣйшимъ произведеніемъ человѣческаго искуства, однакожъ оная есть токмо оживотворяемое подражаніе дышущаго жизнію стихотворства. Душу живописи составляютъ краски, душу стихотворства составляетъ языкъ. Нашъ языкъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ, изъ ученѣйшихъ языковъ, праотецъ многимъ другимъ. Онъ не уступаетъ ни Греческому, ни Латинскому; не меньше ихъ краткокъ, не меньше силенъ, не меньше богатъ. Всякое слово его есть плодъ размышленія, вѣтвь рожденная отъ корени, а не заимствованный отъ другихъ языковъ пустой мыслями звукъ. Онъ въ изображеніи важныхъ предметовъ высокъ и великолѣпенъ, въ описаніи же обыкновенныхъ вещей сладокъ и простъ. Гдѣ надобно говорить громко и величаво, тамъ предлагаетъ онъ

тысячи избранныхъ словъ, богатыхъ разумомъ, звучныхъ и совсѣмъ особыхъ отъ тѣхъ, какими мы въ простыхъ разговорахъ объясняемся. Надлежитъ ли самую обыкновенную и простонародную мысль облечь въ важность и великолѣпіе? Онъ способенъ ко всѣму. Напримѣръ: Императрица Елисавета ѣдетъ съ великою скоростію изъ Москвы въ Петербургъ, и Ломоносовъ, мечтая солнце стыдящимся, что на колесницѣ своей не успѣваетъ за нею въ слѣдъ, самую простую мысль выражаетъ пристойно и величаво:

На коней пламенныхъ зардѣвшись негодуетъ.
И огненнымъ бичемъ за лѣность наказуетъ.

Надлежитъ ли, говоря о тойже Императрицѣ, подобную же простую мысль, что Она *ѣздила верхомъ на охоту*, представить въ красивомъ и величественномъ видѣ, посмотримъ еще, какими звучными словами языкъ снабдилъ умъ стихотворца:

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ.
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

* * *

Надобно ли глубокую, философическую мысль, напоминающую намъ о скоротечности времени и суетѣ мірской, представить не пышными, не величавыми, но простыми, однакожъ сильно усмиряющими гордость нашу стихами — вотъ они:

Суетенъ будешь
Ты человѣкъ,
Естьли забудешь
Краткой свой вѣкъ.
Время проходитъ,
Время летитъ,
Время проводитъ
Все, что ни льститъ;
Щастье, забава,
Свѣтлость коронъ,
Пышность и слава,
Все только сонъ.
Какъ ударяетъ
Колоколъ часъ,
Онъ повторяетъ
Звономъ сей гласъ:
Смертный! будь ниже
Въ жизни ты сей,
Сталъ ты поближе
Къ смерти своей.

Надобно ли въ краткой басенкѣ уколоть крючкотворство приказныхъ людей, часто подъ видомъ законовъ притѣсняющихъ беззащитную невинность, вотъ какіе стихи вложены въ уста зайца:

Толкнулъ какой-то льва рогами звѣрь:
За что скотинѣ всей рогатой

Нещастіе теперь
И ссылка платой.
Въ приказъ
Пришелъ о томъ указъ.
Готовъ осмотръ и высылка готова.
Ступай, не говоря ни слова,
И понесите вонъ отсель тѣла,
Рога и души.
Великой зайцу страхъ та ссылка навела;
Рогами, мнитъ, сочтутъ въ приказѣ зайчьи уши.
До зайца тотъ указъ ни въ чемъ не надлежитъ,
Однако онъ какъ тѣ подобно прочь бѣжитъ.
Страхъ зайца побѣждаетъ
И заяцъ разсуждаетъ:
Подъячій лютъ,
Подъячій плутъ,
Подъяческія души
Легко пожалуютъ въ рога большія уши;
А ежели судьи и судъ
Меня оправятъ,
Такъ справки, выписки, однѣ меня задавятъ.

* * *

Такимъ образомъ въ сочиненіяхъ нашихъ найдемъ мы всякаго рода пріятности: глубокомысленное, громкое, сильное, острое, нѣжное, забавное. Языкъ нашъ такъ обширенъ и богатъ, что чѣмъ долѣе кто упражняется въ ономъ, тѣмъ больше открываетъ въ немъ новыхъ сокровищъ, новыхъ красотъ, ему единому свойственныхъ, и которыя на всякомъ другомъ языкѣ не могутъ быть выражены съ такою силою и достоинствомъ. Словесность нашу можно раздѣлить на три

рода. Одна изъ нихъ давно процвѣтаетъ, и сколько древностiю своею, столько же изяществомъ и высотою всякое новѣйшихъ языковъ витiйство превосходитъ. Но оная посвящена была однимъ духовнымъ умствованiямъ и размышленiямъ. Отсюду нынѣшнее наше нарѣчiе или слогъ получилъ, и можетъ еще болѣе получить, недосязаемую другими языками высоту и крѣпость. Вторая словесность наша состоитъ въ народномъ языкѣ, не столь высокомъ, какъ священный языкъ, однако же весьма прiятномъ, и который часто въ простотѣ своей сокрываетъ самое сладкое для сердца и чувствъ краснорѣчiе. Оба сiи роды словесности, весьма различные между собою, требуютъ не малаго въ нихъ упражненiя, дабы напоиться духомъ ихъ, и научиться чувствовать красоты оныхъ; ибо безъ того могутъ онѣ быть подобны драгоцѣнному камню, который до тѣхъ поръ не привлекаетъ къ себѣ взоровъ, покуда искусная рука художника не сниметъ съ него покрывающую блескъ его корку. Возмемъ сiи двѣ словесности, то есть священныя книги и народныя стихотворенiя на другихъ языкахъ, и сравнимъ ихъ съ нашими, мы увидимъ, какъ далеко они отъ насъ отстаютъ. Третiя словесность наша, составляющая тѣ роды сочиненiй, которыхъ мы не имѣли,

процвѣтаетъ не болѣе одного вѣка. Мы взяли ее отъ чужихъ народовъ, но заимствуя отъ нихъ хорошее можетъ быть слишкомъ рабственно имъ подражали, и гоняясь за образомъ мыслей и свойствами языковъ ихъ, много отклонили себя отъ собственныхъ своихъ понятій. Прочитаемъ нѣкоторыхъ ученыхъ иностранцевъ, разсуждающихъ о словесностяхъ своихъ: они доказываютъ, что самые величайшіе писатели ихъ сколько въ правилахъ и размноженіи родовъ сочиненій обязаны древнимъ Греческимъ и Римскимъ стихотворцамъ, столько же въ выраженіяхъ и словахъ одолжены священному и народному языку своему. Они не отвергали сихъ двухъ языковъ, но избирая изъ нихъ различныя красоты умѣли дать имъ новый блескъ, и тѣмъ словесность свою обогатили и возвысили. Когда они изъ скудныхъ источниковъ своихъ почерпали силу краснорѣчія, то намъ ли съ богатымъ языкомъ своимъ смотрѣть только на образъ ихъ мыслей и объясненій, не ища въ собственныхъ нашихъ хранилищахъ той высоты и пріятности, какихъ они въ хранилищахъ своихъ никогда не могли находить? Не взирая однакоже на сей отъ самаго начала необдуманно избранный нами путь, отчасу далѣе отводящій насъ отъ двухъ богатѣйшихъ въ языкѣ нашемъ источниковъ,

и не смотря на то, что мы не болѣе одного вѣка упражняемся въ свѣтскихъ сочиненіяхъ, словесность наша, даже и въ семъ родѣ, по крайней мѣрѣ во многихъ частяхъ, едва ли уступаетъ словесностямъ другихъ народовъ. Мы изъ малаго числа приложенныхъ здѣсь примѣровъ видѣли, какъ громко и пріятно знаменитые наши витіи умѣютъ бряцать на лирахъ. Остается только приложить намъ еще большій трудъ къ изслѣдованію всей обширности языка нашего, къ извлеченію наружу тѣхъ блистающихъ въ немъ красотъ, которыя отъ устремленія очей нашихъ на чужія несродныя намъ красоты лежатъ въ прахѣ и забвеніи. Обратимъ глаза свои на нихъ, полюбимъ свое: тогда предъ свѣтомъ сіянія ихъ померкнетъ волшебный блескъ чужеязычныхъ прелестей, подобно какъ луна померкаетъ предъ ясными лучами солнца. Похвально знать чужіе языки, но не похвально оставлять для нихъ свой собственный. Мы уже сказали, что языкъ есть первѣйшее достоинство человѣка, слѣдовательно свой языкъ есть первѣйшее достоинство народа. Безъ него нѣтъ словесности, нѣтъ наукъ, нѣтъ просвѣщенія. Но какимъ средствомъ можетъ процвѣтать и возвышаться словесность? единственнымъ; когда всѣ вообще любятъ свой языкъ, говорятъ имъ, читаютъ на немъ

книги; тогда только рождается въ писателяхъ ревность посвящать жизнь свою трудамъ и ученію; тогда только появляются сіи великіе умы, которыхъ произведеній не можетъ поглотить ниже самое всеснѣдающее время. Ибо что извлекаетъ изъ душъ нашихъ силу на всякіе трудные подвиги и дѣянія? Слава. Но какой славы можетъ ожидать самый трудолюбивѣйшій умъ, или самый превосходнѣйшій пѣснопѣвецъ тамъ, гдѣ его никто не читаетъ? Что же подвигнетъ множество умовъ съ великимъ трудомъ и усиліемъ тѣсниться въ тотъ храмъ, куда рѣдкіе достигаютъ, когда и достигнувъ въ оный будетъ онъ въ лаврахъ своихъ стоять ни кѣмъ не зримый? Напротивъ того какая между умами ревность, рвеніе и состязаніе тамъ, гдѣ каждому изъ нихъ милліоны людей опредѣляютъ цѣну! Гдѣ съ отличными дарованіями человѣкъ не умереть страшится, но вѣчно жить надѣется! Особливо же рвеніе сіе возбуждается въ немъ, когда онъ еще при жизни своей слышитъ, что облеченныя имъ въ красоту слога превосходныя мысли повторяются нѣжнѣйшими устами прекраснѣйшаго пола. Какая превеликая происходитъ изъ сего польза для словесности! Женщины, сія прелестнѣйшая половина рода человѣческаго, сія душа бесѣдъ, сіи лю-

безныя учительницы, внушающія въ насъ языкъ ласки и вѣжливости, языкъ чувствъ и страсти, женщины, говорю, суть тѣ высокія вдохновенія, которыя воспламеняютъ духъ нашъ къ пѣнію. Сталъ ли бы пѣть соловей, естьли бы не надѣялся быть услышанъ тою, для которой онъ голосъ свой на столько различныхъ звуковъ измѣняетъ и дробитъ? Трудолюбивые умы вымышляютъ, пишутъ, составляютъ выраженія, опредѣляютъ слова; женщины, читая ихъ, научаются чистотѣ и правильности языка; но сей языкъ, проходя чрезъ уста ихъ, становится яснѣе, глаже, пріятнѣе, слаще. Такимъ образомъ возрастаетъ словесность, гремитъ стихотворная труба, и раздаются сладкіе звуки свирелей. Но гдѣ нѣтъ любви къ языку своему, тамъ все молчитъ, все вянетъ, подобно тишинѣ ночи, подобно въ осеннее время саду, часъ отчасу больше теряющему зеленые свои листья.

Сіи-то всѣ разсужденія и причины, сами по себѣ важныя и полезныя, но слабо исчисленныя и показанныя мною, побудили нѣкоторое число любителей составить общество, которое бы подъ названіемъ *Бесѣды Любителей Рускаго Слова*, трудами своими и ежемѣсячными чтеніями предъ собраніемъ почтенныхъ посѣтителей и посѣтительницъ, могло по силамъ своимъ приносить

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Читанное въ 1812 году въ Бесѣдѣ Любителей Рускаго Слова.

Нѣкогда разсуждали мы о преимуществѣ, какое родъ человѣческій получилъ тѣмъ единымъ что благость Божія, даровавъ намъ душу, даровала и слово, безъ котораго не могли бы ни чувства наши возвышаться, ни разумъ преуспѣвать, остриться и расти. Но сей величайшій даръ, сіе слово, толико отличающее насъ отъ безсловесныхъ тварей, толико превозносящее надъ ними, было бы заключено въ тѣсныхъ весьма предѣлахъ, не расширило бы ни понятій нашихъ, ни способностей, когда бы воля небесъ судила каждому изъ насъ порознь скитаться по лицу земли, когда бы не вложила въ насъ желанія составить общества, называемыя державами или народами, и не повелѣла

каждому изъ оныхъ, размножаясь, жить подъ своимъ правленіемъ, подъ своими законами. Люди безъ сихъ обществъ были бы стольkоже злополучны, какъ безъ семействъ и родства. Не было бы у нихъ ни вѣры, обуздывающей страсти, исправляющей нравъ и сердце; ни воспитанія, просвѣщающаго разумъ; ни общежитія, услаждающаго жизнь; ни могущества, величія и безопасности, проистекающихъ отъ совокупленія во едино всѣхъ частныхъ воль и силъ. Отсюду слѣдуетъ, что человѣкъ, почитающій себя гражданиномъ свѣта, то есть, не принадлежащимъ ни какому народу, дѣлаетъ тоже, какъ бы онъ не признавалъ у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Онъ исторгаясь изъ рода людей причисляетъ самъ себя къ роду животныхъ.

Итакъ, когда Всемогущему Создателю міровъ угодно было устроить природу нашу таковою, чтобъ мы для безопасности и благоденствія своего совокуплялись въ разныя общества, и каждое изъ оныхъ составляло бы едино тѣло и едину душу, то для лучшаго исполненія сей Всевышняго воли не худо разсмотрѣть обязанности наши къ сему сообществу, или великому; собственно нашему семейству, называемому Отечествомъ; не безполезно поговорить о любви къ нему, не скучно побесѣдовать о томъ

священномъ долгѣ, которой всякому благородному сердцу толь сладостенъ.

Что такое Отечество? Страна, гдѣ мы родились; колыбель, въ которой мы возлѣлеяны; гнѣздо, въ которомъ согрѣты и воспитаны; воздухъ, которымъ дышали; земля, гдѣ лежатъ кости отцовъ нашихъ, и куда мы сами ляжемъ. Какая душа дерзнетъ расторгнуть сіи крѣпкія узы? Какое сердце можетъ не чувствовать сего священнаго пламени? Самые звѣри и птицы любятъ мѣсто рожденія своего. Человѣкъ ли, одаренный разумною душою, отдѣлитъ себя отъ страны своей, отъ единоземцевъ своихъ, и уступитъ въ томъ преимущество пчелѣ и муравью? Какой извергъ не любитъ матери своей? Но Отечество меньше ли намъ, чѣмъ мать? Отвращеніе отъ сей противуестественной мысли такъ велико, что какую бы ни положили мы въ человѣкѣ худую нравственность и безстыдство; хотя бы и представили себѣ, что можетъ найтися такой, который въ развращенной душѣ своей дѣйствительно питаетъ ненависть къ отечеству своему; однакоже и тотъ постыдился бы всенародно и громогласно въ томъ признаться. Да какъ и не постыдиться? Всѣ вѣки, всѣ народы, земля и небеса возопіяли бы противъ него: одинъ адъ сталъ бы ему рукоплескать. — Отсюду

происходитъ, что при всѣхъ порокахъ и страстяхъ человѣческихъ, при всей примѣчаемой иногда дерзости развращенныхъ умовъ и сердецъ, нигдѣ не видимъ мы вопіянія противъ сроднаго каждому чувствованія любви къ отечеству. Напротивъ того не только единогласное во всѣхъ языкахъ слышимъ тому проповѣданіе; но и вездѣ, въ прошедшихъ и настоящихъ временахъ, тьмочисленные находимъ примѣры, что сила любви къ отечеству препобѣждаетъ силу любви ко всему, что намъ драгоцѣнно и мило, къ женамъ, къ дѣтямъ нашимъ и къ самимъ себѣ.

Спартанка, мать троихъ сыновей составлявшихъ всю ея гордость и надежду, вопрошаетъ притекшаго во градъ гонца: что войски наши? что мои дѣти? Гонецъ отвѣчаетъ вздохнувъ: всѣ трое убиты. — Такъ гибнетъ отечество наше? — Нѣтъ, оно спасено, торжествуетъ надъ врагами. — Довольно, сказала Спартанка, иду — куда? — Во храмъ благодарить боговъ. Вотъ сила любви къ отечеству: кого преодолѣла она? Материнское сердце!

Но что я говорю о Спартанкѣ? За чѣмъ ходить въ Грецію? Сколько таковыхъ Спартанокъ найдемъ мы у себя дома? Не видимъ ли въ прошедшихъ и нынѣшнихъ временахъ мужей, сыновъ, женъ, сестръ, матерей на-

шихъ, исполненныхъ любви къ отечеству? Воспомнимъ одинъ только примѣръ Пожарскаго и Минина, когда по гласу сего простаго купца, по единому извѣщенію его о бѣдствіяхъ сограждань, безчисленное воинство, жертвуя состояніемъ своимъ и собою, стеклось добровольно для избавленія Москвы. Какая ревность и усердіе! Какое въ толикомъ множествѣ людей достойное удивленія единодушіе! Мужескій и женскій полъ, юноши и дѣвы, отроки и старцы, безъ всякой неволи, безъ всякаго принужденія, по единому подвигу любви, всѣ текутъ, всякъ со всѣмъ семействомъ своимъ, имуществомъ и домомъ. Нѣкто изъ нашихъ стихотворцовъ, описывая сіе произшествіе, прекрасно прибавляетъ:

И жены зрѣлище явили безпримѣрно,
Усердіе гражданъ дѣля нелицемѣрно.
Сокровища, привыкъ что нѣжный полъ цѣнить,
Онѣ въ даръ обществу спѣшили приносить;
Вручали Минину уборы тѣ драгіе,
Чѣмъ русые власы и нѣжны красятъ выи,
И провождаемы числомъ своихъ дѣтей,
Оставившихъ серпы и плуги средь полей,
Прими отъ насъ, рекли, ты сей залогъ священный,
И сердцу матери толико драгоцѣнный!
Съ сей рѣчью въ сонмъ единъ дѣтей совокупивъ,
И горькими ихъ грудь слезами окропивъ,

Какъ часть самихъ себя отъ персей отрывали.
И трепетной рукой на брань благословляли.

Θемистоклъ, за всѣ свои заслуги изгнанный неблагодарными Аθинами, принужденъ былъ прибѣгнуть къ царю Персидскому Ксерксу, противъ котораго предводительствуя войсками одержалъ онъ многія надъ нимъ побѣды. Ксерксъ обрадованный пріобрѣтеніемъ толь великаго полководца, погасилъ вражду свою къ нему, принялъ его въ число первѣйшихъ вельможъ своихъ, осыпалъ благодѣяніями, и поручилъ ему начальство надъ войсками, которыя посылалъ онъ въ Египетъ. — Но потомъ, когда присланъ былъ изъ Греціи Посолъ требовать Θемистокла, какъ скрывающагося изъ отечества преступника, тогда Ксерксъ, пылающій ненавистію къ Грекамъ, перемѣнилъ свое намѣреніе, и полагая въ Θемистоклѣ съ одной стороны благодарность за оказанныя ему благодѣянія и защиту, а съ другой желаніе отмстить согражданамъ своимъ за несправедливое отъ нихъ гоненіе, велѣлъ ему съ войсками идти въ Грецію. Θемистоклъ, забывая несправедливость согражданъ своихъ и не страшась гнѣва Ксерксова, полага[illegible] къ ногамъ его жезлъ повелительств[illegible] Персидскими войсками, и говоритъ [illegible], онъ скорѣе умретъ, нежели пой[illegible] [illegible]зо-

рять стѣны своего отечества. Сіе отрицаніе подаетъ поводъ къ слѣдующему достойному примѣчанія между ими разговору:

Ксерксъ.

Ты раздражаешь того, кто тебя можетъ сдѣлать нещастнымъ.

Θемистоклъ.

Но не измѣнникомъ.

Ксерксъ.

Ты мнѣ жизнію обязанъ.

Θемистоклъ.

Но не честію.

Ксерксъ.

Отечество твое тебя ненавидитъ.

Θемистоклъ.

Но я люблю его.

Ксерксъ.

Неблагодарный! смерть ожидаетъ тебя. Но что ты любишь столько въ отечествѣ твоемъ?

Θемистоклъ.

Все, Государь: прахъ моихъ предковъ, священные законы, покровителей боговъ,

языкъ, обычаи, попъ во благо согражданъ моихъ мною проліянный, славу отъ того полученную, воздухъ, деревья, землю, стѣны, каменья.

Такъ мыслилъ Ѳемистоклъ въ отдаленнѣйшія времена, также и нынѣ мыслитъ всякая благородная душа. Природа человѣческая не испортилась и не испортится никогда. Достохвальныя чувствованія всегда велики и почтенны. Хотя часто порокъ торжествуетъ въ мірѣ, но какое его торжество! Наружный блескъ щастія сокрываетъ въ немъ внутреннюю темноту, и когда одѣтый въ злато и багряницу встрѣчается онъ съ покрытою рубищемъ добродѣтелію, тогда, не взирая на гордый видъ свой, невольно, внутри сердца своего, падаетъ къ ногамъ ея, и не смѣетъ мрачныхъ очей своихъ возвесть на свѣтлое ея лице.

Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, нашъ Ѳемистоклъ, нарѣченный потомъ Филаретомъ, мужъ благонравный и кроткій, отправленъ былъ въ смутныя времена Россіи со многими другими Боярами и чиновниками посломъ въ Польшу. Польскій Король Сигизмундъ искалъ тогда сѣсть на праздномъ послѣ Шуйскаго престолѣ Россійскомъ. Войски его силою и коварствомъ вторглись въ Москву и принудили устрашенныхъ Московскихъ Бояръ послать къ нему грамоту, при-

глашающую его принять самодержавное надъ Россіею владычество. Филаретъ, не видя руки Патріарха Гермогена, отрекся подписать сію грамоту. Ни долговременное заточеніе въ темницу, ни жестокіе съ нимъ поступки, ни страхъ, ни угрозы, не могли поколебать твердости его души. По десятилѣтнемъ страданіи возвращается онъ въ любезное отечество свое, въ Россію, за которую претерпѣлъ столько мученій, возвращается и падаетъ къ ногамъ избраннаго народомъ Царя. . . . Но кто сей Царь? Сынъ его Михаилъ! Кто можетъ описать сіе величественное зрѣлище? Сію священную радость ихъ свиданія? Страдалецъ за отечество видитъ въ сынѣ своемъ награду за свои страданія, лобызаетъ въ немъ надежду Россіи, созерцаетъ будущее ея благополучіе, и юный Царь объемлетъ въ сѣдомъ родителѣ своемъ мудрость, великодушіе и примѣръ, какъ должно любить свое отечество. Но отнимемъ у Филарета твердость душевную, дадимъ ему подписать грамоту. Куда денется священство и величіе сего свиданія? Превратится въ стыдъ и раскаяніе. Добродѣтель! ты одна можешь чувствовать истинную радость.

Эпаминондъ повелѣваетъ Ѳивскими войсками противъ ратоборствующихъ съ ними Лакедемонянъ, и знаменитыми подвигами

своими приноситъ величайшія отечеству пользы. Ѳивяне, какъ сказываютъ, имѣли неблагоразумный законъ, опредѣлявшій предводителю войскъ срочное время, по истеченіи котораго посылалось отъ народа къ нему повелѣніе о сдачѣ начальства другому, и въ случаѣ непослушанія осуждался онъ на смерть. Зависть и клевета не упустили воспользоваться симъ обстоятельствомъ. По внушенію ихъ обманутый народъ, не взирая на дѣла Эпаминондовы, посылаетъ къ нему повелѣніе сдать въ силу закона предводительство надъ войсками другому полководцу. Эпаминондъ, не надѣясь на преемника своего, и видя что всѣ пріобрѣтенные до сего успѣхи не токмо остановятся и не довершатся, но что непріятели чрезъ таковую перемѣну возникнутъ и усилятся, не послушалъ повелѣнія, довершилъ начатое имъ дѣло, покорилъ всѣхъ противниковъ, и возвратяся въ Ѳивы сказалъ народу: ,,я ,,преступилъ законъ; вы должны предать ,,меня смерти; но справедливость требуетъ, ,,чтобъ на гробѣ моемъ написано было: ,,*Эпаминондъ казненъ за преступленіе, содѣ-* ,,*ланное имъ для спасенія согражданъ своихъ* ,,*отъ ига иноплеменныхъ.*" Вотъ какъ сильна въ истинныхъ сынахъ отечества любовь къ оному! Двѣ смерти предстояли Эпаминонду: одна отъ враговъ, другая отъ своихъ.

Онъ могъ избавиться отъ обѣихъ, сохраня и жизнь свою и славу, но гласъ любви къ отечеству вопіетъ въ немъ, и онъ ничему кромѣ его не внемлетъ. Откуда въ слабомъ тѣлѣ человѣческомъ толикая твердость духа? Отъ надежды на безсмертіе: сіе одно дѣлаетъ душу его толь великою; безъ того боялся бы онъ какъ червь раздавленъ быть пятою послѣдняго животнаго.

ПЕТРЪ Великій приступаетъ къ Шлиссельбургу. Голицынъ предводительствуетъ войсками. Краткость лѣствицъ отъемлетъ у храбрости возможность взойти на высоту стѣнъ: осажденные поражаютъ сильно, осаждающіе во множествѣ падаютъ. ПЕТРЪ, видя сіе, повелѣваетъ Голицыну отступить. Голицынъ не отступаетъ и беретъ Шлиссельбургъ. Вотъ нашъ Эпаминондъ. Ломоносовъ не пропустилъ воспѣть сего великаго подвига. Онъ описывая упорную и жестокую брань сію говоритъ, что ПЕТРЪ:

Смотря на воинства упадокъ безполезный,
Къ стоящимъ близь себя возвелъ зѣницы слезны:
„Что всуе добрыхъ мнѣ, сказалъ; людей губить?
„Голицыну спѣша велите отступить.

Но Голицынъ:

. . . . пламенемъ отвсюду окруженъ,
Вѣщалъ: „мы скоро трудъ увидимъ совершенъ;

„Чрезъ отступленіе отъ крѣпости обратно,
„Въ другой еще приступъ погибнетъ войскъ двукратно,
„И естьли Государь желаетъ городъ взять,
„Позволилъ бы намъ бой начатый окончать.“
Съ отвѣтомъ на стѣну предъ всѣми поспѣшаетъ,
Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваетъ.

И хотя опущенное на него со стѣнъ горящее бревно низринуло его полумертваго на землю, однакожъ храбрые Россіяне, послѣдними силами гласа его ободряемые:

На копья, на мечи, на ярость супостатъ,
На очевидну смерть безтрепетно летятъ.

Такимъ образомъ взятъ былъ Шлиссельбургъ или по прежнему названію Орѣшекъ. Народъ пощадилъ Эпаминонда; ПЕТРЪ облобызалъ Голицына. Любовь къ отечеству! Ты такъ почтенна, что и самое оскорбленное тобою самолюбіе не можетъ удержаться отъ простертія къ тебѣ длани своей.

Регулъ взятъ въ плѣнъ Карѳагенцами. Римъ для полученія обратно толь великаго мужа, готовъ помириться съ ними и уступить имъ всѣ пріобрѣтенныя кровью выгоды. Регулъ, узнавъ о семъ, проситъ Карѳагенянъ отпустить его въ Римъ, давъ имъ честное слово съ тѣмъже посломъ, съ которымъ отправленъ будетъ, возвратиться назадъ. Карѳагенцы зная, что такое честь

въ душѣ Регуловой, вѣряшъ ему и отпускаюшъ, но съ какимъ условіемъ? показываюшъ ему бочку, по всей поверхносши пробишую на сквозь желѣзными гвоздями, и говоряшъ: „есшьли шы возврашишся къ намъ съ миромъ, „мы шебя освободимъ; есшьли же привезешь „къ намъ продолженіе войны, що посаженъ „будешь въ сію бочку и пущенъ кашишься „по крушизнѣ горы." Регулъ отъѣзжаешъ. Обрадованный Римъ сшекаешся его увидѣшь. Онъ даешъ Римлянамъ совѣшъ не иначе помиришься съ Кареагенцами, какъ воспользовавшись всѣми силою оружія одержанными доселѣ преимущесшвами, и по склоненіи ихъ къ шому, въ провожаніи рыдающаго семейсшва своего и плачущаго Сенаша и народа ошправляешся обрашно въ Кареагенъ, дабы шамо бышь низвержену съ горы въ пригошовленной для него бочкѣ. До какой чрезвычайной сшепени пылающая къ ошечесшву любовію душа человѣческая можешъ бышь велика!

Гермогенъ, Пашріархъ Московскій, былъ нашъ Регулъ. Великаго мужа, почшеннаго сшарца сего нѣкшо изъ нашихъ сшихошворцевъ шакъ изображаешъ:

Кшо мужъ сей мудрый, сановишый,
Примрачный, какъ луна во мглѣ,
Имущій кропікій зракъ, ошкрышый,
Ко правдѣ ревносшь на челѣ?

Блестишъ въ очахъ, слезишь усталыхъ,
Какъ солнца лучь сквозь ранній паръ,
Къ отечеству сердечный жаръ.
Блѣднѣетъ скорбь въ ланитахъ впалыхъ,
До чреслъ волнуется брада;
Глава годами оснѣженна,
Вся крѣпость плоти изможденна,
Душа единая тверда.

Такъ подлинно: въ семъ тѣлѣ сокрушенномъ, въ сей изможденной плоти, видимъ мы духъ, никакими страхами, ни какими бѣдствіями непреоборимый. Россія безъ главы; нѣтъ въ ней Царя; Вельможи всѣ вкупѣ раздѣлены, а каждый порознь слабъ и маловластенъ; народъ мятется, унываетъ, страждетъ, не зная что дѣлать и кому повиноваться: такъ на морѣ корабль безъ кормила и якоря не вѣдаетъ куда идти и гдѣ остановиться. Между тѣмъ буря подъятыми на подобіе горъ волнами бьетъ, ломитъ, трясетъ всѣ его составы и угрожаетъ ихъ разрушить. Въ такомъ состояніи была Россія въ началѣ семнатцатаго вѣка. Отвнѣ Поляки и Шведы, внутри несогласія и раздоры свирѣпствовали. Москва отворила врата свои врагу и подъ властію чужой руки угнѣтенная, разграбленная, растерзанная, рыдала неутѣшно. Каменныя стѣны, огнедышущія бойницы, дремучій лѣсъ копій, молніеносныя тучи мечей, не столько отъ великихъ силъ непріятель-

скихъ, сколько отъ собственнаго своего неустройства, преклонились и пали. Однимъ словомъ все преодолено было; но оставался еще одинъ оплотъ, всего крѣпчайшій: оставался въ изнеможенномъ тѣлѣ старца духъ твердый; оставался Гермогенъ. Народъ Россійскій всегда крѣпокъ былъ языкомъ и вѣрою; языкъ дѣлалъ его единомысленнымъ, вѣра единодушнымъ. Двѣсти лѣтъ стоналъ онъ подъ игомъ Татаръ, но въ языкѣ и вѣрѣ пребылъ непремѣненъ. Для совершеннаго покоренія Россіи надлежало къ силѣ оружія присовокупить гласъ церкви, надлежало принудить Патріарха, яко первенствующую духовную особу, дать на то свое согласіе и разослать повсюду за подписаніемъ своимъ грамоты. Поляки вмѣстѣ съ согласившимися по неволѣ на то нѣкоторыми Московскими Боярами и народомъ упрашиваютъ Патріарха. Онъ отвергаетъ ихъ прошеніе. Неистовые враги угрожаютъ ему смертію, онъ отвѣчаетъ имъ: тѣло мое вы можете убить, но душа моя не у васъ въ рукахъ. Они въ ярости рвутъ на немъ златыя ризы, совлекаютъ священное облаченіе, налагаютъ на него вериги и оковы: онъ сожалѣетъ только, что изъ десницы его отнятъ крестъ, которымъ благословлялъ онъ народъ стоять за отечество. Они повергаютъ его въ глубокую, смрадную темницу: онъ собо-

лѣзнуетъ токмо, что не можетъ болѣе предстоять во храмѣ Божіемъ для воздѣянія предъ лицемъ народа рукъ своихъ ко Всевышнему. Они изнуряютъ его гладомъ, томятъ жаждою; но ни тяжкія цѣпи, ни густой мракъ, ни страшное мученіе алча, ни жестокая тоска изсыхающей гортани, не могутъ побѣдить въ немъ твердости духа, не могутъ преклонить его къ согласію на порабощеніе своего отечества: онъ умираетъ и послѣдній вздохъ его былъ молитва о спасеніи Россіи. Тако скончалъ жизнь свою Россіянинъ, пастырь церкви, сынъ отечества! О Гермогенъ! Ни санъ твой святительскій, ни власть твоя священная, не прославили бы тебя столько на небесахъ и на земли, сколько прославили тебя твоя темница и твои цѣпи. Между тѣмъ вѣсть о его смерти течетъ изъ града въ градъ, изъ веси въ весь. Во всѣхъ сердцахъ воспламѣняетъ гнѣвъ и мщеніе, утверждаетъ согласіе, возбуждаетъ храбрость, умножаетъ ревность и усердіе. Пожарскіе, Минины, Діонисіи, Филареты, Палицыны, Трубецкіе, и множество другихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, каждый своимъ образомъ, кто мечемъ, кто совѣтомъ, кто иждивеніемъ, кто твердостію духа, стекаются, содѣйствуютъ, ополчаются, гремятъ, и Москву отъ бѣдствій, Россію отъ ига иноплеменныхъ осво-

бождаютъ. Уже не Польскій Царевичь малымъ числомъ устрашенныхъ Бояръ возводится на престолъ, но избирается устами и сердцемъ всея Россіи младый Михаилъ, благословенная вѣтвь отъ благословеннаго корени Руских Князей, изъ рода Романовыхъ. Сей родъ соединяется потомъ съ родомъ Нарышкиныхъ и производитъ ПЕТРА Великаго, вознесшаго Россію на высокую степень величія и славы.

Такимъ образомъ вездѣ и во всѣ времена видимъ мы удивительные примѣры любви къ отечеству. Сила ея превыше всякаго страха. Душа воспламененная ею не боится ни воды, ни огня, ни глубины, ни высоты: Курцій въ Римѣ низвергается для нее въ подземную пропасть. Сакенъ на черномъ морѣ, окруженный непріятелями, подрываетъ подъ собою порохъ и летитъ съ обломками корабля на воздухъ, откол͡ѣ тѣло его упадаетъ въ море, а душа возносится къ небесамъ.

Итакъ видя съ одной стороны людей съ толикою неустрашимостію духа жертвующихъ собою отечеству, и съ другой всеобщій стыдъ не любить оное, слѣдовало бы изъ того заключить, что привязанность къ мѣсту рожденія своего и къ согражданамъ своимъ, братіямъ нашимъ, есть нѣкое общее, со млекомъ всосанное и во всѣхъ

сердцахъ обитающее чувство. Такъ бы надлежало; такъ оно и есть въ главной своей сущности. Но людей много, нравы ихъ различны, склонности непостоянны, страсти пылки: человѣческая душа, исполненная добродѣтелями или развращенная пороками, толико же благостію своею удобна приближаться къ Божеству, колико чернотою своею къ жителямъ преисподней. Отсюда видимъ мы людей жертвующихъ жизнію и всѣми благами отечеству, и въ тоже время видимъ, хотя и рѣдко, измѣнниковъ онаго и предателей. . . . Но оставимъ ихъ, природа гнушается ими, и человѣчество долженствуетъ имена ихъ забыть, дабы при воспоминаніи оныхъ не содрагаться отъ ужаса; оставимъ ихъ проклятію потомковъ и мщенію небесъ. Отвратимъ глаза наши отъ гнусныхъ преступленій человѣческихъ; но не отвратимъ ихъ отъ слабостей, отъ заблужденій, отъ нѣкоторыхъ обманчивыхъ прелестей; ибо мы всѣ тому подвержены. Природа наша несовершенна. Кто назоветъ себя непорочнымъ? Кто, сынъ грѣха, скажетъ о себѣ: я стою твердо, и никакія волны страстей и заблужденій не поколеблютъ меня? Таковое несродное тѣлесному составу нашему надѣяніе на себя, было бы не иное что, какъ гордая слѣпота, отвергающая осторожность и ведущая насъ

прямо въ ровъ. Итакъ устремляя всѣ наши мысли къ благимъ и добрымъ дѣламъ, не забудемъ, что мы люди, и что для утвержденія себя въ добродѣтеляхъ имѣемъ нужду помнить свои слабости и опасаться ихъ. На семъ основаніи станемъ разсуждать и объ отечествѣ нашемъ. Мы всѣ любимъ его, но сіе не мѣшаетъ намъ размышлять о средствахъ, какими сія священная любовь питается въ насъ, растетъ и умножается; ибо она не должна имѣть предѣловъ. Чѣмъ больше душа всего народа пылаетъ ею, тѣмъ тверже слава и благоденствіе сего народа. Отечество (сказала мнѣ одна изъ почтенныхъ нашихъ женщинъ) требуетъ отъ насъ любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила въ одинъ полъ къ другому. Отними у насъ слѣпоту видѣть въ любимомъ человѣкѣ совершенство, дай намъ глаза посреди самаго сильнѣйшаго пламени нашего, усматривать въ немъ нѣкоторые недостатки, нѣкоторые пороки; возбуди въ насъ желаніе сличать ихъ съ преимуществами другихъ людей: умъ начнетъ разсуждать, сердце холодѣть, и вскорѣ человѣкъ сей, ни съ кѣмъ прежде несравненный, сдѣлается для насъ не одинъ на свѣтѣ, но равенъ со всѣми, а потомъ и хуже другихъ. Такъ точно отечество. Когда мы начнемъ находить въ немъ многіе предъ

другими землями недостатки; когда станутъ увеселять насъ чужіе обычаи, чужіе обряды, чужой языкъ, чужія игры, обворожая и прельщая воображеніе наше правдивою Рускою пословицею: *тамъ хорошо гдѣ насъ нѣтъ*, и то хорошо что не носитъ на себѣ отечественнаго имени; тогда при всѣхъ нашихъ правилахъ, при всѣхъ добрыхъ расположеніяхъ и намѣреніяхъ, будетъ въ душу и въ образъ мыслей нашихъ нечувствительно вкрадываться предпочтеніе къ другимъ, и слѣдовательно уничиженіе къ самимъ себѣ; а съ симъ вмѣстѣ непримѣтнымъ же образомъ станетъ уменьшаться первѣйшее основаніе любви къ отечеству, духъ народной гордости, который гремящими устами Ломоносова завистникамъ Россіи говоритъ:

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Изчислите тьму сильныхъ боевъ,
Изчислите у насъ Героевъ
Отъ земледѣльца до Царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго олтаря.

Или устами одного изъ новѣйшихъ нашихъ стихотворцевъ, взывающаго къ сынамъ Россіи:

Подъ хладной сѣверной звѣздою
Рожденные на бѣлый свѣтъ,
Зимою строгою, сѣдою,
Взлелеянны отъ юныхъ лѣтъ,
Мы презримъ роскошь иностранну,
И даже болѣе себя
Свое отечество любя,
Зря въ немъ страну обѣтованну,
Млеко точащую и медъ,
На всѣ природы южной нѣги
Не промѣняемъ наши снѣги,
И нашъ отечественный ледъ.

Такъ, конечно; гордость сія хотя иногда величавая, иногда суровая, но необходимо нужная, предостерегаетъ отъ ложныхъ умствованій: она не допускаетъ насъ подъ видомъ предразсудка излишней любви ко всему отечественному, упадать въ предразсудокъ излишней любви ко всему чужеземному.

Слово *гордость* имѣетъ два значенія, совершенно противныя между собою, или лучше сказать, человѣку свойственны двѣ гордости: одна есть торжество порока, другая торжество добродѣтели; одна чуждая всякой благости и любви, хочетъ главою коснуться небесъ, и все то, что подъ нею попрать и растоптать ногами. Она любитъ брани, пожары, токи крови. Другая напротивъ, не завидующая ни кому и сама собою довольная, услаждается миромъ и тишиною. Она не превозносится уничиженіемъ другихъ, но собственнымъ своимъ

достоинствомъ величается. Она не ищетъ ни кого порабощать; но кто силою или коварствомъ возмнитъ ее поработить, повергнуть въ цѣпи, оковы; тогда только является она во всемъ своемъ могуществѣ и величіи: могущество ея состоитъ въ общемъ согласіи сердецъ и умовъ, величіе въ твердости душъ. Сія народная гордость и любовь къ отечеству суть двѣ единокровныя, неразлучныя подруги, составляющія силу, крѣпость и благоденствіе всякой державы. Любовь къ отечеству говоритъ человѣку: неисповѣдимая премудрость Божія повелѣла тебѣ родиться отъ отца и матери, имѣть братьевъ, сестръ, родныхъ, ближнихъ; дала тебѣ отличное отъ животныхъ свойство знать и помнить ихъ отъ колыбели до гроба; обязала ихъ пещися о твоемъ младенчествѣ, дышать тобою и любить тебя, даже за предѣлами твоей жизни. Поставила сердце твое посреди сладчайшихъ чувствованій къ тѣмъ, отъ кого ты произошелъ, и къ тѣмъ, которые отъ тебя бытіе свое получили. Не благополученъ ли ты посреди объятій родившаго тебя и рожденнаго тобою? Симъ образомъ благость Создателя Вселенной назначила тебѣ домъ, жилище, мѣсто пребыванія. Повелѣла чтобъ единое семейство посредствомъ брака соединялось съ другими: да течетъ во всѣхъ

одна и таже кровь, да свяжутъ сіи священныя узы весь народъ, и да скрѣпятъ его единодушіемъ, любовію, дружбою. Отсюду законы назвали тебя гражданиномъ, единоземцы братомъ, отечество сыномъ. Ты предъ лицемъ Бога и всего свѣта далъ торжественное обѣщаніе хранить сей союзъ, запечатлѣнный волею Творца, вопіющимъ въ тебѣ гласомъ природы, и общимъ всѣхъ благомъ, съ которымъ и твое собственное неразлучно. Сіе обѣщаніе основано на долгѣ благодарности, чести, на правилахъ вѣры, на законахъ Божескихъ и человѣческихъ. Можешь ли ты безъ содроганія и ужаса помыслить о нарушеніи онаго, какимъ бы то ни было образомъ, собственнымъ твоимъ ожесточеніемъ, или отсутствіемъ благоразумія, или пагубными соблазнами другихъ?

Тако вѣщаетъ намъ любовь къ отечеству, и гласъ ея священъ и праведенъ. Онъ поселяетъ въ насъ чувство народной гордости: ибо гдѣ любовь къ народу своему, тамъ и желаніе видѣть его процвѣтающимъ, благополучнымъ, сильнымъ, превозносящимся надъ всѣми другими царствами. Тамъ всякой словами и душою не сравняетъ имени отечества своего ни съ какимъ другимъ, пользуется чужими изобрѣтеніями, произведеніями, хвалитъ ихъ, но любитъ только

свои. Безъ сей необходимо нужной гордости упадаетъ духъ честолюбія, сохнетъ корень надежды на самаго себя, и величіе души, раждающее всѣ подвиги и доблести, подавляется уничиженіемъ. Естьли бы какой народъ и вподлинну примѣчалъ въ себѣ нѣкоторые недостатки въ искуствахъ украшать наружность, увеселять зрѣніе, услаждать вкусъ роскоши, и тому подобное (ибо въ душевныхъ свойствахъ и добротахъ стыдно кому нибудь уступать); то и тогда благороднѣе и полезнѣе мыслить: я имѣю свой умъ, свои руки, свои понятія, свои глаза; могу самъ изобрѣтать, творить, размышлять, дѣйствовать, и любовь къ собственнымъ моимъ произведеніямъ увеличитъ мои способности, дастъ имъ блескъ, пріятность, славу; нежели думать: все мое собственное худо, и самъ я не могу иначе быть хорошъ, какъ руководствуясь другимъ и дѣлаясь во всемъ на него похожимъ. Таковое уничижительное о себѣ мнѣніе, естьлибъ оное въ какомъ нибудь народѣ укорениться могло, послужило бы къ поврежденію нравовъ, къ упадку духа, и къ разслабленію силъ умственныхъ и душевныхъ. Когда одинъ народъ идетъ на другаго съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ, откуду у сего послѣдняго возьмутся силы отвратить сію страшную тучу, сей громовый

ударъ, естьли любовь къ отечеству и народная гордость не дадутъ ему оныхъ? Какой щитъ тверже единодушія гражданъ защищающихъ женъ и дѣтей своихъ? Какое оружіе страшнѣе стыда уступить и пасть предъ своимъ врагомъ идущимъ раззорять отечество наше? Чтожъ когда сіи двѣ крѣпчайшія ограды заблаговременно ослаблены будутъ? Отсюду явствуетъ, что не одно оружіе и сила одного народа опасна бываетъ другому; тайное покушеніе прельстить умы, очаровать сердца, поколебать въ нихъ любовь къ землѣ своей и гордость къ имени своему, есть средство надежнѣйшее мечей и пушекъ. Средство сіе медленно, однакоже вѣрно въ своихъ соображеніяхъ и ранѣе или позже но всегда цѣли своей достигаетъ. Мало по малу налагаетъ оно нравственныя узы, дабы потомъ наложить и настоящія цѣпи, зная, что плѣнникъ въ оковахъ можетъ разорвать ихъ, можетъ еще быть гордъ и страшенъ побѣдителю, но плѣнникъ умомъ и сердцемъ остается навсегда плѣнникомъ. Естьли бы какой народъ различными путями дошелъ до того, чтобъ сдѣлался во всемъ образцомъ и путеводителемъ другаго народа, такъ чтобы сей, прельстясь блескомъ мнимыхъ его превосходствъ, не возлюбилъ ни страны своей, ни обычаевъ, ни языка, ни ремеслъ,

ни забавъ, ни одежды, ни пищи, ни воздуха, и все сіе казалось бы ему у себя не хорошо, а у другихѣ лучше: не впалъ ли бы онъ въ достойное жалости уничиженіе? Таковые примѣры со всѣми вредными ихъ слѣдствіями нерѣдко находимъ мы въ бытописаніяхъ народовъ. Римъ отъ сего лишился своего величія, многія сильныя державы явились отъ сего слабыми. Сама Россія нѣкогда была тому подвержена. Хилковъ устами Хераскова говоритъ въ Россіядѣ:

Въ сіи позорные въ Россіи времена
Погасли Княжески почтенны имена;
Чужіе къ намъ пришли обычаи и нравы,
И скрылися слѣды пріобрѣтенной славы.

Но хотя бы и не можно было ни въ комъ предполагать толь великаго ослѣпленія, то однакоже по сродной человѣку слабости прельщаться и впадать въ заблужденіе (чему всякъ больше или меньше подверженъ), не надлежитъ предостерегающее о томъ напоминаніе почитать излишнимъ и не надобнымъ.

Что дѣлаетъ любовь къ отечеству? Съ благостію въ очахъ, съ прозорливостію въ умѣ, съ истиною и правосудіемъ въ сердце, печется о благоденствіи народномъ. Она въ одной рукѣ держитъ законы, а въ другой мечъ, и говоритъ народу: сіи законы,

начертанные мною на основаніи Божіихѣ заповѣдей, суть ваша свобода; сей мечъ, держимый мною на пораженіе внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, есть ваша безопасность: доколѣ сіи законы свято будутъ храниться, до тѣхъ поръ я съ вами и вы свободны; доколѣ мечъ сей никому, кромѣ нарушителей законовъ, не будетъ страшенъ, до тѣхъ поръ радость и спокойствіе обитать будутъ въ сердцахъ и жилищахъ вашихъ. Она говоритъ каждому сыну отечества: членъ великаго тѣла! Не отрывайся отъ онаго никогда, и поставленной отъ Бога надъ нимъ главѣ служи вѣрою и правдою. Люби Царя и отечество дѣлами твоими, а не словами. Не надѣйся никогда быть щастливъ угрызаемый совѣстію, и не бойся ничего похваляемый ею. Знай что я съ гнушеніемъ отвращаю взоры мои отъ Глинскихъ, которые лукавымъ языкомъ говорятъ Іоанну:

„Ты Богъ нашъ! естьлибъ мы могли нещастны спать,
„То намъ ли на тебя отважиться роптать?

И съ веселіемъ объемлю выю Курбскихъ вѣщающихъ ему чистосердечно:

„О Царь мой! властенъ ты мою пролити кровь,
„Однако въ ней почти къ отечеству любовь.

Что дѣлаетъ народная гордость? нехочетъ никому уступать. Ревнуетъ украшаться и блистать собственными своими достоинствами. Велитъ любить честь, велитъ уважать себя, имѣть мужество, твердость, душу. Она не промѣняетъ имени, языка, нравовъ своихъ ни на что. Она покорствуетъ единой главѣ отечества своего, и больше ни кому. Она простираетъ руку помощи слабому, и смотритъ на сильнаго безъ зависти и безъ боязни. Всякъ чужеземецъ ей другъ, но какъ скоро помыслитъ онъ властвовать надъ нею, съ оружіемъ въ рукахъ, или съ лукавствомъ въ сердцѣ, на силу ли свою надѣясь, или на прельщеніе, тотчасъ увидитъ ее грозну какъ тучу, и страшну какъ молнію и громъ. Между уничиженіемъ и погибелью избираетъ она погибель; между цѣпей и смертію кидается она въ объятія смерти.

Итакъ самое величайшее блаженство, самая сильнѣйшая ограда всякой державы, есть любовь къ отечеству и народная гордость. Посмотримъ же какими средствами сіи двѣ добродѣтели, толь необходимыя для общаго блага, укрѣпляются въ насъ, и какими ослабѣваютъ.

Первѣйшая покровительница ихъ есть святая православная вѣра, сей единственный человѣческаго благополучія источникъ,

изъ котораго народоправитель почерпаетъ мудрость, законъ, силу, судія правду, полководецъ мужество, земледѣлецъ трудолюбіе, воинъ храбрость и безстрашіе. Она устами первосвященника говоритъ Іоанну:

„Не кровію алкать Монарха устремляю,
„Но церковь защищать тебя благословляю.

Такимъ образомъ вѣра, которая во всякомъ другомъ случаѣ велитъ намъ и малѣйшую каплю крови человѣческой щадить, которая каждую слезу, каждый вздохъ, жестокостію нашею исторгнутый, исчисляетъ и взыскиваетъ отъ насъ; сей агнецъ смиренія, сей Ангелъ кротости и милосердія, ополчаетъ руки наши и повелѣваетъ намъ проливать свою и чужую кровь, когда дѣло идетъ о защищеніи и спасеніи церкви и отечества. Она, поучающая насъ, чтобъ мы даже и непріятелей своихъ любили и за всякое сдѣланное намъ зло платили имъ добромъ, въ семъ единомъ случаѣ, возводя на небо очи, молитъ о побѣдѣ и преодолѣніи враговъ. Изъ сего единаго не видимъ ли мы, какими тѣсными узами вѣра сопряжена съ любовію къ отечеству, и что она не только ведетъ насъ въ блаженство будущей и вѣчной жизни, но и въ семъ краткомъ на земли пребываніи нашемъ необходимо нужна для общаго всѣхъ спокойствія и безопасно-

сти. Ктожъ приведетъ насъ въ сіе благополучное состояніе? слово *народъ* представляетъ намъ такое же понятіе, какъ морскія волны: буря подъемлетъ и вержетъ ихъ; въ насъ страсти подобное же воздвигаютъ треволненіе, не меньше яростное не меньше лютое. Кто для усмиренія сихъ бунтующихъ страстей, раздувающихъ въ сердцахъ нашихъ огнь вражды, междоусобія, искорененія другъ друга; кто посреди сихъ буйствъ и ослѣпленій говоритъ сильному изъ насъ: *наблюдай правду*, слабому: *терпи*, и обоимъ вмѣстѣ: *вотъ завтрешнее жилище ваше, гробъ; за предѣломъ же гроба судія дѣлъ вашихъ, Богъ!* Сей гласъ есть вѣры: гласъ сильный, праведный, миролюбивый, равно поучительный, равно полезный великому и малому, богатому и нищему. Кого послушаетъ человѣкъ, естьли не послушаетъ онаго? Законы наказуютъ уличеннаго преступника, но кто накажетъ тайнаго злодѣя? Законы казнятъ поиманнаго съ ножемъ смертоубійцу, но кто казнитъ не меньше, чѣмъ онъ, жестокосердаго богача, который удѣленіемъ оставшихся отъ тучнаго стола своего крупицъ не хотѣлъ спасти умирающую отъ глада семью? Кто накажетъ въ сердцѣ человѣческомъ лукавство, обманъ, лесть, зависть, злобу, и тысячи гнѣздящихся въ насъ пороковъ? Естьли бы

законы восхотѣли присвоить себѣ право исправлять ихъ наказаніями, они бы, не могши совладѣть съ числомъ виновныхъ, умножили только зло и напослѣдокъ потеряли бы со всѣмъ власть свою и могущество. Когда же бы ничто сихъ пороковъ не обуздывало, тогда бы родилось изъ нихъ столько злодѣйствъ и преступленій, что законы точно также не въ состояніи были бы совладѣть съ ними, какъ съ пороками, и слѣдственно опять лишились бы силы и власти своей. Кто же, какъ не вѣра, кроткимъ и купно страшнымъ гласомъ своимъ способствуетъ существовать законамъ, и что другое можетъ насъ лучше примирять и крѣпче сопрягать другъ съ другомъ и съ отечествомъ?

Но сколько вѣра, сія устроительница внутренняго спокойствія и благихъ нравовъ, дѣлаетъ общежитіе наше въ нѣдрахъ отечества своего пріятнымъ и безопаснымъ, столько же охраняетъ она мирное пребываніе наше отъ внѣшнихъ враговъ. Посмотримъ торжество ея на поляхъ брани. Кто велитъ воину презирать, труды, опасности и самую смерть? Кто посылаетъ его съ оторванною рукою нести въ жертву и другую руку? Взглянемъ послѣ сраженія на ратное поле, посмотримъ съ ужасомъ на сіи многія тысячи людей, лежащихъ безъ ногъ,

безъ рукъ, обезглавленныхъ, растерзанныхъ, умирающихъ и мертвыхъ: кто удержалъ ихъ на поле брани? Кто далъ имъ твердость духа стоять противу огнедышущихъ, смертоносныхъ орудій? Кто, не взирая на страшное побіенныхъ собратій своихъ зрѣлище, посылаетъ другихъ сотоварищей ихъ подвергаться той же самой участи? Честолюбіе. Но въ чемъ состоитъ истинное честолюбіе? Въ любленіи чести, правды, закона, царя, отечества, ближнихъ; въ посвященіи имъ всѣхъ силъ своихъ и жизни, съ твердымъ упованіемъ, не земной отъ людей, но небесной отъ Бога за то награды. Какое другое побужденіе можетъ сравниться съ симъ благороднымъ побужденіемъ? Не ужъ ли страхъ наказанія? Не ужъ ли корыстолюбіе? Но такое низкое помышленіе души уподобило бы непоколебимое мужество человѣка свирѣпству хищныхъ или робости дикихъ звѣрей. Возмемъ сто тысячь воиновъ и представимъ себѣ, что они всѣ до единаго въ высочайшемъ степени честолюбивы: ни одинъ изъ нихъ не оставитъ ратнаго поля, всѣ до послѣдняго лягутъ на мѣстѣ брани. Таковые примѣры неоднократно случались съ храбрыми Россійскими полками, многочисленною непріятельскою силою окруженными. Всякъ изъ сихъ христолюбивыхъ воиновъ перекрестясь становился на

мѣстѣ убитаго подлѣ него товарища, и всѣ сряду, увѣнчанные кровію, не сдѣлавъ шагу назадъ, лежали побитые, однако не побѣжденные. Какъ? Сія твердая грудь, несущаяся за церковь, за царя, за отечество, на острое желѣзо; сія съ текущею изъ ранъ кровію великодушно изливаемая жизнь; сіе великое въ человѣкѣ чувство родится безъ надежды на безсмертіе? Кто повѣритъ сему? Когда сія надежда одушевляла Ѳемистокловъ, Эпаминондовъ, Регуловъ, то мы ли озаренные сіяніемъ вѣры, познавшіе всю истинну и цѣну сего священнаго съ небесъ низпосланнаго гласа, станемъ величіе души созидать на побужденіяхъ презрительныхъ страстей? Человѣкъ не рожденный и не воспитанный въ вѣрѣ можетъ еще быть честолюбивъ и праводушенъ, но тотъ, кто отпадетъ отъ ней, истребитъ ее изъ души своей, въ томъ не останется ничего, кромѣ страсти къ самому себѣ. Его могутъ убить, но самъ онъ ни за кого не умретъ. Вѣра даетъ намъ душевныя силы любить и дѣлать добро, маловѣріе отъемлетъ ихъ, безвѣріе же погружаетъ насъ въ бездну буйствъ и пороковъ, разрушающихъ безопасность, тишину и спокойствіе народное.

Итакъ когда государство или народъ желаетъ благоденствовать, то первое попеченіе его долженствуетъ быть о воспи-

танія юныхъ чадъ своихъ въ страхѣ Господнемъ, въ напоеніи сердецъ ихъ любовію къ вѣрѣ, откуду проистекаетъ любовь къ Государю, къ сему поставленному отъ Бога отцу и главѣ народной; любовь къ отечеству, къ сему тѣлу великому, но не крѣпкому безъ соединенія съ главою своею; и наконецъ любовь къ ближнему, подъ которою разумѣются сперва сограждане, а потомъ и весь родъ человѣческій. Отсюду явствуетъ, что воспитаніе должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранецъ можетъ преподать намъ, когда нужно, нѣкоторыя знанія свои въ наукахъ; но не можетъ вложить въ душу нашу огня народной гордости, огня любви къ отечеству, точно также, какъ я не могу вложить въ него чувствованій моихъ къ моей матери. Онъ научитъ меня Математикѣ, Механикѣ, Физикѣ, но и самый честный изъ нихъ и благонамѣренный не научитъ меня знать землю мою и любить народъ мой; ибо онъ самъ сего не знаетъ, не имѣетъ нужныхъ для меня чувствованій, и не можетъ ихъ имѣть: у него своя мать, свое гнѣздо, свое отечество. Любовь къ оному почерпается не изъ хладныхъ разсужденій, не изъ принужденной благовидности, нѣтъ! Она должна пламенною рѣкою литься изъ души моего учителя въ мою, пылать въ его

лицѣ, сверкать изъ его очей. Откуду иностранецъ возметъ сіи чувствованія? Онъ научитъ меня своему языку, своимъ нравамъ, своимъ обычаямъ, своимъ обрядамъ; воспалитъ во мнѣ любовь къ нимъ; а мнѣ надобно любить свои. Двѣ любови не бываютъ совмѣстны между собою. Онъ покажетъ мнѣ славу своихъ единоземцевъ, а мои погребены будутъ во мракѣ забвенія. Онъ возбудитъ во мнѣ желаніе читать его писателей; пристраститъ меня къ ихъ слогу, выраженіямъ, словамъ; а чрезъ то отвратитъ меня отъ чтенія собственныхъ моихъ книгъ, отъ познанія красотъ языка моего: каждое слово его будетъ мнѣ казаться прелестнымъ, каждое слово мое грубымъ; ибо кто можетъ устоять противъ возбужденной съ малыхъ лѣтъ склонности и привычки? Онъ поведетъ меня по своимъ городамъ, полямъ, путямъ, вертоградамъ; натвердитъ мнѣ о своихъ забавахъ, играхъ, зрѣлищахъ, нарядахъ; распишетъ ихъ въ воображеніи моемъ своими красками; обольститъ, очаруетъ понятіе мое; родитъ во мнѣ благоговѣніе ко всѣмъ мѣлкимъ прелестямъ и къ самымъ порокамъ земли своей. Такимъ образомъ, даже нехотя, вложитъ въ меня все свое, истребитъ во мнѣ все мое, и сближа меня съ своими обычаями и нравами удалитъ отъ моихъ. Я пойду за

нимъ шагъ за шагомъ, и тогда когда бы надлежало мнѣ съ молокомъ матери моей сосать любовь къ моему отечеству, прiобрѣтать съ каждымъ днемъ возраста новую къ нему привязанность, новую силу любви, новую степень удовольствiя принадлежать ему, новый предлогъ гордиться, и восхищаться славою его, новую причину веселиться и радоваться, что я рожденъ въ немъ; тогда сдѣлаетъ онъ, что всѣ сiи священныя чувствованiя умрутъ или охладѣютъ во мнѣ, и я только тѣломъ буду жить у себя, въ родной странѣ моей, а сердцемъ и умомъ не чувствительно и по неволѣ переселюся въ чужую землю. Таковое превращенiе, больше или меньше сильное, произведетъ во мнѣ чужестранное воспитанiе безъ всякой вины воспитателя; ибо онъ невиноватъ, что любитъ землю свою больше моей. Чтожъ естьли положимъ еще въ немъ худые нравы, наклонность къ безвѣрiю, къ своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философiи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалiя, вѣрной измѣны, человѣколюбиваго терзанiя людей, скованной свободы? Тогда для образованiя моей наружности, при малѣйшемъ поползновенiи моемъ къ порокамъ, вложитъ онъ въ меня такую душу, отъ которой Богъ, вѣра, и

добродѣтель отвращаютъ свое зрѣніе. Народное воспитаніе есть весьма важное дѣло, требующее великой прозорливости и предусмотрѣнія. Оно не дѣйствуетъ въ настоящее время, но приготовляетъ щастіе или нещастіе предбудущихъ временъ, и призываетъ на главу нашу или благословеніе или клятву потомковъ. Оно медленно приноситъ плоды, но когда уже созрѣютъ оные, тогда нѣтъ возможности удержать ихъ отъ размноженія: должно будетъ вкусить сладость ихъ или горькость. Для посѣянія чистыхъ сѣмянъ благонравія надлежитъ, чтобъ санъ воспитателя былъ важенъ и почтенъ, не наружными почестями украшенъ, но тѣлесною ловкостію пріятенъ, но добрымъ именемъ и славою долговременно извѣстенъ. Лучше простой человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ и добрыми нравами, нежели ученый съ развращенными мыслями и худымъ сердцемъ; лучше грубоватъ и пасмуренъ лицемъ, нежели статенъ тѣломъ, блестящъ остроуміемъ, но мраченъ душою; ибо гораздо полезнѣе отечеству и всему роду человѣческому судія сострадательный, воинъ храбрый, земледѣлецъ трудолюбивый, нежели легкомысленный вертопрахъ или важный *метафизикъ* разсуждающій о *монадахъ* и дѣлающій воспитанника своего *монадою*.

Должно мнѣ сказать еще нѣчто о при-

родномъ языкѣ всякой державы. Языкъ есть душа народа, зеркало нравовъ, вѣрный показатель просвѣщенія, неумолчный проповѣдникъ дѣлъ. Возвышается народъ, возвышается языкъ; благонравенъ народъ, благонравенъ языкъ. Никогда безбожникъ не можетъ говорить языкомъ Давида: слава небесъ не открывается ползающему въ землѣ червю. Никогда развратный не можетъ говорить языкомъ Соломона: свѣтъ мудрости не озаряетъ утопающаго въ страстяхъ и порокахъ. Писанія зловредныхъ умовъ непроникнутъ никогда въ храмъ славы: даръ краснорѣчія не спасаетъ отъ презрѣнія глаголы злочестивыхъ. Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, тамъ нѣтъ въ языкѣ благочестія. Гдѣ нѣтъ любви къ отечеству, тамъ языкъ не изъявляетъ чувствъ отечественныхъ. Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованій, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина; тамъ въ наглыхъ и невѣжественныхъ писаніяхъ господствуетъ одинъ только развратъ и ложь. Однимъ словомъ языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ. Онъ не можетъ тамъ цвѣсти, гдѣ умъ послушенъ сердцу, а сердце слѣпотѣ и заблужденію. Но гдѣ добродѣтель вкоренена въ душахъ людей, гдѣ всякому любезенъ языкъ правоты и чести, тамъ, не опасаясь стрѣлъ невѣжества и клеветы, ра-

спутъ и зрѣютъ одни только плоды наукъ и трудолюбія. Тогда раждаются и возникаютъ сіи отличные люди, которые силою разцвѣтающаго въ умахъ ихъ краснорѣчія приносятъ во всѣхъ родахъ познаній всеобщую пользу. Тогда воскриляются сіи великіе пѣснопѣвцы, которые въ твореніяхъ своихъ говорятъ языкомъ ироевъ, языкомъ боговъ. Симъ восхищаютъ, воспламеняютъ они воображеніе своихъ читателей; сообщаютъ имъ огонь свой; раждаютъ въ нихъ новый свѣтъ: отсюду храбрая душа воина воспаляется новою любовію къ славѣ; отсюду зодчій почерпаетъ мысль о великолѣпіи храма; отсюду живописецъ учится изображать величество Юпитера и силу Геркулеса; отсюду ваятель и камнесѣчецъ безчувственнымъ истуканамъ своимъ даютъ жизнь и прелесть. Тогда растутъ науки, цвѣтутъ художества, зеленѣютъ искуства, и древо просвѣщенія, пуская корни свои глубоко, возносится вершиною къ небесамъ. Таковы суть пользы языка! Но между тѣмъ какъ онъ созидаетъ славу народную, онъже соединяетъ всѣхъ самыми крѣпкими узами. Опытами доказано, что въ сопряженіи областей не составляютъ онѣ совершеннаго единства тѣла и души, доколѣ языки ихъ различны; и напротивъ того самыя раздѣленныя и отторженныя одна отъ другой

области, имѣющія одинъ языкъ, сохраняютъ въ себѣ нѣкое тайное единодушіе, котораго ни рука власти, ни рука времени, разрушить не могутъ. Кажется природа одарила звуки отечественнаго языка нѣкоторою волшебною прелестію. Человѣкъ по чужимъ землямъ странствующій, когда встрѣтится съ другимъ и услышитъ изъ устъ его природныя свои слова, сердечно обрадуется и прилѣпляется къ нему дружбою. Воинъ, посреди лютой брани, возноситъ кровавый мечъ, дабы обезглавить поверженнаго врага; но когда сей на отечественномъ языкѣ его возопіетъ къ нему о пощадѣ, онъ смягчается, и вознесенную на пораженіе его убійственную руку дружелюбно простираетъ къ нему на подъятіе онаго. Толико гласъ родины сладокъ! Но что я говорю о человѣкѣ? Не видимъ ли мы даже въ звѣряхъ и птицахъ знаковъ любви къ сему гласу? Не бѣгутъ ли, не летятъ ли они на зовъ своихъ товарищей? Въ звукахъ ихъ нѣтъ того великаго разнообразія, какое видимъ въ человѣческихъ языкахъ, однако же всякая изъ сихъ тварей знаетъ звуки своей породы, и къ нимъ однимъ пристрастна. Итакъ природный языкъ есть не только достоинство народа, не только основаніе и причина всѣхъ его знаній, не только провозвѣстникъ дѣлъ его и славы, но купно и нѣкій даръ,

къ которому, хотя бы и не разсуждать о немъ, природа вложила въ насъ тайную любовь; и естьли человѣкъ теряетъ сію любовь, то съ ней теряетъ и привязанность къ отечеству, и совершенно противоборствуетъ разсудку и природѣ.

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ, что *вѣра*, *воспитаніе* и *языкъ* суть самыя сильнѣйшія средства къ возбужденію и вкорененію въ насъ любви къ отечеству, которая ведетъ къ силѣ, твердости, устройству и благополучію. Явствуетъ также, что сія высокая добродѣтель, требующая великости духа, исполненія своихъ обязанностей, непорочности сердца и осторожности отъ искушеній и прелестей, не такъ удобно пріобрѣтается, чтобъ мы при немощахъ и страстяхъ нашихъ легко досязать до ней могли. По сему нужно частыми о ней размышленіями разумъ и душу свою въ томъ подкрѣплять, и для неизгладимаго ея въ сердцахъ нашихъ утвержденія всегда призывать на помощь Того, кто Всемогущею десницею Своею управляетъ міры, и безъ Котораго во всѣхъ нашихъ помыслахъ господствуетъ одинъ только мракъ и тьма.

Обратимся теперь отъ общаго разсужденія къ нашему любезному отечеству, къ Россіи. Сыны и дщери ея всегда во всѣ времена, дышали любовію къ ней. Создатель

и Отецъ народовъ, Богъ, въ посылаемыхъ отъ Него великихъ обладателяхъ нашихъ всегда являлъ и являетъ благодать Свою надъ нами. Возблагодаримъ Его, воззовемъ къ Нему, да глава и тѣло отечества нашего подъ Его Всемощнымъ покровомъ цвѣтутъ и движутся.

Я покусился сказать нѣчто о любви къ отечеству, голосъ мой слабъ; не столько достоинъ вниманія вашего, почтенные посѣтители! сколько бы я того желалъ. О естьли бы искуство пера моего могло сравниться съ жаромъ моего усердія! Тогда услади лъ бы я сердца ваши, горящія къ отечеству любовію, и громомъ словъ моихъ потрясъ бы душу того, въ которомъ (естьли бы таковый случился) сія священная любовь или уснула или воздремала.

ОПЫТЪ
О
РОССІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ
ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ БЕСѢДѢ.

ѲЕОФАНЪ.

Мы не имѣемъ на языкѣ нашемъ писателей далѣе введенія въ Россію православной Христіанской вѣры. Богатство языка свидѣтельствуетъ, что оные долженствовали быть и прежде; но сіе подвержено изслѣдованіямъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто разсуждать. Съ принятія Христіанской вѣры процвѣтало у насъ духовное краснорѣчіе, состоявшее въ переводахъ Священнаго Писанія, житія Святыхъ отецъ и нѣкоторыхъ нравоучительныхъ сочиненій, писанныхъ высокимъ Славенскимъ слогомъ. Сверхъ сего имѣемъ мы древнія лѣтописи и другія подобнаго же рода книги; также на-

родныя сказки, пѣсни и пословицы, въ которыхъ слогъ находимъ простѣе и ближе къ обыкновенному разговору, или устному употребленію языка. Что принадлежитъ до свѣтской словеснос ш, оную узнали мы не прежде, какъ по сближеніи нашемъ съ иностранцами, то есть, со временъ ПЕТРА Великаго. Безъ сомнѣнія и въ сей части могли бы мы гораздо прежде и прямѣе получить свѣденіе отъ Грековъ, съ которыми имѣли толь частыя сообщенія; но по видимому одна духовная словесность обращала на себя вниманіе нашихъ предковъ. Можетъ быть оставленіе идолопоклонства и познаніе истиннаго Бога не позволило углубляться въ такія творенія, въ которыхъ хотя и блисталъ умъ человѣческій, но преисполненный ложными о баснословныхъ богахъ понятіями, не могъ нравиться строгому благочестію. Отсюду упражненіе въ наукахъ и свѣтской словесности началось у насъ гораздо позже, нежели у другихъ Европейскихъ народовъ. Однако сіе не мѣшало духовному краснорѣчію нашему, по причинѣ превосходства Славенскаго языка, далеко надъ ихъ духовными писаніями преимуществовать. Мы намѣрены, сколько можемъ, проходить по порядку извѣстныхъ нашихъ писателей, и выписками изъ оныхъ показать предъ почтенными посѣтителями ихъ

слогъ, ихъ краснорѣчіе, ихъ достоинство; и начинаемъ съ Ѳеофана.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новогородскій, родился въ Кіевѣ въ 1681 году отъ простаго гражданина и нареченъ Елисеемъ, скончался же въ 1736, на 55 году отъ своего рожденія. Онъ обучась Греческому и Латинскому языкамъ, также краснорѣчію и философіи, находился нѣкоторое время въ Володимирѣ обучая юношество Стихотворству и Риторикѣ. Въ сіе время уже столько прославился онъ своими дарованіями, что многіе ученѣйшіе мужи пріѣзжали къ нему для собесѣдованія. Оттолѣ, яко способнѣйшій изъ всѣхъ монаховъ, отправленъ онъ былъ въ Римскую Академію, куда обыкновенно посылались молодые избраннѣйшіе монахи для совершеннѣйшаго изученія Философіи и Богословію. Потомъ изъ Рима, проѣзжая чрезъ Венецію, Германію и Польшу, прибылъ онъ подъ именемъ путешественника, въ Грекопольскій Почаевскій монастырь, гдѣ Игуменомъ того монастыря Исаевичемъ постриженъ въ Греческіе монахи, и нареченъ Самуиломъ. Въ 1704 году, по приглашенію Митрополита Варлаама Ясинскаго, переименовавшись по имени дяди своего Ѳеофаномъ, перешелъ онъ въ Кіевскую Академію въ званіи учителя Стихотворства и при посѣщеніи сего мѣста

ПЕТРОМЪ Великимъ говорилъ ему поздравительную рѣчь. Въ 1711 году Императоръ сей повелѣлъ ему слѣдовать за собою въ Турецкій походъ, и по возвращеніи оттуда пожаловалъ его Игуменомъ въ Кіевопустыно-Николаевской монастырь и Ректоромъ Кіевскихъ училищъ; а въ 1715 году призванъ онъ былъ въ Москву и возведенъ въ достоинство Псковскаго Епископа. Императоръ употреблялъ его во многихъ дѣлахъ и совѣтахъ Государственныхъ. Онъ написалъ предисловіе къ морскому уставу. Трудами его изданъ духовный Регламентъ; послѣ чего названъ онъ Вице-Президентомъ Сѵнода. Наконецъ по смерти ПЕТРА Великаго супругою его ЕКАТЕРИНОЮ Первою возложенъ на него санъ Новогородскаго Архіепископа. Въ 1728 году вѣнчалъ онъ царскимъ вѣнцемъ Императора Петра Втораго, а въ 1730 Императрицу Анну Іоанновну. Около сего времени юный Ломоносовъ по врожденной къ наукамъ склонности, ушелъ отъ отца своего, Городо-Архангельскаго рыбака, и записался въ Иконоспаское училище. Ѳеофанъ, примѣтя въ семъ юношѣ отличную остроту и охоту къ наукамъ, взялъ его подъ свое особое покровительство; но чрезъ шесть лѣтъ потомъ сей знаменитый пастырь церкви отшелъ отъ земнаго житія сего въ небесную обитель.

Онъ оставилъ намъ многія сочиненія стихами и прозою, но большая часть оныхъ небреженіемъ утрачена. Особливо же стихи его почти всѣ безъ изъятія, къ великому сожалѣнію, не дошли до насъ. Напослѣдокъ въ 1760 году нѣкоторыми любителями словесности (да будетъ имъ наградою за то благодарность потомковъ!) собраны и напечатаны проповѣди и рѣчи его, не успѣвшія еще погибнуть. Издатели оныхъ говорятъ о немъ слѣдующее:

„Когда предки наши съ толь великимъ „раченіемъ собирали и свѣту сообщали дѣла „Россійскихъ писателей, то чѣмъ мы предъ „потомками нашими оправдаться можемъ, „ежели въ томъ имъ подражать не будемъ? „Когда они оставили намъ многихъ, впро„чемъ чести своей достойныхъ, но посред„ственныхъ писателей въ печать изданныя „сочиненія, то не безотвѣтны бъ ли мы бы„ли, предавъ забвенію труды Ѳеофана? Ѳе„офана, перваго изъ нашихъ писателей, ко„торый многоразличнымъ ученіемъ столь „себя прославилъ, что въ ученой Исторіи „заслужилъ мѣсто между славнѣйшими По„лиисторами, Ѳеофана краснорѣчіемъ толь „великаго, что нѣкоторые ученѣйшіе люди „почтили его именемъ Россійскаго Злато„уста, и, что всѣхъ больше есть, Ѳеофана „поборника и провозвѣстника великихъ

„трудовъ и преславныхъ дѣлъ обновителя „и просвѣтителя Россіи ПЕТРА Великаго. „Признаетъ то всякъ, естьли только безъ „самолюбія и зависти прочтетъ его слова „и рѣчи. Увидитъ въ немъ Богослова чистое „Евангельское ученіе проповѣдующаго, Фи„лософа остроумнаго и просвѣщенному ра„зуму слѣдующаго, Политика проницатель„наго, искуснаго Историка и трудолюбива„го древностей испытателя, напослѣдокъ „съ знаніемъ всѣхъ тѣхъ наукъ совокупив„шаго толь превосходное краснорѣчіе, что „съ славнѣйшими въ свѣтѣ Ораторами рав„няться можетъ."

Такъ сказано о немъ при изданіи трудовъ его, изъ которыхъ, какъ уже выше объявлено, хотя многіе утрачены; однако же мы и за тѣ благодаримъ, которые собраны и сохранены. Россійская словесность не престанетъ никогда украшаться ими. Славенскій слогъ его, смѣшенный иногда съ простонародными рѣченіями, хотя бы и могъ въ иныхъ мѣстахъ быть равнѣе и чище; но сіи непримѣтныя въ великихъ твореніяхъ мѣлочи, подобно какъ въ Рафаиловой кисти малыя небрежности, не препятствуютъ чувствовать главныя достоинства его, состоящія въ порядкѣ и глубинѣ мыслей, въ плодовитости воображенія, въ приличіи украшеній и въ силѣ языка. Оставшіяся со-

чиненія его можно раздѣлить на три рода: 1-е Надгробныя Слова, то есть, говоренныя имъ при погребеніяхъ знаменитыхъ лицъ. 2-е Похвальныя, поздравительныя или торжественныя рѣчи, на разныя достопамятныя происшествія. 3-е Обыкновенныя проповѣди и поученія. Мы пройдемъ всѣ оныя, сколько краткость бесѣды нашей позволитъ намъ о томъ распространиться.

Первое, говоренное имъ на погребеніе слово, было благодѣтелю своему и величайшему изъ вѣнценосныхъ главъ Владыкѣ, ПЕТРУ Великому. Представимъ себѣ состояніе Россіи, когда вѣсть о смерти сего, толь славно царствовавшаго надъ нею Отца отечества, поразила ее удивленіемъ, печалію и ужасомъ! Представимъ уныніе стекшагося во храмъ народа, гдѣ весь Царскій Домъ, Князи, Вельможи, Градоначальники, Полководцы, въ черномъ одѣяніи, мрачны духомъ, съ поникшими главами, стояли во кругъ одра, на которомъ лежало (плачевное зрѣлище!) тѣло Царя, безсмертными дѣлами своими весь свѣтъ удивившаго! Представимъ Ѳеофана въ печальномъ облаченіи изшедшаго изъ среды Первосвященниковъ, и тако рѣчь свою начинающаго: ,,что се есть? до ,,чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ? ,,что дѣлаемъ? ПЕТРА Великаго погребаемъ!" По изреченіи сихъ словъ горесть пресѣкла

гласъ его, и онъ облился слезами. Представимъ же каковъ былъ стонъ и рыданіе тогда, когда и нынѣ, воспоминая о томъ, едва можемъ мы удержаться отъ слезъ? На долгіи часъ царствовалъ во храмѣ одинъ всеобщіи вопль и стенаніе. Напослѣдокъ, по нѣкоемъ облегченіи удрученнаго сердца пролитіемъ горькихъ слезъ, краснорѣчивый проповѣдникъ сей, исчисля кратко дѣла сего Монарха, и сказавъ, что настоящая печаль и жалость, понуждающая только сѣтовать и проливать слезы, не допускаетъ его простирать о семъ рѣчь: „Негли (продолжаетъ „онъ) со временемъ нѣчто притупится „тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда „пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтеляхъ „его побесѣдуемъ. Хотя и никогда довольно „и по достоинству его возглаголати не можемъ: а и нынѣ кратко воспоминающе, и „аки бы токмо воскрилій ризъ его касающеся, видимъ слышателіе, видимъ бѣдніи „мы и нещастливіи, кто насъ оставилъ и „кого мы лишилися.“ Наконецъ, дабы пролить въ отчаянныя сердца нѣчто утѣшительное, говоритъ онъ: „не весьма же, Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жалости, „не весьма бо и оставилъ насъ сей великій „Монархъ и Отецъ нашъ; оставилъ насъ, „но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богат„ство силы и славы его, которое вышеиме-

,,нованными его дѣлами означилося, при насъ ,,есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, ,,такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ люби-,,мою, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ ,,страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ ,,на весь міръ славную, славная и быти не ,,престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гра-,,жданская и воинская исправленія. Убо о-,,ставляя насъ разрушеніемъ тѣла, духъ ,,свой оставилъ намъ.“ Такимъ образомъ Ѳеофанъ вездѣ въ теченіи слова своего показываетъ искуство краснорѣчія. Начинаетъ оплакивать ПЕТРА высокимъ, поразительнымъ, пронзающимъ душу изреченіемъ; исчисляетъ дѣла его, и увеличиваетъ воображеніе слушателя справедливою оговоркою, что настоящая горесть, понуждающая только лить слезы, не допускаетъ его распространяться о томъ; утѣшаетъ, и въ утѣшеніи тѣже дѣла его, и тужъ похвалу представляетъ такъ, что кажется прерывая, продолжаетъ, и отрицаясь сказывать, сказываетъ.

Въ словѣ своемъ, говоренномъ въ 1727 году, на погребеніе Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Первой, супруги ПЕТРА Великаго, между прочими исчисленіями дѣлъ ея и добродѣтелей говоритъ онъ объ ней: ,,живу-,,щу и царствующу ПЕТРУ, во всякихъ ва-,,жныхъ дѣлахъ и случаяхъ здравыми услу-

„жила совѣтами, высокую порфирородную „фамилію, хотя и многоличную, и въ люб„леніи Государя, и въ Государевой къ нимъ „милости, и во взаимномъ между собою со„гласіи такъ утверждати тщалася, что „хотя инымъ невѣстка, инымъ тетка, „инымъ бабка была, однакожъ вси ю матерь „свою нарицали, не тако за превосходную „честь, яко за благоутробное, и во правду „матернее къ себѣ призрѣніе. И кто въ „гражданской Философіи не весьма гость, „знаетъ всякъ и исповѣсть, коликое зиж„дется всему государству благосостояніе „отъ таковаго въ Царскихъ домѣхъ добраго „строенія.“ Потомъ представляя, какъ она всегда и вездѣ сопутствовала и раздѣляла труды и попеченія съ ПЕТРОМЪ Великимъ, продолжаетъ: „И симъ дивнымъ и необыч„нымъ трудолюбіемъ своимъ, больше къ под„вигомъ возбуждала воинство Россійское, „нежели возбудити могла бы кто вѣтій„скими проповѣдьми и увѣщаніи. Кто бо „моглъ унывати въ путныхъ безгодіяхъ, „кто бы не устыдился робѣти въ боевыхъ „бѣдствіяхъ, когда видѣлъ жену, а жену „всякаго благоугодія достойную, великую „Государыню свою также безгодія носящую, „тѣхъ же бѣдствій участницу?“ Наконецъ изображая, каковою долженствовала она быть поражена печалію и уныніемъ, когда

по смерти супруга своего приняла престолъ Россійскій, говоритъ: „Безприкладное по„далъ Ей Богъ щастіе въ ПЕТРѢ Великомъ, „безприкладную же возъимѣла и горесть во „отшествіи Его; паче всякихъ надеждъ и „чаяній сподобилась воспріята быти въ су„пружество отъ столь славнаго Монарха, „имѣла за добродѣтели своя чрезъ толь „долгое время непремѣнную любовь Его, „произнесла отъ крове Его благословенные „плоды чрева своего, таже и въ наслѣдіе „престола царскій вѣнецъ отъ него полу„чила. Когда убо толико любимый супругъ, „и толикій Ея любитель Государь незапнѣ „въ вѣчная отлучился, кто изрещи можетъ, „коликимъ утробу Ея изранилъ сердоболі„емъ? А отъ сего не трудно познати, ко„ликое Ея и великодушіе, и къ Россійскому „отечеству усердіе. Толикою бо пораженна „скорбію, не токмо не забыла высокаго дол„женства своего, но и чудное во всемъ по„казала тщаніе: смотрѣти и строити пол„ки, исправляти правительства, раздавати „чины и чести, посылати воинскія экспе„диціи, сопрягатися въ союзничество съ „другими потентатами, на голосъ страш„ной войны быти въ храброй готовности: „сія и симъ подобная дѣла исполняти, кто „не исповѣсть, что выше женскія силы есть, „и въ самое безпечальное время? а ЕКАТЕ-

„РИНА во дни воздыханія и стенанія сво-
„его все то исполняла, и тако исполнила,
„что многая отъ ПЕТРА намѣренная про-
„извела въ дѣло, многая начатая совершила:
„и не познало Россійское оружіе руки жен-
„скія, и не ощутило море ПЕТРОВОЙ
„смерти.“

Рѣчь свою на погребеніе Великой Княжны Наталіи Алексѣевны, скончавшейся въ началѣ 1729 года, начинаетъ онъ сими словами:

„По многопечальномъ тебѣ, о Россіе!
„ПЕТРА Великаго во вѣчная отшествіи,
„пресвѣтлѣйшее его наслѣдіе, ово часто
„отираетъ слезы твоя, ово же и паки воз-
„обновляетъ лютую скорбь. Не осиротѣв-
„шій кончиною его престолъ, потомъ но-
„вымъ солнцемъ державнѣйшимъ Монархомъ
„Петромъ Вторымъ возсіявшій, при семъ же
„отъ губительнаго навѣта избавленный, и
„домъ возвращеніемъ Великія Государыни
„обрадованный, и приращеніемъ въ чужихъ
„странахъ Царской своей крови увеселен-
„ный, коль великое возъимѣлъ утѣхъ и тор-
„жествъ своихъ богатство! Но оскорбляю-
„щему и утѣшающему Богу по неисповѣди-
„мымъ судьбамъ его изволися, дабы свѣто-
„зарные дни наша не были доселѣ весьма
„чисты отъ облакъ скорбей и печалей.
„Порфироносное ПЕТРОВО потомство, аки

„бы и въ семъ слѣдъ его возлюбивше, не въ
„единомъ лицѣ отходя съ высшимъ въ сѣ-
„товании оставляетъ насъ. Коликое же сѣ-
„тованіе ты наипаче навела на домъ и на
„все отечествіе твое, горѣ отъ насъ вос-
„хищенная, о Великая Государыня! Всякъ
„въ послѣднемъ семъ творимомъ тебѣ по-
„служеніи, аще и видитъ толь славное и
„по достоянію высокой особы твоей устро-
„енное велелѣпіе; однакожъ помышляя, кого
„проводимъ ко гробу, всю славу сію мнит-
„ся видѣти темную и мрачную, и сухими
„очми смотрѣти на сіе не можемъ. Чтоже
„речемъ о твоей главѣ, о Богомъ вѣнчанная
„главо наша, Петре Вторый? Что речемъ
„о утробѣ твоей, Великая Государыня, Ца-
„рица Евдокія Ѳеодоровна? Что о сердцахъ
„вашихъ речемъ, Великія Государыни Цеса-
„ревна и Царевны? Коликихъ вы и коль
„славныхъ плодовъ отъ сего державныя фа-
„миліи Вашея члена ожидали: взаимной отъ
„лицезрѣнія и собесѣдованія съ нею утѣхи,
„въ печальномъ приключеніи отрады, въ
„сомнительныхъ случаяхъ совѣтованія, въ
„благополучныхъ поведеніяхъ сорадованія, въ
„возрастающей славѣ вашей соторжествова-
„нія, еще же какъ Монаршія крови, такъ по-
„тому жъ и Монархіи сея силы и крѣпости
„умноженія, и другихъ Божіихъ на васъ бла-
„гословеній изобилія. Но о лютѣ! оныхъ

„ожиданныхъ плодовъ се увяде цвѣтъ, пре-
„сѣчена надежда, изсякли чаянія. Кто же
„изрещи можетъ горесть вашу? Кій языкъ
„исповѣстъ сердоболіе ваше? Которое слово
„изобразитъ остроту тернія утробы ваша
„пронзающаго? О, воистинну лучше болѣзнь
„толикую молчаніемъ, нежели велерѣчіемъ
„проповѣдати!“

По изображеніи толь сильнымъ и краснорѣчивымъ образомъ печали, какую домъ Царскій и вся Россія о потерѣ сей великой отрасли Монарховъ чувствуютъ, обращается онъ къ обыкновенному Христіанскому утѣшенію, сравнивая суетное и кратковременное на землѣ пребываніе съ тою не старѣющеюся на небесахъ жизнію, которая днями, мѣсяцами и лѣтами не мѣряется; исчисляетъ добродѣтели усопшей Царевны, по которымъ почитаетъ ее достойною сего блаженства, и говоритъ:

„Сія помышляющу мнѣ, о печальные
„слышателіе! приходитъ на мысль оное сло-
„во Господне о умершей дѣвицѣ: *не умре дѣ-*
„*вица, но спитъ*. Како бо и сея дѣвицы
„смерть наречемъ смертію! Не паче ли из-
„бѣжаніемъ отъ различныхъ суетъ, отъ ча-
„янныхъ и незапныхъ печалей, отъ желаній
„и высокія лица надеждою прельщающихъ;
„не паче ли кончину ея наречемъ сномъ хо-
„тя и скорымъ, но благовременнымъ, кото-

,,рый не мечтаньми нѣкими душу ея обма-
,,нываетъ, но прямымъ жениха своего Хри-
,,ста лицезрѣніемъ увеселяетъ. Еще же и
,,то приходитъ на мысль мнѣ, что церковь
,,поетъ въ воспоминаніе плѣненнаго Іосифа
,,прекраснаго: *Іаковъ*, рече, *рыдаше Іосифова*
,,*лишенія, доблій же сѣдяше на колесницѣ*,
,,*яко Царь почитаемь*. Тако воистинну и
,,нынѣ мы плачемся о отшествіи отъ насъ
,,Наталіи; добляя же Наталія не во Египтѣ,
,,тѣ, но въ раю, не Фараону, но Царю цар-
,,ствующихъ и Господу господствующихъ
,,въ животѣ неразрушаемомъ и неотъемле-
,,мой радости соцарствуетъ."

Сверхъ сихъ говорилъ онъ еще другія слова на погребеніе знаменитыхъ лицъ. Во всѣхъ оныхъ находимъ сильный слогъ, убѣдительное нравоученіе и плѣняющее краснорѣчіе. Но обратимся къ торжественнымъ и поздравительнымъ или привѣтственнымъ его словамъ. Первую изъ таковыхъ рѣчей произнесъ онъ въ церквѣ Святыя Софіи, при посѣщеніи, какъ мы уже сказали, Петромъ Великимъ Кіевскаго училища. Съ какимъ восторгомъ начинаетъ онъ сіе слово! благодари (говоритъ Кіеву) радостной вѣсти, которая тебя не обманула: ,,Се обѣщаніе
,,ея исполнися. Се очима зриши, егоже
,,умомъ токмо разсматрѣвалъ еси. Се ло-
,,номъ объемлеши, егоже въ сердцѣ носилъ

„еси.“ Потомъ, уподобя Кіевъ Іерусалиму, и приведя изъ Давида сказанный на приходъ самаго Царя славы стихъ: *Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ.* продолжаетъ: „наше „се есть пѣніе, намъ нынѣ свойственное: „да гласится сіе во вратѣхъ градскихъ; да „слышано будетъ по стѣнамъ, по домамъ, „по стогнамъ; да поютъ сіе церкви; да „издадутъ гласъ сей горы: наипаче же да „воспѣваетъ сія престольная Церковь пре„мудрости Божія. Яко же бо, когда радует„ся человѣкъ, и очи, и уста, и руцѣ, и но„зѣ, и вси прочіе члены являютъ на себѣ „нѣкое веселіе, однако наибольшее движеніе „радости въ сердцѣ обитаетъ: тако аще „и весь градъ сей исполняетъ нынѣшняя „радость, однако же на семъ мѣстѣ, аки „въ сердцѣ градскомъ множае изобилуетъ. „Здѣсь убо пріими отъ всѣхъ торжествен„ное привѣтствіе желаемый гостю, вина „веселія нашего, всей Россіи Царю и пове„лителю.“ Послѣ сего съ толикимъ достоинствомъ сказаннаго толь Великому Государю привѣтствія, описываетъ онъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали его градъ и церковь Кіевская! Какъ желали увидѣть того, котораго преславный родъ долго на семъ мѣстѣ сидѣлъ на престолѣ, котораго праотцы здѣсь погребены и чудотворными дѣяніями сіяютъ? Потомъ, какъ бы не до-

вольствуясь прекраснѣйшимъ описаніемъ толь радостнаго ожиданія, отъ одной красоты мыслей обращается къ другой, и прерывая самого себя, съ удивительною силою говоритъ: „Правда то, яко ты, пресвѣтлый „Монархо нашъ, и прежде пришествія „твоего присутствовалъ еси здѣсь, и всегда „обитаеши: обитаеши на судѣхъ правдою, „обитаеши въ церквахъ поминаніемъ твоимъ, „обитаеши въ монастырѣхъ твоими мило„стинами, обитаеши во всемъ градѣ держа„вою, обитаеши во всѣхъ мысляхъ славою, „во всѣхъ сердцахъ любовію.“ Сей прекрасный оборотъ мыслей сдѣлалъ онъ для того, дабы возвратясь опять къ прежнему предложенію своему, сказать, что сіе мысленное обитаніе и присутствіе возраждало еще бóльшее въ нихъ желаніе увидѣть его и тѣлесными очами, увидѣть и возрадоваться. „Какая (продолжаетъ онъ) по толикой „жаждѣ сладость, когда мы того, котораго „такъ долго ожидали, искали, напослѣдокъ „радостно обрѣтаемъ, видимъ, привѣт„ствуемъ!“

Казалось бы довольно уже возвеличилъ онъ ПЕТРА, довольно присутствіе его изобразилъ вожделѣннымъ; но нѣтъ! обширное воображеніе его придумало еще соединить въ лицѣ сего Монарха всѣхъ его предковъ и всѣ дѣла ихъ, дабы самыя тѣ мѣста, кото-

рыя удостоилъ онъ своимъ посѣщеніемъ, придали особѣ его новое священство, новый блескъ и сіяніе. Онъ говоритъ ему:

,,Въ Тебѣ отчичѣ и наслѣдникѣ мнится ,,намъ видѣти вся владычествованія; въ Те- ,,бѣ отцы и праотцы твои. Колико градъ ,,сей радуется, хваляся предъ тобою ихъ ,,памятьми, гробами и зданіями, то есть ,,своимъ и твоимъ сокровищемъ, которое ,,аки общее съ тобою имѣетъ Россія. Во- ,,истину, пресвѣтлый нашъ Монархо, горы ,,сія аще бы глаголати возмогли, похвалили- ,,ся бы предъ тобою древними вашими бла- ,,гочестія знаменіями. Гдѣ бо здѣсь и сту- ,,пити можеши, идеже бы не узрѣлъ еси ,,родства твоего слѣдовъ! Мимо шелъ еси ,,церковь Богородичну, десятинною прозы- ,,ваемую: то зданіе есть благочестиваго и ,,великаго Князя родоначальника твоего Вла- ,,димира и Святаго тѣлесе его сокровище. — ,,Храмъ сей, въ немъ же стоиши, отъ Яро- ,,слава созданный есть, и его тѣло погре- ,,бенное въ себѣ сокрываетъ. Пойдеши ли ,,въ обитель, во Святую и чудотворную ,,Лавру Печерскую? Ту создалъ Великій ,,Князь Святославъ. Пойдеши ли въ мона- ,,стырь Выдубицкій? Той воздвигнулъ Вели- ,,кій Князь Всеволодъ. Пойдеши ли въ цер- ,,ковь Святаго Михаила Архангела? Ту воз- ,,двигъ Святополкъ, и неоцѣненнымъ сокро-

„вищемъ, тѣломъ мученическимъ обогатилъ.
„Пойдеши ли въ домъ Троицкій Кириловскій? То зданіе Княжны Кіевской Королевы Польской, Маріи Всеволодовны. Пойдеши ли на Вышградъ? Тутъ Борисъ и Глѣбъ почиваютъ. Пойдеши ли во обитель Межигорскую? тутъ иждивеніе Великаго Князя Боголюбскаго. Что подробну исчисляти дерзаю? Воззри на вся страны Кіевскія: все то есть Царскаго рода твоего и преславныхъ его памятниковъ аки единая сосудовъ хранительница. Но не память только и не самую кровь видитъ въ тебѣ Кіевъ помянутыхъ отецъ твоихъ; видитъ и познаваетъ въ тебѣ добродѣтели ихъ, и нравы, и обычаи. Видитъ побѣды и ревность Владимирову. Той многіи народы мечемъ плѣнилъ, и Россію Евангеліемъ просвѣтилъ: ты многіи грады отеческіи отъ ига Оттоманскаго и отъ узъ Еретическихъ мечемъ освободилъ еси. Видитъ любомудріе Ярославово. Той писанія Божественная и иныя многія книги отъ языку Еллинскаго на Славенскій преведе: ты Академію въ царственномъ твоемъ градѣ воздвиглъ еси, и вездѣ людьми учительными разширяти мудрость не престаеши. Видитъ въ тебѣ градъ нашъ Святославово благочестіе. Той основаніе церкви Печерской рукама своима не устыдился

„копати: ктожъ своима очима и тебѣ въ „подобныхъ дѣлѣхъ не токмо безсрамно и „съ радостію трудившагося не видѣ? Видипъ и иныхъ праотецъ многихъ, ихъ же „не токмо кровію наслѣдникъ еси, но и люб„леніемъ вѣры истинныя и благолѣпія цер„ковнаго, аки не иныя, но тѣ же добродѣ„тели въ тебѣ оживилъ еси. Когда же вос„помянемъ любовное ваше и согласное цар„ствованіе блаженныя памяти со Іоанномъ „братомъ твоимъ, не видимъ ли въ тебѣ „братолюбія Святыхъ страстотерпцевъ „Романа и Давида? Се есть истинное на„слѣдіе, тако доброму родству уподоблятися, „яко видимъ во древесѣхъ и цвѣтѣхъ „избранныхъ, которые не токмо видомъ „послѣдуютъ роду своему, но доброплодіемъ; не токмо лицемъ, но и благолѣпіемъ „подобны суть.“ Напослѣдокъ, по исчисленіи многихъ дѣлъ Петровыхъ, коими вознесъ онъ высоко славу свою и благоденствіе Россіи, въ заключеніе слова своего, обращаясь къ сему великому слушателю, говоритъ онъ: „но что тебѣ принесемъ въ „даръ толикихъ радостей виновный гостю, „пресвѣтлый нашъ Монархо? Принесемъ „все то, еже твое есть. Приносимъ тебѣ, „богоспасаемый сей отеческій градъ твой „и церковь, всѣхъ сердца къ любленію, „всѣхъ главы къ подчиненію, всѣхъ колѣна

„къ поклоненію, всѣхъ очеса, руцѣ и нозѣ, „къ потребѣ и службѣ твоей. . . . Пріими „твоя отъ твоихъ. . . . . Церковь Кіевская „не престанетъ о тебѣ возсылать моленія: „да яко новаго сего Сіона посѣтити не пре„зрѣлъ еси, тако да благословитъ тя Го„сподь отъ Сіона, да сотворитъ любима и „пріятна всему отечеству и людемъ тво„имъ, страшна и неприступна врагомъ тво„имъ, и на долгая времена въ житіи семъ „побѣждающа и торжествующа да сохра„нитъ.“

Второе слово его было на Полтавскую побѣду. Онъ начинаетъ рѣчь свою привѣтствіемъ ПЕТРУ Великому, яко побѣдителю. Говоритъ, что хотя толь знаменитое происшествіе не требуетъ похвальныхъ словъ: ибо само собою по всему свѣту гремитъ, и столько имѣетъ проповѣдниковъ, сколько людей, вѣсть сію услышавшихъ; однако (продолжаетъ) не должно намъ, охраняемымъ оружіемъ твоимъ, пребывать въ безмолвіи, когда всѣ и чужеземные роды и страны велегласно о томъ вопіютъ. Что возбуждаемый толь неизреченною свыше дарованною радостію, хотя не можетъ онъ удержаться отъ прославленія сихъ его и воинства его великихъ подвиговъ; но чувствуетъ, что ежели бы имѣлъ онъ и тысячу устенъ и гортаней, то и тогда ни единая изъ нихъ

не могла бы остаться праздною. Что когда Риторы приступают къ похвалѣ чего нибудь, и хотятъ въ слушателяхъ произвесть удивленіе, то обыкновенно притворяются и говорятъ, будто возвѣщаемое ими превосходитъ всякую похвалу, и что не можно къ изображенію того найти достаточныхъ словъ; но я (продолжаетъ онъ) не имѣю нужды въ семъ притворствѣ; ибо о сей предивной побѣдѣ всякъ, хотя бы и завистникъ намъ, засвидѣтельствуетъ, что оная есть дѣло во истинну неслыханное, дѣло преславное, котораго никакой языкъ, никакая быстрота витійственная изрещи не можетъ. Послѣ сего краснорѣчиваго приступа начинаетъ онъ превозносить силы и храбрость противника Петрова, Карла, о которомъ говоритъ, что дѣйствительно непріятель сей былъ таковъ, что быть отъ него не побѣжденну токмо, была бы уже великая слава, но что же побѣдить его, и побѣдить такъ преславно и такъ совершенно? Карлъ сей (продолжаетъ онъ) возгордясь могуществомъ своимъ и тѣмъ, что отъ многихъ другихъ народовъ почитался сильнымъ и славнымъ, возмнилъ презирать крѣпкія о Господѣ силы Россійскія. Здѣсь приличнымъ и величавымъ образомъ, описывая пространныя предѣлы Россіи, говоритъ онъ:

„Не безсиліемъ бо православное сіе цар-
„ство толико разширися, яко вся западная
„государства противу величествія его суть,
„аки рѣки противу безмѣрнаго Океана, и
„уже прилично о немъ рещи оное Псалом-
„ское слово: *простре розги его до моря, и*
„*даже до рѣкъ отрасли его.* Не безсиліемъ
„дивія народы, Казанскія, Астраханскія и
„Сибирскія царства, и иныя на Востокъ и
„Западъ, на полдень и сѣверъ лежащія мно-
„гочисленныя грады и страны укроти, и
„державѣ своей подверже. Обыди кто, или
„паче облети умомъ, начавъ отъ рѣки на-
„шей Днѣпра до бреговъ Евксиновыхъ на
„полудне, оттуду на Востокъ до моря Ка-
„спійскаго или Хвалынскаго, даже до пре-
„дѣлъ царства Персидскаго, и оттуду до
„далечайшихъ предѣловъ едва слухомъ къ
„намъ заходящаго царства Китаехинскаго,
„и оттуду на глубокую полунощь до земли
„Новой, и до бреговъ моря Ледовитаго, и
„оттуду на Западъ до моря Балтійскаго,
„доколѣ паки долгимъ земнымъ и воднымъ
„протяженіемъ пріидеши къ помянутому
„Днѣпру; сія бо суть предѣлы Монарха
„нашего!“

Послѣ сего удивляется онъ, какъ не-
пріятель могъ таковую державу презирать;
но еще болѣе удивляется тому, что и са-
мыя многократныя надъ нимъ побѣды гор-

дости его не уменьшали. Здѣсь находитъ случай упомянуть о всѣхъ сихъ побѣдахъ, отдавая справедливую похвалу войскамъ и предводителямъ оныхъ. Потомъ продолжаетъ, что хотя событіе показало, что сія гордость непріятеля нашего была нѣкое ослѣпленіе, послужившее ему къ совершенной пагубѣ; однакожъ она придавала ему великую смѣлость, и что по справедливости не льзя отрицать того, чтобъ онъ не былъ весьма силенъ и храбръ; сверхъ того знатнымъ богатствомъ въ Литвѣ, Польшѣ, Саксоніи, Силезіи, Курляндіи собраннымъ, силы и способы свои чрезвычайно умножилъ; при томъ же хитростію и соблазнами успѣлъ многихъ людей ввесть въ заблужденіе и даже цѣлые города наши развратить; да и въ самой повѣренной отъ ПЕТРА Великаго особѣ Малороссійскомъ Гетманѣ Мазепѣ нашелъ предателя, открывшаго ему свободный путь въ нѣдра Россіи. Напоминаніе о сей измѣнѣ доставляетъ ему случай обратиться къ ПЕТРУ Великому и сказать:

„Кто благоразсудный и православіе на-
„ше любящій не поболѣлъ о семъ? Что же
„рещи о твоемъ сердцѣ, пресвѣтлѣйшій
„нашъ Монархо, егда пріялъ вѣсть о неча-
„янномъ семъ проклятаго и неблагодарнаго
„раба отступствѣ? Вѣмы, яко сердце твое
„не колеблется страхомъ, не унываетъ

„въ злоключеніи, не боится военныхъ гро-
„мовъ: видимъ бо тя нашихъ ради угодій
„вся угодія отвергшаго, варъ и зной снося-
„щаго, многія и далекія пути подъемлющаго,
„и что не дѣлающаго, кіихъ трудовъ отри-
„цающагося? О дабы тако вѣрно и трудо-
„любно служили тебѣ Царю слуги и под-
„данные твои, яко же ты Царь сый слу-
„гамъ и подданнымъ твоимъ служиши! Крѣп
„ко убо и не движимо есть сердце твое,
„однако неуязвляемо сущи ни коимъ же бѣд-
„ствіемъ, люте, мню, уязвися неслыханнымъ
„симъ воспитаннаго и вознесеннаго тобою
„безсовѣстнаго раба неблагодарствіемъ: сія
„тебѣ въ брани сей, не иная нанесеся язва.
„Свирѣпая во истинну и лютая болѣзнь
„есть, аще кто, забывъ благодѣянія, ярымъ
„токмо на благодѣтеля окомъ воззритъ,
„чтожъ, аще ругатися, аще начнетъ на-
„ступати? Кто же сіе проклятаго сего из-
„мѣнника неблагодарствіе изрещи возмо-
„жетъ? За толикую любовь Монарха сво-
„его, какой весь міръ удивлялся, толикую
„беззаконный показалъ вражду, какой так-
„же весь міръ удивился. О кого сіе изсту-
„пленіемъ не помрачитъ! Псы не угрызаютъ
„господъ своихъ, звѣри свирѣпые питате-
„лей своихъ не вредятъ: лютѣйшій же всѣхъ
„звѣрей рабъ, пожелалъ угрысти руку, ею
„же на толь высокое достоинство возне-

,,сенъ и на томъ крѣпко державимъ былъ.
,,Дерзнулъ наступити на царство того,
,,отъ него же пріялъ область нѣкіимъ цар-
,,ствамъ равную. Не устрашился Хамова
,,безстудія, не убоялся Іудина беззаконія,
,,не воструепеталъ Аріева клятвопреступле-
,,нія, не помыслилъ о священнѣйшей и не-
,,вредимой чести Христа Господня. Студъ
,,и вредъ отечества нашего: лжетъ бо, сы-
,,номъ себя Россійскимъ нарицая, врагъ сей
,,и Ляхолюбецъ! Хранися таковыхъ, о Рос-
,,сіе, и отвергай отъ лона твоего; аще ли
,,ни, неостатную уже претерпѣла бѣду:
,,имаши всегда носити змія въ нѣдрахъ тво-
,,ихъ, и приличествуетъ тебѣ гласъ Божій
,,Іезекилю нѣкогда изреченный: *посредѣ*
,,*скорбій живеши ты*. Таковыя убо скорби и
,,смущенія, таковыя мятежи внутреннія
,,со внутрь сущимъ супостатомъ связав-
,,шіяся, кто исповѣсть, коликія труды и
,,неудобства приложиша ко брани сей? На-
,,ипаче егда плевельными измѣнничими по-
,,сланіями начаша смущатися нѣкіи грады,
,,и прейдоша на страну супостатскую мно-
,,гочисленніи Запорожцы, и проявишася по
,,многимъ мѣстамъ междоусобныя мятежи
,,и нашествія, и ожидаху отъ Польши, и
,,зваху отъ Орды силъ помощныхъ: на коль
,,многія здѣсь и различныя части нужно
,,было раздѣляти воинство Россійское,

„ставити по крѣпостямъ градскимъ, посы-
„лати по всѣмъ предѣламъ царствія, посы-
„лати на укрощеніе мятежныхъ градовъ,
„на взысканіе бунтовщиковъ и грабителей
„и убійцовъ, и внизъ Днѣпра до сѣчи, и въ
„предѣлы Польскіе на отраженіе спѣшащаго
„на помощь супостату нашему втораго су-
„постата незаконнаго Короля Польскаго.
„Умъ во истинну смущается, помышляя
„толикая неудобства: однако всѣмъ симъ
„и инымъ труднымъ дѣламъ и нуждамъ со-
„вершенно удовлетворилъ еси премудрымъ
„твоимъ промысломъ и силою мужествен-
„наго твоего воинства, пресвѣтлѣйшій Мо-
„нархо; и отсюду да познаютъ народы
„многомощную силу державы Россійскія: не
„много бо Государствъ обрящеши, яже бы
„возмогли толикая неудобства купно поне-
„сти и испразднити.“

Теперь можемъ мы видѣть съ какимъ искуствомъ Ѳеофанъ приготовилъ слушателя, дабы дать почувствовать ему всю важность и славу Полтавской побѣды, которую уподобляетъ онъ второй Пунической брани, и о которой говоритъ, что предъ нею всѣ прочія битвы могутъ почесться миромъ и тишиною. Въ какихъ щастливыхъ обстоятельствахъ представилъ онъ Карла, и въ какихъ затрудненіяхъ Петра! Доведя такимъ образомъ слово свое до сего по истинѣ

удивительнаго сраженія, бросаетъ онъ убѣдительное краснорѣчіе свое, и взявъ Гомерову трубу возглашаетъ:

„Довольно было бы къ совершенной сла-
„вѣ твоей, когда бы ты толь сильнаго вра-
„га только съ поля согналъ. Но что видѣло
„нынѣ поле Полтавское? о поле благополуч-
„ное! о поле достойное побѣдительными
„знаменіями и торжественнымъ нѣкіимъ
„зданіемъ украшено быти, на вѣчную па-
„мять толь преславной побѣды! Что ви-
„дѣло ты? какое зрѣлище на себѣ показало?
„Ужасно было видѣти возмущенный и не-
„бесъ досязающій отъ праха и дыма воен-
„наго облакъ! но еще ужаснѣе зрѣти без-
„численныя повсюду летающія блистанія,
„и слышати непрестанныя страшныя гро-
„мы! Казалось не на земли, но на небесахъ
„творится брань, и не оружіемъ, но мол-
„ніями поражаютъ себя противные полки.
„Въ таковой тьмѣ и куренія ясно на весь
„міръ блеснула слава Россійскихъ воиновъ,
„и посредѣ толикихъ бурныхъ волнъ не по-
„колебалося мужественное твое, Великій
„Монархъ, и воинства твоего сердце. Когда
„отъ нестерпимаго громогласія стенала
„земля, когда окрестныя страны страхомъ
„двигалися, когда шумѣли лѣса прогоняе-
„мымъ отъ огня и грома воздухомъ, когда
„на громкія воинскія рыканія страшнымъ

„рыканіемъ отвѣчали горы, и смѣшенный
„съ прахомъ дымъ закрылъ лице солнца,
„такъ что одни токмо оружные огни изда-
„вали свѣтъ: тогда не подвиглись храбрость
„и мужество твоего воинства; не испусти-
„ло оно ни вопля ни гласа; внимало всѣхъ
„вождей своихъ повелѣніямъ и мановеніямъ;
„не преступило ни малой черты ратнаго
„чина и закона; видѣло сопротивъ безчи-
„сленныя идущія на себя смерти, не от-
„вратило очей, не отступило вспять, но
„паче устремилось, и смерть смертонос-
„ному нанесло супостату. Видѣло себя сре-
„ди такого огня, на который издалека зря-
„щихъ оледенѣваютъ сердца; однако еще
„сильнѣйшею воспламенилося ревностію по
„Богѣ и Царѣ, по вѣрѣ и вѣрности, по цер-
„кви и отечествѣ; ревностію, воспалившею
„въ немъ толикую дерзость, какой не чаялъ
„увидѣть гордый врагъ, и не надѣялся услы-
„шать весь міръ."

По описаніи такимъ образомъ сей же-
стокой брани обращается къ ПЕТРУ Вели-
кому и говоритъ:

„Что же речемъ о собственной твоей
„храбрости, Великій Великихъ мужей вожде
„и великихъ супостатовъ побѣдителю, Все-
„россійскій Монархо? Егда не слово токмо
„твое и повелѣніе въ полки твоя на брань
„препоясавшіяся посылалъ еси (еже единое

,,по царственному чину довлѣяше), но со-
,,вершая царственное, купно совершилъ еси
,,и воинское дѣло, самъ высокимъ лицемъ
,,твоимъ въ лице супостату противосталъ
,,еси; самъ на первыя мечи, и копія, и огнь
,,устремился еси; страшный и славный по-
,,зоръ! возрадовалась и купно вострепета-
,,ла Россія, узрѣвши сіе: возрадовалася, ви-
,,дящи толикое мужество царя своего, вос-
,,трепетала же, единаго смертію вся умре-
,,ти боящеся."

Какое удивительное изображеніе тре-
пета Россіи, смотрящей на царя своего въ
огнѣ и пламени! По семъ продолжаетъ онъ,
что Богъ сохранилъ его въ брани; что по-
среди тысячи смертей, ни смерть, ни язва
не приближилися къ нему, и прерывая сама-
го себя говоритъ: ,,приближилася было (еже
,,не безъ страха и трепета воспоминаемъ)
,,приближилася было смерть явная къ Бо-
,,гомъ вѣнчанной главѣ твоей, егда желѣз-
,,ный желудь пройде сквозь шлемъ твой: но
,,не повредилъ главы, ея же вредомъ вся бы
,,повредилася Россія, отсюду явѣ есть, яко
,,ты живеши въ помощи Вышняго. — Тотъ
,,ввелъ тебя въ страшный бой, кто и опол-
,,чился съ тобою; тотъ подвигъ сердце
,,твое идти въ пламень военный, кто щи-
,,томъ своего заступленія и оградилъ тебя."
Потомъ сказавъ, что естьли бы Петръ не

присутствовалъ въ сей брани, то побѣда не была бы толь совершенная, продолжаетъ:

,,Нынѣ же что сотворися? да слышатъ ,,грады, и страны, и царствія; да слышитъ ,,и удивляется весь міръ: многочисленное ,,воинство, многіи военачальники, и что ,,большее, вси главныи вожди и полководцы, ,,сіе есть вси столпы королевства Свѣй- ,,скаго оружіемъ твоимъ сокрушенныи, тво- ,,ему побѣдительному поклонишася Величе- ,,ству, и иже владѣти Россіею надѣяхуся, ,,раби Россійстіи сотворишася; прочіи же ,,безчисленніи поклоншеся единою, не во- ,,сташа, и никогда не востанутъ. Кое се ,,наше блаженство? Кое благополучіе? На- ,,поиша землю нашу врази кровію, иже при- ,,шли бяху пити кровь ея; отяготиша тру- ,,піемъ своимъ, иже мысляху отяготити ю ,,игомъ своимъ, повергоша себя подъ ноги ,,намъ, иже на выи наша наступати гото- ,,вяхуся. Что же рѣку о числѣ взятыхъ ,,войсковыхъ знаменъ, оружій, запасовъ, ко- ,,рыстей, всего имѣнія, всѣхъ обозовъ? вся ,,яже многимъ градомъ и народомъ отъяша, ,,дароваху Россіи: аки бы не иной ради ,,вины пришли къ намъ, токмо умрети и ,,воинство Россійское наслѣдники благъ сво- ,,ихъ завѣтомъ написати. Видѣхомъ поле ,,Полтавское (прейдемъ прочее) аки гоняще ,,въ слѣдъ избѣгшихъ оттуду супостатовъ,

„и да видимъ, какъ и неплодные подъ Пере-
„волочнымъ бреги, множество побѣдитель-
„наго ваія въ пескахъ своихъ израстиша.
„О неслыханной въ народѣхъ побѣды! Мно-
„жае шестинадесяти тысячъ оружіе нося-
„щихъ супостатскихъ воевъ избѣже съ поля
„ратнаго, и трепетнымъ бѣгствомъ аки
„крилами отъ страха израстшими, скоро
„устремися ко брегомъ Днѣпровымъ, яко же
„сами помышляху, спасенія ради своего, а
„яко же вещію показася, не иной ради ви-
„ны, токмо, дабы не единою стренны бы-
„ли, дабы не едино мѣсто и о нашей по-
„бѣдѣ и о ихъ побѣжденіи засвидѣтель-
„ствовало."

Наконецъ, по описаніи достойнымъ и величественнымъ образомъ рѣшительной сей побѣды, и по исчисленіи народныхъ пользъ, отъ сего происшекшихъ, обращаетъ онъ рѣчь свою къ ПЕТРУ Великому и говоритъ:

„Пій убо сіе свыше данное тебѣ вино
„радости! услаждайся всенароднаго веселія
„нектаромъ! отри побѣдительнымъ ваіемъ
„поты твоя отъ вара военнаго источен-
„ныя! красуйся и ликуй о мужественномъ
„твоемъ воинствѣ! Се видиши въ немъ ве-
„ликій плодъ установленнаго тобою рыцар-
„скаго ученія. Соиграйте и вы, о крѣпкіи
„столпы и адамантовы щиты отечества
„нашего и православія, премудріи военачаль-

„ницы, и воини непобѣдиміи! облешишъ всю „подсолнечную громогласная слава, глася„щая вашу и царя вашего храбросшь, и ре„кушъ чуждіи роди: достоинъ царь тако„ваго воинства, и воинсшво таковаго царя.“ Въ заключеніе же, призывая на главу его помощь вышняго, возглашаетъ: „не отступай „и въ послѣдніе вѣрнаго швоего служителя „православнаго Монарха нашего, ополчаяся „окресшъ его, и укрѣпляя оружіе его, дон„деже истребятся вси жестоковыйніи и „непослушливіи раби; дондеже покорятся „вси востающіи намъ врази, дондеже вси „языцы бранемъ хотящіи, крайнимъ ударен„ни страхомъ, утихнушъ и не рекушъ, гдѣ „есшь Богъ ихъ? но купно съ нами просла„вяшъ его.“

Другія, говоренныя имъ въ царствованіе ПЕТРА Великаго рѣчи суть: 1-я Меньщикову. 2-я На рожденіе Царевича Петра Петровича. 3-я Въ день нарѣченія его наслѣдникомъ престола. 4-я На воспоминаніе Полтавской побѣды. 5-я ПЕТРУ Великому отъ имени всего народа, при возвращеніи его изъ чужихъ краевъ. Всѣ сіи слова показываютъ въ Ѳеофанѣ ученаго, остроумнаго, глубокомысленнаго и краснорѣчиваго проповѣдника дѣлъ Петровыхъ. Мы могли бы многія отличныя мѣста показать изъ оныхъ, но поспѣшимъ привесть еще одну краткую

рѣчь его, которая, какъ по обстоятельствамъ, такъ и по составу своему, достойна особливаго вниманія. ПЕТРЪ Великій по долгомъ отсутствіи возвращается изъ путешествія своего по чужимъ странамъ въ царствующій градъ свой Санктпетербургъ, вступаетъ въ чертоги свои, въ домъ свой. Сынъ его Петръ Петровичъ былъ тогда двулѣтній младенецъ. Какая встрѣча отцу: Ѳеофанъ, держа на рукахъ сего младенца, говоритъ, какъ бы его устами, привѣтственную рѣчь Великому своему родителю! Рѣчь необычайная, удивительная, въ которой онъ, какъ бы сливъ себя съ малолѣтнымъ Петромъ, отраслемъ Великаго ПЕТРА, показалъ искуснѣйшимъ и новымъ образомъ въ младенцѣ оратора, и въ ораторѣ младенца. Онъ говоритъ его устами:

„Срѣтая Величество твое, пресвѣтлѣйшій родителю, жалуюся на натуру мою, „яко не поспѣшившую устроити мнѣ органы тѣлесныя, ими же быхъ возгласилъ тебѣ душевное усердіе. Играетъ сыновняя „любовь на приходъ отеческій, но радость „орудія своего не имѣетъ, есть въ сердцѣ „избытокъ, но не глаголютъ уста. О скудости твоея возрасте мой! Како не доволенъ еси къ толикому веселію во время „всенароднаго къ царю своему привѣтствія? „Первый азъ въ желаніи, послѣдній въ словѣ

„обрѣтаюся. Но непротивно буди тебѣ,
„превожделѣнный гостю, яко чуждаго заим-
„ствую гласа, чій либо языкъ есть, но мой
„истый духъ, мое искреннее сердце при-
„вѣтствуетъ тебе. Къ чему бо желалъ быхъ
„моея собственныя рѣчи, развѣ бы должае
„не видѣти лица твоего. Итакъ, мнится
„ми, большее пребыхъ время въ разлученіи
„съ тобою, нежели въ житіи моемъ; изшедъ
„бо отъ утробы матернія, едва мало что
„на порфировомъ лонѣ твоемъ покоихся,
„ощутихъ себе лишенна толикаго блажен-
„ства: сі есть проникшу цвѣту удалися
„солнце, и по краткой веснѣ найде зима
„долгая. Дважды видѣхъ лѣтнюю на земли
„и воздусѣ премѣну, а мнѣ непремѣнное
„было стужительное время. Въ Палатѣ гла-
„силася точію титла царская, въ дому то-
„чію имя родительское, самого же царя и
„родителя видѣти далекихъ странъ щастіе
„было. Но таковыя нужды нашея вина есть,
„общее всего государства добро. Сіе тебѣ
„велитъ не радѣти о тебѣ, сіе тебя по-
„нуждаетъ оставляти насъ. Добрѣ се, и
„тако подобаетъ. Согласуетъ въ семъ тебѣ
„и мое сердце, яко своему кореню отрасль,
„единымъ и тѣмъже духомъ движимое, и
„уже поощряетъ вскочити въ слѣды твоя,
„аще бы немощь возраста не воспящала.
„Но благо пришелъ еси, долго мнѣ, долго

„всему отечеству ожиданный отче. Ибо, „которая вина отъемлетъ тебя отъ насъ, „тая же и возвращаетъ, едина всенародная „польза. И собственную мою приходомъ „твоимъ обрѣтаю корысть. Къ самымъ бо „стопамъ твоимъ припадая, ощущаю въ себѣ „растѣніе духа, кольми паче на лоно роди„тельское возносимый. Здѣсь отъ умилен„ныхъ лобзаній твоихъ пію любовь къ роду „нашему толикую, яко и имя Россійское „сладко мнѣ; тѣсными же объятіями свя„зуемый слышу въ себѣ распространяющее„ся сердце, и ревнительный нѣкій жаръ „сквозь всего мене проходящій: не толи „военный глаголемый огнь, которымъ сла„вятъ тебе быти страшна врагомъ отече„ства нашего? Благословенъ Господь Богъ „мой сподобивый мене толикаго родителя. „О дабы скоро прелетѣли отроческія лѣта „мои! еже бы возмощи мнѣ за тобою и съ „тобою тещи путь твой, родителю дер„жавнѣйшій! лобызаю нынѣ скипетръ твой, „яко вѣрный подданный, паче же хотѣлъ „быхъ прославити его службою моею. Но „понеже преклоняеши мнѣ оный и въ на„слѣдное пріятіе, обручаю его перстнемъ, „сі есть узомъ сердечнымъ объемлю. Но въ „твоихъ еще рукахъ держи сей, Всероссій„скій Монархо! держи сей побѣдительною „десницею, дондеже и моя подражаніемъ

„дѣлъ твоихъ сильна и крѣпка къ державѣ „явишся, дондеже малаго Петра твоего покажетъ Богъ достойна вторымъ по тебѣ „нарещися Петромъ: тебя же позднѣйшимъ „преклоненна вѣкомъ, позоветъ къ лучшему „наслѣдію Царь славы Христосъ.“

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны говорилъ онъ также многія рѣчи, изъ которыхъ въ краткомъ словѣ на коронацію исчисляетъ различныя печали, какія она въ жизнь свою претерпѣла: „Но нынѣ „(говоритъ) уподобилъ Богъ тебя не именемъ „токмо, но и дѣломъ, тезоименитой Твоей „Святой Аннѣ пророчицѣ; можетъ бо многобѣдное вдовство твое соравнитися вдовственному ея многолѣтію, и какъ со оною, „такъ и съ тобою былъ милостивый Господь, въ скорбѣхъ сохраняя вамъ благодать „свою по имени вашему: оную сподобилъ „дождатися видѣти пришествіе во плоти „Христа своего; тебѣ же благоволилъ и родитися во Христѣ, и Христовой титлы „(о чемъ нынѣ радуемся) получити участіе. „Благоизволилъ первѣе носити тебѣ сиротинное и вдовичее вретище, а потомъ во „славу сію облещися. — Уповай на Господа, „и яко гора Сіонъ не подвижишися, возложися на того, имъ же Царствіе Царствуютъ, и утвердитъ царство твое нерушимо.“

На другой годъ, въ тотъже день Коронаціи, говорилъ онъ второе слово свое, которое въ отрывкахъ токмо сохранилося. Въ немъ весьма краснорѣчиво распространяется о необходимости верховной власти, исчисляя и представляя живыми изображеніями, сколь человѣческія страсти необузданны, и что безъ предержащихъ властей, силою всего народа, паче же отъ Бога, вооруженныхъ для охраненія обществъ отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ злодѣевъ, давно бы земля была пуста и родъ человѣческій истребился. Наконецъ обращаясь къ Монархинѣ говоритъ: „Ты приняла престолъ: „обрадовался утѣсненный; устрашились „чуждые, вострепетали домашніе враги. Ты „украсила главу свою Императорскою Ко„роною: вознеслись главы смиренныхъ, гор„дые же уронили роги свои."

Третью краткую поздравительную рѣчь говорилъ онъ на пріѣздъ Императрицы въ Новгородъ. Здѣсь также разсыпаны вездѣ цвѣты краснорѣчія. Въ заключеніе же сказано сіе прекрасное желаніе: „когда мы при„вѣтствуемъ тебя, не такъ тебя какъ са„михъ себя поздравляемъ. Тебѣ же толикаго „празднованія нашего виновницѣ должны „желати, и желаемъ отъ всещедраго Бога „нашего всѣхъ требуемыхъ тобою благъ воз„даянія, да тако премудростію своею у-

„строитъ сердца подданныхъ твоихъ, чтобъ „тебя не отъ страха, но отъ любви сынов„ней почитали, и чтобъ не на силу твою, „но на свою совѣсть взирая, и не твоего, „но Божія гнѣва опасаясь, повиновались „тебѣ.“

Въ четвертомъ словѣ своемъ на воспоминаніе Коронаціи, сильными доводами собственныхъ разсужденій своихъ, подкрѣпленныхъ приводимыми изъ Священнаго Писанія словами, доказываетъ онъ обязанность повиновенія и вѣрности подданнаго, яко члена отечества, къ главѣ онаго Царю своему. Выводитъ, въ чемъ состоитъ прямой долгъ сына отечества, и говоритъ, что хотя окружающіе престолъ льстецы и лицемѣры, жертвуя общее благо корысти своей, могутъ иногда притворствами и угожденіями своими укрыться отъ гнѣва обманутаго ими Государя, но не укроются отъ гнѣва Божія. Сказавъ сіе восклицаетъ: „коль страшно „впасти въ руцѣ Бога живаго! о естьли бы „сіе всякъ подданный воспоминалъ! о есть„ли бы не испускали сего изъ мысли своей „и малые и великіе, и вышніе и нижніе, и „мірскіе и духовные, коль благословенное „въ отечествѣ было бы состояніе, и Госу„дари далече вящшее имѣли бы себѣ безо„пасіе отъ сего единаго, нежели отъ многаго „хранительнаго оружія!“

*

Въ пятомъ словѣ своемъ на воспоминаніе о возшествіи на престолъ разсуждаетъ онъ о томъ, что власть земная происходитъ отъ Бога. Доказываетъ сіе Божественными писаніями и многими историческими примѣрами, наипаче же примѣромъ самой Императрицы, выводя, что въ возведеніи ея на престолъ явно оказалась воля Божія. Здѣсь, приведя изъ Евангелія приличныя сему слова: *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же хощетъ, дастъ его*, присовокупляетъ онъ къ тому сіе громкое, убѣдительное восклицаніе: „о свидѣтельство „твердое, сильное, ненарушимое! кто бо сіе „глаголетъ? глаголетъ неложный, и кото„рому не возможно солгати; глаголетъ вся „премудростію творящій; глаголетъ носяй „всяческая глаголомъ силы своея; глаголетъ „той, который вся словеса своя сильнымъ „симъ изреченіемъ запечатлѣлъ намъ: *небо „и земля мимо идетъ, словеса же моя не ми„мо идутъ.*“

Наконецъ шестое слово свое, сильное, достопамятное, и по щастію въ цѣлости сохранившееся, говорилъ онъ въ 1734 году, также на Коронацію. Въ семъ словѣ разсматриваетъ онъ разные образы правленія, исчисляетъ сопряженныя съ каждымъ неудобства, и многими историческими примѣрами доказываетъ преимущество само-

державія, а особливо въ странахъ обширныхъ и многими народами населенныхъ. Больше же доказываетъ сіе Россійскою Исторіею, говоря, что Рюрикъ былъ Самодержавный Государь, и что отъ него даже до кончины правнука его Святаго Владиміра Россія была Монархія, или Самодержавіе, въ чемъ согласны всѣ лѣтописцы. „Что же? „(продолжаетъ) каково было состояніе, ка„кова сила Россійская? Славна Россія была „и страшна не только близкимъ сосѣдямъ, „но и дальнимъ государствамъ, не токмо „держава ея до Дуная простиралась, но и „за Дунай перешла, а оружіе Руское прони„цало даже до Константинополя, не толь„ко по землѣ, но и по морю Черному. О „чемъ разныя о тогдашнихъ нашихъ успѣ„хахъ въ бытописаніяхъ имѣемъ свидѣтель„ства, но за краткостію времени привесть „оныя здѣсь не можемъ. Потомъ превеликое „государство сіе разсѣклось на разныя мно„гія Княженія, а со временемъ и на множай„шія, и потому малыя. Хотя же и были „тѣ яко бы Монархіи, званія сего впрочемъ „недостойныя; но тѣло всея Россіи при„няло на себя видъ Аристократіи: ибо хо„тя великій Владиміръ при своемъ во вѣч„ная отшествіи, раздѣляя Государство сы„намъ своимъ, заповѣдалъ имъ быти за одно, „да не то сдѣлалось: раздѣленные Князи

„удѣлами владѣнія, раздѣлились и любовію. „Скоро общая сила стала уменьшаться. „Россія обратила мечъ свой не столько на „иностранныхъ супостатовъ, сколько на „свою утробу. О Боже, какъ печальная и „ужасная болѣзнь удручала народъ сей! Возь- „ми кто какую нибудь Рускую лѣтопись, „и хотя нерадиво перебирай по листамъ, „ничего больше не увидишь какъ междоусоб- „ныя повсюду кровопролитія, разоренія и „сожженія городовъ, людей побѣги и всякія „бѣдства. Ничего больше не усмотришь, „только убійственныя повѣсти: того лѣта „Князь Рязанскій ходилъ на Князя Смолен- „скаго; того лѣта Князь Черниговскій хо- „дилъ на Князя Переяславскаго; тожъ и о „Тверскихъ, Суздальскихъ, Ростовскихъ, „Брянскихъ, Полоцкихъ Князьяхъ, и о са- „мыхъ Кіевскихъ, а потомъ Московскихъ, „и о другихъ большихъ и меньшихъ. Мало „гдѣ такой годъ выберется, въ которомъ „бы не было таковыхъ походовъ разори- „тельныхъ. Часто найдешь написано: *и бѣ „сѣча зла.* Дивно во истинну, аки бы силь- „нымъ нѣкіимъ чародѣяніемъ возбуждены „были владѣтели другъ на друга нападати, „то одно ихъ почитай и дѣло, такъ легко „воевать на однородныхъ, какъ бы на охоту „ѣздить. Хорошее ли то было состояніе? „Совершенное ли то здравіе? не жестокая

„ли паче скорбь и немощь? Всюду скудость „и при ней грубость настала; нѣтъ мѣста „ученіямъ, какъ философскимъ такъ и бого„словскимъ; нѣтъ мѣста честнымъ художе„ствамъ. — Но то еще не крайнее зло, не „конецъ уже болѣзнямъ. Дождалась того „Россія, что на выю ея, на храбрый нѣко„гда и побѣдительный народъ Славенскій, „имени своего достойный, налегло мерзкое „купно и тяжкое иго Татарское. О много„бѣдное отечество! гдѣ твои прежнія ве„личія и велелѣпія? гдѣ громкія движенія? „гдѣ доблести твои побѣдоносныя? Усо„мнился весь міръ, какъ толь великое и хра„брое многонародіе, попустило себя попрать „варварамъ, аки бы мертвое и крѣпкимъ „сномъ уснувшее! да не льзя было не такъ: „какъ могло тѣло хотя и великое, но на „части разсѣченное, противустоять, хотя „бы и гораздо меньшему себя супостату? „что же тогда воспослѣдовало? О крайнее „бѣдствіе! О какъ сердце трепещетъ вос„поминати и возобновляти неописанную го„ресть, и аки бы раздирати рану, которая „давно уже, слава Богу, зажила! того ради „скоро, и аки бы устремленнымъ бѣгомъ „коснемся только нѣкіихъ, а не всѣхъ зло„ключеній: описанія и оклады варварскія; „изнуреніе имѣній не на охраненіе наше, но „на вящшее врагамъ порабощеніе; многіе

„въ пепелъ обращенные городы, всѣхъ Князей студныя раболѣпствія, ихъ же многихъ „узы и темницы, и казни смертныя и частыя многолюдныхъ жителей посѣченія. „Умножали и сами наши Татарскую ярость, „и свою погибель, то бездѣльными смутами, „то разсѣваемыми другъ на друга и братъ „на брата клеветами; но кто изочтетъ „бѣды? Одной только еще забыть не над„лежитъ: принуждены были великіе Князи „Московскіе на деньгахъ своихъ Арабскими „письменами выбивать символъ Магометан„скій: *Богъ единъ есть Богъ*, *и Магометъ* „*Апостолъ Божій*, какъ изъ находящихся де„негъ тогдашнихъ явно и ясно. Чегожъ еще „злѣйшаго ожидати было, кромѣ того, что „со временемъ потеряти и вѣру Христіан„скую? часто же мнѣ приходитъ удивленіе, „для чего Цари Татарскіе не отняли намъ „оружія, какъ обычно дѣлается съ плѣнны„ми народами? Чуть ли, думаю, не для „того, что они, видя и порабощенныхъ се„бѣ Князей Рускихъ непрестанно другъ на „друга нападающихъ, нарочно оружія имъ „не отнимали, чтобъ имѣли они чѣмъ себя „самихъ междоусобно разоряти, а потомъ „и въ конецъ истребити.

„Но не то о народѣ нашемъ промыш„лялъ милостивый Богъ, чего хотѣли лю„тые Божіи и наши враги; когда всему міру

„казалось, что кончится Россія, тогда воз-
„двигла ее десница Вышняго; воздвигла отъ
„престарѣлой дряхлости въ бодрую юность,
„отъ крайняго изнеможенія въ силу, отъ
„гнуснаго безчестія въ славу. Но какъ то
„совершилъ дивный въ судьбахъ Господь?
„Не употребилъ преестественнаго нѣкоего
„дѣйствія, не потопилъ мучителей нашихъ
„въ водѣ, яко же Фараона, не разорилъ ихъ
„крѣпости нѣкіимъ гласомъ трубнымъ, яко
„же Іерихонскую, не умертвилъ полчища
„ихъ невидимою рукою Ангельскою, яко же
„Сеннахеримовы: дѣло естественное пре-
„мудрымъ образомъ произвелъ: оставилъ то,
„чѣмъ мы было погибли, и возвратилъ то,
„чѣмъ мы прежде были крѣпки и сильны:
„упразднилъ многоначаліе, а велѣлъ быть
„самодержавію, и все иное пошло. Варвары,
„оные ругатели наши, посрамлены отъ насъ
„и покорены намъ, хищники наши стали
„наши данники, и которые на выяхъ нашихъ
„сидѣли, подъ нози упали намъ. И хотя
„дивное было дѣло Божіе во обновленіи Мо-
„нархіи Россійской, но не дивны таковые
„плоды ея. Сей правительства образъ, а не
„иной твердыхъ насъ дѣлаетъ; сей насъ,
„яко стрѣлы особь не трудно преломляе-
„мыя, во единъ пукъ связуетъ, и сокрушенія
„боятися намъ не велитъ; сіе владѣніе, а
„не иное сдѣлало съ Татарскимъ надъ нами

„владѣніемъ то, что Псаломникъ о звѣряхъ „дубровныхъ поетъ, которые въ нощи кор„му себѣ ищутъ, а когда солнце возсіяетъ, „ложатся въ ложахъ своихъ. По кончинѣ „Владиміра Великаго, аки бы по захожденіи „солнца, ночь темная и долгая была въ Рос„сіи. И недивно, что свирѣпые звѣри на„пали и жирную себѣ взыскали было пищу, „имѣніе и тѣло ея угрызая. Возсіялъ же „паки, яко солнце, скипетръ Самодержавія, „и дивые оные скимны легли въ ложахъ сво„ихъ. Въ какихъ ложахъ легли? Первые Рос„сійскимъ поражены оружіемъ, легли въ ровѣ „смертномъ, а другіе во удоліи подданства „лежатъ. Тако Россія монаршескою рукою, „а не многими разслабленными руками, не „только свергла съ себя иго вражіе, но и „свое ярмо на выю враговъ своихъ надѣла. „Да одно ли только сіе благополучіе? Когда „Россія многобѣдная на разныя части раз„сѣчена была, тогда Россіи сыскати въ Рос„сіи было трудно, а когда члены своя со„юзомъ единовластія во едино паки Госу„дарство собрала, и аки бы срослась во „едино тѣло, тогда не только вышеупомя„нутыхъ тирановъ своихъ подъ свои нози „подвергла, но сверхъ того превеликія и „дальнія Царства и Княженія приняла подъ „крылѣ своя.“

По изображеніи такимъ образомъ великаго съ Россіею приключенія, продолжаетъ онъ приводить разныя свидѣтельства, въ какое уваженіе пришла опять Россія у чужестранныхъ народовъ. Потомъ говоритъ, что по истребленіи Растриги и при избраніи на царство Шуйскаго, нѣкоторые вельможи по слѣпотѣ гордости и властолюбія склонили его вошедъ въ церковь отрещися отъ единовластія, и хотя народъ громкими голосами возопилъ: *не хощемъ сего, не быти у насъ добру*, а потомъ въ другой и въ третій разъ: *не клянись на такое дѣло, лучше и не царствовати;* однако Шуйской, опасаясь избирателей своихъ, утвердилъ намѣреніе свое присягою. Тогда (продолжаетъ) вторично вторгнулось въ Россію многоначаліе, низвергшее паки ее въ безчисленныя бѣдствія; тогда непріятельская сила, наподобіе движимаго бурею пожара, повсюду скоро распространилась, и всѣ предѣлы Россійскія охватила. Наконецъ по возобновленіи Самодержавія со временъ Царя Михаила Ѳеодоровича, подробнымъ исчисленіемъ произшедшихъ въ Россіи перемѣнъ, представляетъ ее на высотѣ славы.

Въ торжественномъ словѣ на взятіе города Гданска не одинъ въ Ѳеофанѣ видѣнъ краснорѣчивый, но купно и Государственный человѣкъ, проницавшій въ самыя тайныя

тогдашнихъ дворовъ намѣренія и связи. По описаніи злыхъ на Россію непріятельскихъ хитростей и умысловъ, отъ которыхъ (продолжаетъ онъ) „Естьли бы не крайнее ра„зореніе, то однакожъ такое неспокойное „пребываніе намъ послѣдовало, чтобы мы „принуждены были ни о чемъ иномъ не по„мышлять, какъ только о томъ, какъ бы „со дня на день жизнь свою охранять и „обороняться, подобно тому, когда Израиль„тяне, созидая, по возвращеніи изъ плѣна „Вавилонскаго, Іерусалимъ, одною рукою „строили стѣну, а другою мечъ держали.“ По описаніи, говорю, сихъ умысловъ, разрушенныхъ взятіемъ города Гданска, восклицаетъ онъ: „да познаютъ отселѣ враги, на„ши, что мечъ Рускій не притупился; да „научатся, какое небезбѣдное дѣло льва „спящаго будить; какая вредная гордость „миролюбную дружбу нашу вмѣнять намъ „въ немощь и ослабленіе; да будутъ извѣ„стны, что Россія имѣетъ въ оружіи силу, „въ совѣтахъ мудрость, въ потребномъ до„вольство, и ко всякимъ дѣйствіямъ бодрую „живость.“

Слово, говоренное имъ въ 1735 году на освященіе въ Зимнемъ Дворцѣ новосозданной церкви, исполнено также многими красотами и сильнымъ нравоученіемъ: „Достохваль„ное дѣло совершила ты (говоритъ онъ

„Императрицѣ), что въ толь великолѣпномъ „дому твоемъ, толь прекрасный домъ Божій, „и домъ молитвы построити благоволила. — „Чудное зрѣлище благочестія, свѣтлое знаменіе боголюбія твоего, ясное лице владѣтельнаго духа, купно же и дивное украшеніе, не токмо высокопрестольной палаты „сея, но и всего царствующаго града, и „всего отечества нашего. Но не требуетъ „зданіе сіе похвалы нашея, какъ не требуетъ „солнце указанія, само собою хвалимое, и „единаго токмо зрѣнія требующее.“ Въ семъ словѣ, между прочими поученіями, весьма остроумно истолковалъ онъ нѣкоторые стихи Давидовы, такожъ и обыкновенное въ церквахъ предъ выносомъ Евангелія взываніе къ предстоящимъ: *премудрость прости услышимъ*. „Слово *прости* (говоритъ онъ) значитъ *прямо*, и относится къ древнему „обычаю, чтобъ сѣдящія востали; а намъ „нынѣ внушаетъ мысль, дабы и стоящимъ „намъ не сидѣлъ, и не лежалъ въ уныніи „духъ нашъ.“

Сверхъ упомянутыхъ здѣсь торжественныхъ словъ находимъ мы еще въ сочиненіяхъ его осьмнадцать проповѣдей, исполненныхъ подобной же силы и краснорѣчія, какое видѣли мы въ краткихъ приведенныхъ нами примѣрахъ. Богатство ихъ неистощимо; но пространнѣйшее показаніе оныхъ вывело бы

насъ изъ предѣловъ нашего чтенія; для того сокращая разсужденія о томъ наши, надѣемся, что хотя не могли мы въ полной мѣрѣ удовлетворить любопытству почтенныхъ посѣтителей: ибо изъ малаго и скораго обозрѣнія нѣкоторыхъ отдѣленныхъ частей не возможно дать ясное и совершенное понятіе о красотѣ и великолѣпіи всего зданія; однако же сіи краткія и можетъ быть не съ такимъ какъ должно искуствомъ принаровленныя мною показанія довольно уже свидѣтельствуютъ, какова имѣемъ мы въ Ѳеофанѣ великаго проповѣдника, и что любители словесности, читая его, могутъ находить въ немъ то, что Греки находили въ Златоустахъ своихъ и Димосѳенахъ, а Римляне въ Цицеронахъ.

КАНТЕМИРЪ.

Князь Антіохъ Кантемиръ родился въ Цареградѣ въ 1709 году отъ Князя Димитрія Кантемира и Смарагды Кантакузеной, дочери Князя Волошскаго, произшедшаго отъ древнихъ Греческихъ Императоровъ сего имени. Въ 1710 году Ахметъ третій, Султанъ Турецкій, пожаловалъ Князю Димитрію, отцу Антіохову, за многія оказанныя имъ Оттоманской Портѣ важныя услуги, Княжество Молдавское, которое уже и прежде предкамъ его принадлежало. Князь Димитрій не хотѣлъ принять онаго, но Порта обѣщала уволить его отъ платежа Визирю и другимъ придворнымъ великихъ денежныхъ суммъ, которыя они съ новопоставляемыхъ Князей брать обыкли. Сіе побудило наконецъ Князя Димитрія принять предлагаемое ему достоинство. Но едва успѣлъ онъ пріѣхать въ Яссы, какъ отъ Верховнаго Визиря получилъ весьма строгое повелѣніе о поднесеніи Портѣ обыкновенныхъ подарковъ; при чемъ предложены были еще требованія, со всѣмъ противныя его обязательствамъ. Таковая Оттоманской Порты несправедливость, особливо же свирѣпство Турковъ къ Молдавскому народу,

вдохнули ему мысль, какъ бы свое Княжество избавить отъ угнѣтенія, и освободить Христіанъ, своихъ подданныхъ, отъ тяжкаго ига невѣрныхъ.

Пришествіе Петра Великаго съ войсками, и учиненныя отъ Государя сего предложенія, казались ему весьма благовременнымъ случаемъ къ произведенію въ дѣйство своего намѣренія. Онъ заключилъ съ Петромъ Великимъ договоръ, котораго пункты въ 1711 году въ Яссахъ утверждены были присягою; но противное щастіе Россійскаго оружія при Прутѣ пресѣкло всѣ сіи намѣренія. Такимъ образомъ помощь, которую Димитрій Кантемиръ надѣялся получить къ вѣчному обладанію своимъ Княжествомъ, едва могла спасти собственную его особу и семейство. Первое при перемиріи требованіе отъ Порты было выдать Кантемира, однакоже Петръ Великій, при всѣхъ своихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, на то не согласился, и лучше желалъ уступить Туркамъ знатную часть земель, нежели отдать имъ въ руки Князя, который по усердію къ нему оставилъ свое Княженіе и котораго взялъ онъ подъ свое покровительство.

По заключеніи мира Молдавскій Князь слѣдовалъ за Петромъ Великимъ въ Россію, гдѣ въ вознагражденіе за потерянное владѣніе свое объявленъ Россійскимъ Княземъ и

пожалованы ему не малыя деревни въ Украинѣ. Онъ прилагалъ крайнее попеченіе о воспитаніи своего сына, въ которомъ примѣчалъ великую склонность къ наукамъ. Но по возвращеніи съ Петромъ Великимъ изъ Персидскаго похода, куда и сынъ его съ нимъ ѣздилъ, вскорѣ занемогъ и умеръ.

Юный Антіохъ Кантемиръ по смерти отца своего продолжалъ съ такимъже прилѣжаніемъ украшать природный разумъ свой различными познаніями. Онъ проходилъ кругъ вышнихъ наукъ, преподаваемый искуснѣйшими, призванными Петромъ Великимъ Профессорами въ новоучрежденной тогда Санктпетербургской Академіи. Математикѣ учился онъ у славнаго Бернулія, Физикѣ у Бифлингера, Исторіи у Бейера, нравоучительной Философіи у Гросса, стихотворству и краснорѣчію у Ильинскаго, и во всѣхъ сихъ наукахъ оказалъ великіе успѣхи. Сверхъ сего прилѣжно упражнялся онъ въ чтеніи Священнаго Писанія, что доказываетъ и сочиненная имъ на Россійскомъ языкѣ и въ печать изданная на Псалтирь Симфонія. Вскорѣ оказалась въ немъ склонность къ стихотворству. Онъ, не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, сочинилъ первую сатиру къ уму своему. Ученѣйшіе тогда мужи Ѳеофанъ Архіепископъ Новгородскій и Ѳеофилъ Кроликъ Архимандритъ Новоспаскій, стихами

своими, одинъ на Рускомъ, а другой на Латинскомъ языкѣ, похвалили сіе первое пера его произведеніе. Чрезъ нѣсколько потомъ времени показались вторая и третія сатиры его, имѣвшія толь великой успѣхъ, что многіе стихи оныхъ сдѣлались пословицами. Скоро слава о немъ распространилась повсюду. Въ 1732 году Императрица Анна Іоанновна пожаловала ему тысячу душъ, и назначила его Министромъ къ Великобританскому Двору. По прибытіи въ Лондонъ пріобрѣлъ онъ тамъ великое къ себѣ уваженіе и довѣренность. Таланты его въ политическихъ дѣлахъ открылись не меньше, какъ и въ другихъ свѣденіяхъ. Онъ посвящалъ себя государственнымъ дѣламъ, и находилъ время обращаться съ учеными людьми. Онъ еще въ бытность свою въ Англіи возведенъ былъ въ достоинство полномочнаго Посла, и потомъ въ томъ же званіи посланъ во Францію, гдѣ также снискалъ къ себѣ отличную довѣренность, и въ самыхъ трудныхъ по смерти Императрицы Анны Іоанновны политическихъ обстоятельствахъ умѣлъ вести себя такъ искусно и осторожно, что и свой и чужіе Дворы всегда были имъ довольны. Онъ имѣлъ весьма острый и проницательный умъ, обогащенный обширными свѣденіями; но главныя достоинства его были благоразуміе и чест-

ность. Онъ былъ строгій наблюдатель христіанскаго закона, и для сего читалъ наилучшія книги, касающіяся до вѣры и благочестія, признавая, что философія приводитъ человѣка къ добродѣтели только словами, а Христіанскій законъ самымъ дѣломъ путь къ ней показываетъ. Всѣ политическія дѣйствія его клонились къ удержанію добраго согласія и тишины между Державами. Онъ говорилъ многими языками, а именно: Россійскимъ, Молдавскимъ, Латинскимъ, Италіанскимъ, Француским и нынѣшнимъ Греческимъ; сверхъ того разумѣлъ Еллинской, Гишпанской и Англинской языки. Любилъ отъ самой молодости до конца дней своихъ читать и въ свободные отъ дѣлъ своихъ часы упражняться въ стихотворствѣ. Писалъ стихи свои такъ называемымъ среднимъ Россійскимъ стихотворствомъ. Напослѣдокъ въ 1744 году, удручаемый долговременною болѣзнію, къ общему всѣхъ сожалѣнію скончался на 35 году отъ рожденія своего. Россія потеряла въ немъ усерднаго сына, Дворъ просвѣщеннаго Министра, ученые знаменитаго собрата, честные люди добраго пріятеля.

Труды его по словесности состоятъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Сочиненія его суть: 1е Симфонія на Псалмы. 2е Руководство къ Алгебрѣ. 3е Петро-

ида, Героическая поэма, оставленная недоконченною. 4е Письменное сочиненіе о Просодіи. 5е Восемь сатиръ стихами, и нѣсколько басенъ, эпиграммъ и пѣсенъ. Сіе изданіе поднесено имъ самимъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и послѣ обогащено примѣчаніями. Переводы его съ иностранныхъ языковъ суть слѣдующіе: 1-е, Фонтенелевы разговоры о множествѣ міровъ, съ примѣчаніями; 2-е, Юстинова Исторія; 3-е, Гораціевы письма и Анакреонтовы оды, преложенныя Россійскими стихами безъ рифмъ; 4-е, Корнелій Непотъ; 5-е, Кевитова таблица; 6-е Письма Персидскія; 7-е, Епиктитово нравоученіе; 8-е Разговоры о свѣтѣ Г-на Алгаротти. Сверхъ сего весьма сожалѣютъ о не изданіи въ свѣтъ политическихъ сочиненій его, то есть: донесеній и разсужденій, касающихся до дѣлъ и прибытковъ знатнѣйшихъ въ Европѣ Дворовъ.

Мы намѣрены говорить здѣсь о сатирахъ его, яко главнѣйшемъ сочиненіи, оставшемся послѣ него, и которое, не взирая на другой принятой нами родъ стихотворства, всегда оставаться будетъ классическимъ твореніемъ, украшающимъ Россійскую словесность. Первая сатира его *къ уму своему* состоитъ въ обличеніи востающаго противъ наукъ невѣжества. Онъ начинаетъ ее сими стихами;

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.

Потомъ объясняя, какъ путь предлежащій писателямъ труденъ, какъ для многихъ неудаченъ, и притомъ безприбыленъ, говоритъ:

. . . . . Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.

Послѣ сего представляетъ многихъ невѣждъ, изъ которыхъ каждый, презирая науки, разсуждаетъ по своему. Иной изъ нихъ говоритъ:

Живали мы прежъ сего не зная Латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ.

Другой:

Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.

Третій:

Землю въ четверти дѣлить, безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ Алгебры счислимъ.

Четвертый отвергая ученіе словесности и любя только пировать и веселиться, толкуетъ:

Чтоже пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей, живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ, чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельѣ, въ пирахъ мы жизнь должны провождати,
Итакъ она не долга, на что коротати?
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Потомъ о невѣждѣ, полагающемъ все свое блаженство въ нарядахъ и щегольствѣ, Сатирикъ говоритъ:

Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ
Что не во что завертѣть завитыя кудри:
Не смѣнитъ на Сенску онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.

Егоръ и Рексъ были извѣстные тогдашняго времени одинъ сапожникъ, а другой портной. По описаніи такимъ образомъ раз-

ныхъ толковъ, выходящихъ изъ устъ невѣждъ, Сатирикъ, обращаясь къ уму своему, говоритъ:

Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ
мнѣ въ уши,
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую тебѣ.

Здѣсь начинается у него споръ съ умомъ, который представляетъ ему, что хотя невѣжды и не любятъ наукъ, но слова ихъ умнымъ людямъ не уставъ. Сатирикъ отвѣчаетъ, правда твоя; но много ли найдешь ты умныхъ людей, и въ чемъ почитается умъ? Хочешь ли (говоритъ) судьею стать?

. . . . . Вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.

Золотой вѣкъ (продолжаетъ онъ) не дошелъ до насъ:

Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.

Невѣжество

Гордится подъ митрою, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Сидитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ;
А наука бѣдная, ободранная,

. . . . . Въ лоскуткахъ общипта,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видѣнъ съ науки,
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

Потомъ разсуждая, что всякой ничему не учась себя только считаетъ достойнымъ всякихъ почестей, говоритъ:

Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглой церковникъ,
Еще не Епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ красным,
Смысля дѣло на бѣло списать письмомъ яснымъ.

Послѣ сего обращаясь опять къ уму своему, продолжаетъ:

Таковы слыша слова и примѣры видя
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя;
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.

Таковая сатира, какъ по новости своей на Рускомъ языкѣ, такъ и по достоинству стиховъ ея, долженствовала обратить вниманіе всѣхъ любителей словесности на юнаго ея сочинителя. Она должна была тѣмъ больше понравиться благоразумнымъ

людямъ, что осмѣиваетъ главные тогдашняго времени пороки. Изъ ней ясно видимъ мы, что со введеніемъ наукъ вошли вмѣстѣ къ намъ и безумныя чужимъ землямъ подражанія и обезьянства, сдѣлавшія насъ и внутри и снаружи непохожими на самихъ себя. Видимъ, что если были у насъ старинные невѣжи, отвергавшіе науки, то скоро появились и такіе новые невѣжи, которые вмѣсто наукъ перенимали *парики съ узлами*, предпочитали Сенекѣ *фунтъ доброй пудры* и думали, что портной *Рексъ* можетъ сдѣлать ихъ отличными въ государствѣ людьми. Сомнительно, которые изъ сихъ невѣждъ одни другихъ глупѣе. Но какъ бы то ни было, сатира ясно показываетъ, что сіи заморскія сѣмена, уже и въ тогдашнее время, то есть скоро послѣ посѣву своего, крѣпко расплодились, и по видимому гораздо плодороднѣе были, чѣмъ сѣмена полезныхъ знаній и наукъ. Младый Кантемиръ, ободренный успѣхами первой сатиры своей, вслѣдъ за нею написалъ вторую. Въ ней съ новымъ искуствомъ сіяющаго въ прекрасныхъ стихахъ здраваго разума обличаетъ онъ тѣхъ знатнаго рода дѣтей, которые, не занявъ отъ отцовъ своихъ ни трудолюбія, ни благонравія, тщеславятся однимъ своимъ благородствомъ и завидуютъ тѣмъ людямъ, которые, будучи меньше ихъ знат-

ны, трудами и заслугами своими снискали себѣ доброе имя и достойныя почести. Сатира сія хотя и всѣмъ временамъ приличествуетъ, однако же въ то время, когда онъ написалъ ее, долженствовала она еще большее производить дѣйствіе надъ умами, потому что не задолго предъ тѣмъ, а именно при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ истреблено было вредное для службы такъ называемое *мѣстничество*. Онъ начинаетъ ее разговоромъ между Филаретомъ и Евгеніемъ, двумя вымышленными лицами, изъ которыхъ одно опровергаетъ несправедливыя жалобы другаго. Филаретъ увидя Евгенія говоритъ:

Что такъ смутенъ дружокъ мой? щоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ какъ тотъ, что чинъ Патріархъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не къ стати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Чтожъ молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали,
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А а! Дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Тулій деревнями

Награжденъ, ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Евгеній отвѣчаетъ, что часть грусти его онъ отгадалъ, и что ему конечно немалая обида видѣть другихъ награждаемыхъ чинами, а себя забытымъ. Въ доказательство сей несправедливости, представляя заслуги предковъ своихъ, говоритъ:

Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги,
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, Намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ, не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы,
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу отпуду обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ верхъ! Какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему головою въ ноги.
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что всякъ день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступить къ нимъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?

И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Затороп±въ, он±м±въ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости, иной неспокоинъ
Вс±мъ наскучилъ хвастая, что былъ онъ достоинъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.

По описаніи толь живыми красками сего прим±чаемаго во многихъ такъ называемаго *подтрушиванія* случайнымъ людямъ, Евгеній продолжаетъ:

Самъ ужъ суди, какъ легко мн± должно казаться,
Столь славны предки им±въ, забытымъ остаться!
Посл±днимъ вид±ть себя, куды глазъ ни вскину?

Филаретъ начинаетъ зд±сь нравоученіе свое и продолжаетъ оное до конца сатиры. Онъ говоритъ:

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мн± мою мысль открыть и сов±ты.
А в±дай при томъ, что я лукавыхъ прим±ты:
Лесть, похл±бство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ что мыслитъ, то сей вымолвитъ ясно.

По объявленіи о семъ чистосердечіи своемъ продолжаетъ, что хотя благородство, будучи наградою заслугъ само собою важно и почтенно; однакожъ надобно заслуженную предками славу присвоить себ± собственными своими трудами и достоинствами. Ибо, говоритъ:

. . . . . . Грамота пл±сенью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ д±тьми есть свид±тель,
Благородными явитъ одна доброд±тель.

И обращаясь къ Евгенію вопрошаетъ его:

Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ Царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Естьли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Независтливъ, ласковъ, правъ, негнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счесться Гектору, иль Ахиллу сроденъ;
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ равны.

Потомъ говоритъ, что конечно въ достойномъ и добронравномъ внукѣ несправедливо забывать службу дѣда его, но (продолжаетъ):

Ты самъ праотцевъ твоихъ исчисляя славу
Призналъ, что та надлежитъ ихъ дѣламъ и нраву.
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны,
Иной правду вѣсилъ, тихъ, бѣгая обиды,
Всѣхъ были различные достоинства виды;
Естьлибъ ты имъ подражалъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати.
Потрись на оселкѣ, другъ, покажи въ чемъ славу

Крови собой, и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верьхи горъ, тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопишь, когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зевнешь, растворишь глаза, выспишся до воли,
Тянешся ужъ часъ другой, нѣжишся сжидая
Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая.
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и въ трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину:
Часть надъ лоскимъ лбомъ, торчать будутъ са-
новиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ, ты самъ новый Нарцисъ жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится!
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу,
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько стоитъ народъ Римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды,
Пора, мѣсто и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ
въ образу
Нѣжну, зеленъ въ городѣ не досаждалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтнюю пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло,
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.

Здѣсь описывая безполезное путеше-
ствіе его въ чужія земли, для перенятія

только тогдашняго въ одеждѣ щегольства и вкуса, говоритъ:

Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки
Понялъ, что фалды должны тверды быть, нежидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситомъ подшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто, или осенью, въ зиму, иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою;
Что приличнѣе нашить сребро, или злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.

По описаніи такимъ образомъ сего щеголя съ глубокими и твердыми фалдами, нынѣ въ глазахъ нашихъ столько же страннаго, сколько и мы нѣкогда странны будемъ въ глазахъ нашихъ потомковъ, продолжаетъ онъ далѣе описывать нравъ его и поведеніе. Говоритъ:

Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
И обжорство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись намѣстниковъ Царскихъ чисто сѣмя,
Тотъже полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется,

Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется
Когда истощишь твоихъ пожитковъ останки:
Боюсь я устъ, что въ лицо точатъ слова сладки!

Потомъ Сатирикъ говоритъ, что Евгеній, не имѣя ни въ чемъ никакихъ свѣденій, и утопая въ роскошахъ и нѣгахъ, неспособенъ быть ни предводителемъ войскъ, ни мореплавателемъ, ни судьею, ни хорошимъ придворнымъ. Каждаго изъ сихъ званій исчисляетъ онъ обязанности, и прекрасно описываетъ должность полководца, слѣдующими стихами:

Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ Воеводы
И много разныхъ искуствъ; и входъ и исходы
И мѣсто годно къ бою видѣть однимъ взглядомъ,
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Времянно предупреждать удобенъ навѣты,
О обильности въ своемъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ, необидимъ
Его жадностью, врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ;
Не спѣшитъ дѣло начать, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не столь бѣгло перунъ сходитъ
Страшно греми. Въ щастіи умѣренъ быть знаетъ,
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ, не унываетъ,
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишся ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣришь корабль, коль лодкой не правилъ?

И хотя въ пруду твоемъ лишь берегъ оставилъ;
Тотчасъ къ берегу спѣшишь; гладкихъ испугался
Ты водъ! Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верьху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нее доска толста пальца лишь въ четыре.
Твоя душа требуетъ разстоянья шире!

Потомъ Сатирикъ, описавъ искусно главныя должности мореплавателя, какъ бы самъ былъ онымъ, говоритъ Евгенію:

. . . . На морѣ, какъ на землѣ, тѣже
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компасъ, нежь строй и осада.

Наконецъ говоритъ о судьѣ, о придворномъ; какъ одинъ изъ нихъ долженъ быть свѣдущъ въ законахъ, правосуденъ, нелицепріятенъ, и чтобъ *рѣчистая деньга* одолѣть его не могла; а другой вѣжливъ, украшенъ многими пріятностями, ловокъ, искусенъ нравиться; печаленъ и радостенъ, примѣняясь по лицу другихъ; къ стати молчаливъ, и къ стати краснорѣчивъ. По описаніи сего оканчиваетъ сатиру свою тѣмъ, что совѣтуетъ Евгенію исправиться, и до тѣхъ поръ, что онъ забытъ, не чувствовать досады, быть спокойнымъ и не имѣть зависти къ тѣмъ, которыхъ предки хотя въ царство Ольги и не были Думными и Намѣстниками, однакожъ они сами собою и дѣлами своими заслужили общее отъ всѣхъ уваженіе.

Третію сатиру свою приписалъ онъ Ѳеофану, и начинаетъ ее воззваніемъ къ нему. После сего, обращаясь къ людскимъ порокамъ, сперва описываетъ скупаго собирателя богатствъ, потомъ расточителя, потомъ вѣстовщика, а потомъ говоруна.

О сихъ двухъ распространяется отличнымъ образомъ: о вѣстовщикѣ говоритъ:

Съ зарею вставши Менандръ вездѣ побываетъ,
Развѣсивъ уши вездѣ, вездѣ примѣчаетъ,
Что въ домахъ, что въ улицѣ, въ дворѣ и въ приказѣ
Говорятъ и дѣлаютъ. О всякомъ указѣ
Вновь выданномъ, о всякой перемѣнѣ чина
Онъ извѣстенъ прежде всѣхъ; такъ всему причина,
Какъ Отче нашъ на изустъ. Три дни брюху дани
Лучше не дастъ, нежъ не знать, что привезъ съ Гиляни
Вчера прибывшій гонецъ, гдѣ кто съ кѣмъ подрался,
Сватается кто на комъ, гдѣ кто проигрался,
Кто за кѣмъ волочится, кто выѣхалъ, въѣхалъ.
У кого родился сынъ, кто на тотъ свѣтъ съѣхалъ.
О когда бъ дворяне тѣкъ наши свои знали
Дѣла, какъ чужія онъ! не столько бъ ихъ крали
Дворецкой съ приказщикомъ, и жирнѣе бъ жили,
И должниковъ за собой толпы бъ не водили!

Здѣсь слѣдуетъ прекрасное уподобленіе вѣстовщика съ бочкою:

Когда же Менандръ новизнъ наберетъ нескудно;
Недавно то влитое ново вино въ судно,
Кипитъ, бродитъ, обручъ рветъ, доски расширяетъ
И выбивъ втулку быстро устьемъ вытекаетъ!
Встрѣтилъ ли тебя, тотчасъ въ уши вѣстей съ двѣсти.

Нажужжитъ, и поймавъ тѣ изъ вѣрныхъ рукъ вѣсти,
И тебѣ съ любви своей оны сообщаетъ,
Прося держать про себя. Составитъ онъ знаетъ
Мнѣнію окружности своему прилично;
Рѣдко двумъ тужъ вѣдомость скажетъ однолично,
И самъ своей наконецъ повѣритъ онъ бредни,
Ежели прейдетъ къ нему изъ знатной передни!
Сказавъ тебѣ, какъ судья бѣжитъ осторожный
Просителя, у кого карманъ ужъ порожный,
Имѣя многимъ еще въ городѣ наскучить.

Говоруна изображаетъ онъ еще живѣйшими красками:

Искусенъ и безъ вѣстей голову распучитъ
Тебѣ Лонгинъ; стерегись, стерегись сосѣдомъ
Лонгина не завтракавъ имѣть за обѣдомъ.
Отъ жены, дѣтей своихъ долгое посольство
Отправитъ тебѣ, потомъ свое недовольство
Явитъ, что ты у него давно не бываешь,
Хоть больну быть новыми зубами дочь знаешь.
Четвертой уже зубокъ въ деснахъ показался:
Ночь всю и день плачется; жаръ вчера унялся.
Другую за мужъ даетъ, женихъ знатенъ родомъ,
Богатъ, красивъ и жены старѣе лишь годомъ.
Приданое дочерне опишетъ подробно,
Прочтетъ рядную всю сплошь, и всяку особно
Истолкуетъ въ ней статью. Сынъ меньшой недавно
Начавъ азбуку, теперь чтетъ склады исправно.
Въ деревнѣ своей копать началъ онъ прудъ новый,
Тому изъ кармана планъ вытаща готовый,
Тотъже часъ подъ носъ тебѣ разсмотрѣть положитъ,
Иль на ту стать ножики и вилки разложитъ.
Сочтетъ сколько въ ней земли, что беретъ оброку,
Къ какому всякъ у него спѣетъ овощъ сроку,
И владѣльцевъ всѣхъ ея другъ за другомъ точно
Отъ потопа самаго, и какъ она прочно

Изъ руки въ руку дошла къ нему съ приговору
Судей, положа конецъ долгу съ дядей спору,
Милуетъ же тебя Богъ, буде онъ осаду
Азовску еще къ тому не прилѣпитъ сряду,
Рѣдко милуетъ ее, и день нуженъ цѣлый
Выслушать всю повѣсть ту. Полководецъ зрѣлый
Много онъ тамъ почудилъ, всегда готовъ къ дѣлу,
Всегда пагубенъ врагу. Тутъ то ужъ безъ мѣлу,
Безъ верьви кроить обыкъ, безъ аршина враки,
Правды гдѣ — гдѣ крошечны увидишь ты знаки.
Да гдѣ все то описать, что онъ въ столъ наскажетъ?
. . . .
. . . .
Весь въ пѣнѣ, въ поту, унять устъ своихъ не знаетъ,
Не смѣетъ плюнуть, сморкнуть, и тогда онъ чаетъ,
Что весь ухо, языка во рту не имѣешь;
Говорить тебѣ не дастъ; хоть дастъ,—не успѣешь.

Кантемиръ подражалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Латинскимъ сатирикамъ Ювеналу и Горацію, а въ другихъ Французскому Буало; но естьли бы сіи стихотворцы жили послѣ него, то конечно въ подобныхъ сему мѣстахъ, собственно Кантемиру принадлежащихъ, не отрѣклись бы подражать ему. Здѣсь продолжаетъ онъ выводить на позорище разные пороки. О лицемѣрѣ, или ханжѣ говоритъ:

Когда въ гостяхъ за столомъ и мясо противно,
И вина не хочетъ пить; да то и недивно,
Дома съѣлъ ужъ каплуна, и на жиръ и сало
Бутылки Венгерскаго съ нуждой запить стало.

О самолюбивомъ, отвергающемъ всѣхъ другихъ заслуги и достоинства, пишетъ:

. . . . О себѣ Гликонъ ужъ противно
Разсуждаетъ, всякое слово его дивно,
Всѣ поступки, образцы; что въ умъ ему вспало,
Не оспоришь во вѣки; дивится немало,
Что главноправленіе всего Государства
Царь давно не далъ ему во знакъ благодарства.
Въ умъ свой не можетъ вмѣстить, что не всѣ вздыхаютъ
Дѣвицы по немъ, кои любви сладость знаютъ.
Собою наполненъ весь, себя лишь чтить смыслитъ,
По своимъ годамъ починъ щастья людей числитъ,
Чая, что смысленна тварь глазъ, ухо имѣетъ
Для того, чтобъ дивиться тому, что онъ дѣетъ,
И слушать, что говоритъ; а то бы и дѣла
Не осталось тѣмъ двумъ частямъ нашего тѣла.

Гордаго описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Въ палату вшедши Ирканъ, гдѣ много народу,
Раздвинетъ всѣхъ, какъ корабль плывущъ сѣчетъ воду,
И хоть бы зналъ, что много злата съ плечъ убудетъ,
Нужно продраться впередъ; позади не будетъ!

По описаніи же многихъ его чванствъ, оканчиваетъ сими стихами:

Мнитъ онъ, что вещество то, что плоть ему дало,
Было не такоеже, но нѣчто сіяло
Предъ прочими; и была то фарфорна глина
Съ чего онъ; а съ чего мы, навозная тина!

Потомъ изображаетъ злоязычника, потомъ льстеца, потомъ недовѣрчиваго. Опи-

савъ различныя подозрѣнія, которыми сей послѣдній ежечасно безпокоится, въ заключеніе говоритъ:

. . . . . . Въ такомъ непрестанно
Безпокойствѣ жизнь свою нуритъ окаянно.
Я бъ на такомъ не хотѣлъ принять договорѣ
Ни самой царской престолъ: скучило бъ мнѣ вскорѣ
И царско тягло. Суму предпочту въ покоѣ
И бѣдство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревогѣ, волненію ума, непрестанну,
Хоть бы въ богатство вели, въ славу несказанну:
Часто быть обманутымъ предпочту конечно,
Нежель недовѣріемъ мучить себя вѣчно.

Потомъ изобразя мученіе завистливаго, который между прочимъ:

У бѣднаго воина, что съ двадцать лѣтъ служитъ,
Ощупавъ въ карманѣ рубль, еще теперь тужитъ.

Сатирикъ обращается къ Ѳеофану и прерывая самаго себя, говоритъ:

. . . . . Да не пора ль, муза моя, губы
Прижавъ, кончить нашу рѣчь? Сколь наши ни любы
Намъ рѣчи; мѣру въ нихъ знать здравый смыслъ насъ учитъ,
Всякому лишно долга рѣчь, уху наскучитъ,
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ мнѣ идетъ слово;
Ѳеофана чаешь ли не имѣть иново
Дѣла, развѣ выспаться, до сыта покушать,
И поджавъ руки весь день стихи мои слушать?

Здѣсь приписывая многія похвалы Ѳеофану, и говоря музѣ своей, что онъ лучше ея знаетъ разнообразіе страстей человѣ-

ческихъ, оканчиваетъ сатиру свою сими стихами:

Сколько главъ, столько охотъ и мыслей различныхъ;
Моя есть стихи писать противъ неприличныхъ
Дѣйствъ и словъ: ктоже мои (и я не безъ пятенъ)
Исправитъ, тотъ честенъ мнѣ будетъ и пріятенъ.

Въ четвертой сатирѣ *къ музѣ своей*, унимаетъ онъ ее, чтобъ она перестала осмѣивать людскіе пороки Уже и такъ многіе, говоритъ онъ, видя себя какъ въ зеркалѣ въ стихахъ твоихъ, дышатъ на меня гнѣвомъ: иной обвиняетъ безбожникомъ, за чѣмъ злословлю бороду, другой Государственнымъ преступникомъ, за чѣмъ похуляя пьянство, умаляю казенный доходъ, и проговоря сіе, начинаетъ опять ее упрашивать:

Муза, свѣтъ мой! слогъ твой мнѣ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый,
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ
Часто слезъ издателю причиной бываютъ.
Знаю, что правду пишу, и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу;
Да правда рѣдко люба, и часто не къ стати.
Ктоже отъ тебя когда хотѣлъ правду знати?

Потомъ говоря музѣ своей: за чѣмъ плакать о томъ, что другіе хромаютъ душою? продолжаетъ:

Буде смѣешь указать ты на Ювенала,
Персія, Горація, мысля, что какъ встали

Имъ отъ Сатиръ не бѣда, но многая слава;
Что какъ тожъ Боало причастникъ былъ права,
Такъ ужъ и мнѣ, что слѣды ихъ топчу, довлѣетъ
Тожъ счастье. Позволь сказать, что умъ твой
шалѣетъ.
Истая Зевсова дочь перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ пре-
восходнымъ
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таково? безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ чернца однѣ рясы!

Сія похвала иностраннымъ писателямъ и умаленіе предъ ними собственныхъ своихъ достоинствъ, дѣлаетъ честь скромности нашего Сатирика; но впрочемъ онъ дарованіями своими не много имъ уступаетъ. Хотя часто говоритъ онъ языкомъ простолюдиновъ, однако въ семъ языкѣ здравый смыслъ, простая и сильная правда гораздо лучше многихъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ, какъ гласитъ Руская пословица, *умъ заходитъ за разумъ.* Далѣе, увѣщевая музу свою писать похвалы людямъ, говоритъ онъ:

Но вижу, муза, ворчишь, жмешся и краснѣешь
Являя, что ты хвалить достойныхъ не смѣешь,
А въ ложныхъ хвалахъ терять ты не хочешь время.

Потомъ описываетъ трудность стихотворенія; говоритъ, что въ молодости своей писалъ онъ многія любовныя пѣсни, о ко-

торыхъ теперь раскаевается. Шутитъ надъ плѣнниками любви, и какъ бы удаленный уже отъ мірскихъ суетъ погружается въ важныя размышленія и говоритъ:

Забываю прошлое, и какъ мнѣ невольно
Будущее учредить время, такъ и мало
О томъ суечусь, готовъ принять, что ни пало
Изъ руки Вышняго Царя въ мою долю.
О числѣ моихъ дней жду тихъ его же волю;
Честна жизнь нетрепетна и весела идетъ
Къ неизбѣжному концу вѣдая, что внидетъ
Тѣми дверьми въ новые вѣки непрестанны,
Гдѣ тишина и покой царствуетъ желанный.

Напослѣдокъ согласясь съ музою, что никакой другой родъ писанія ему не нравится, оканчиваетъ бесѣду свою съ ней слѣдующими стихами:

Однимъ словомъ, Сатиру лишь писать намъ сродно,
Въ другомъ неудачливы; съ правомъ же несходно
Моимъ, не писавъ прожить въ лѣности съ тобою.
Каковъ бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно,
И правда, ужъ отъ того и уняться трудно,
Когда тотъ, кто латынью чуть помазалъ губы
Хвастаетъ наукою, и оскаливъ зубы
Смѣется, и скучитъ всѣмъ долгими рѣчами,
Мня, что мудрость говоритъ къ намъ его устами;
Когда хлѣбникъ въ золотѣ и цугомъ катится;
Раздутой ужъ матери подъячій стыдится,
И бояръ одниxъ въ родню принять ему нравно;
Когда мѣльникъ, кой съ волосъ стрясъ муку недавно,
Кручинится, и ворчитъ, и жмуритъ глазами,
Что въ палатѣ подняли мухи пыль крылами.

Вотъ какъ умѣлъ Кантемиръ изображать чванство разбогатѣвшихъ, или сдѣлавшихся знатными людей! Что можетъ быть забавнѣе, какъ представить себѣ мѣльника, который прежде съ утра до вечера, весь въ мукѣ, слушалъ безпрестанное стучаніе колесъ, и котораго теперь шумомъ своимъ безпокоятъ мухи? Онъ жмурится отъ поднимаемой ими пыли! Какая замысловатая и шутливая кисть для описанія людскихъ нравовъ! Въ заключеніе Сатиры своей говоритъ онъ, что подобнымъ сему людямъ сочиненія его не могутъ нравиться; но что онъ подъ сильною защитою матери отечества ни чьего гнѣва не опасается, и что стихи его довольно принесутъ пользы и славы, когда исправляя пороки, будутъ благоразумнымъ читателямъ пріятны. Щастливы тамъ стихотворство и науки, гдѣ истина всѣми уважается, и гдѣ брани и клеветы раздражаемыхъ ею невѣждъ всѣми презираются.

Пятая сатира его всѣхъ прочихъ длиннѣе. Она состоитъ изъ разговора между Сатиромъ и Періергомъ, то есть любопытнымъ. Стихотворецъ сдѣлалъ вымыслъ, что будто Панъ, веселый богъ лѣсовъ, посылаетъ чрезъ всякіе три года по нѣскольку подвластныхъ ему Сатировъ, дабы они, нарядясь въ людское платье, жили въ разныхъ

городахъ, примѣчая обряды, дѣйствія и нравы людей, и что будто сіи посланные по возвращеніи своемъ расказываютъ ему все видѣнное ими, а онъ слушаетъ ихъ съ смѣху надсажаясь. Сатиръ, которому досталось жить въ странѣ стихотворца, наскуча своею должностью, скидаетъ съ себя свои наряды и говоритъ:

Сильна Пана воля будь, хоть мнѣ смерть случится,
Не возможно ужъ съ людьми въ городѣ ужиться.
Нравы наши межь собой чрезъ мѣру различны,
Къ тому жъ уборы ихъ мнѣ со всѣмъ неприличны:
Безпокоятъ чрезъ мѣру. Красотѣ радѣя,
Какъ осла златомъ себя тягчатъ; руки, шея,
Ноги, чресла спутаны: недруги покоя
Зимой отъ стужи, лѣтомъ не кроютъ отъ зноя.
Провалитесь отъ меня тягости златые
Глупцамъ чтительны, и вы кудри накладные;
Довольно уже страдалъ я въ вашемъ обманѣ.

Періергъ, увидя раздѣвающагося Сатира, удивляется и распрашиваетъ его, кто онъ и откуду? Сатиръ, увѣдомивъ его о посольствѣ своемъ, расказываетъ потомъ, какъ и гдѣ онъ жилъ, и что видѣлъ. Такимъ образомъ стихотворецъ открываетъ уму своему широкое поле прогуливаться и замѣчать людскія слабости и пороки. Мы представимъ здѣсь нѣкоторыя токмо мѣста. Сатиръ, по вступленіи въ городъ, увидѣлъ много пьяныхъ, и удивляясь сей человѣческой страсти добровольно дѣлаться

безобразнымъ и лишать себя здравія и разсудка, говоритъ:

Когда я умъ углубилъ, о томъ разсуждая,
И вину неистовству такому не зная
Сыскать; приступилъ ко мнѣ старикъ сановитый
Сѣдою красенъ брадой, брюхомъ знаменитый
Пространнымъ; красно лице жиромъ все оплыло,
Чуть видны подо лбомъ глаза, и голосъ унылой.
Что ты, дружокъ, думаешь, стоя здѣсь безъ дѣла?
Сказалъ мнѣ, по платью зрю и по строю тѣла,
Что ты къ работѣ угожъ; буде ты охоту
Имѣешь служить, я дамъ сносную работу.
Мнѣ нуженъ вѣрный слуга, ты доволенъ мною
Будешь безъ лишнихъ трудовъ; будь лишь чистъ душою.

Сатиръ принялъ его предложеніе, пошелъ съ нимъ, чтобъ ему служить, и дорогою осмѣлился спросить у него о причинѣ такого въ городѣ пьянства:

. . . . Старикъ со слезами
Вздохнувъ отвѣчалъ: дитя! не дивись межъ нами
Безпорядку такому; свѣтъ уже сѣдъ, таетъ
Къ концу приближаяся; злой нравъ истребляетъ
Добрую склонность людей, они сладку 'чаютъ
Чашу, что чувствамъ манитъ, хоть въ ней ядъ глотаютъ.

Здѣсь старикъ съ великимъ умиленіемъ расказываетъ ему, какъ предки наши, провождая жизнь безпорочную, и желая другихъ тому же научить, между прочими постановленіями учредили нѣсколько дней въ году, называемыхъ праздниками съ тѣмъ

намѣреніемъ, чтобъ люди, оставляя въ оные обыкновенныя работы свои, упражнялись въ благочестивыхъ дѣлахъ и молитвахъ; но (продолжаетъ) людскіе пороки преобратили то во зло, такъ что исполняется одна только часть сего устава, то есть, праздность, а другая вмѣсто благочестія и молитвъ посвящается злочинію и сумасбродству. Послѣ сего ихъ разговора Сатиръ приходитъ за господиномъ своимъ въ домъ его и узнаетъ, что онъ цѣловальникъ, сынъ портнова, и выросъ въ домѣ у стряпчаго. Вскорѣ поручаетъ онъ ему должность носить воду изъ рѣки и лить въ вино. Впрочемъ (говоритъ о немъ Сатиръ):

. . . . . Утрени, часовъ, обѣдни, вечерни
Вѣкъ свой онъ не пропущалъ; но слѣдуя черни
Праздникъ въ пьянствѣ провождалъ, но продавалъ
въ будни
Воду, что въ вино вливалъ въ праздникъ по полудни.
Нѣсколько разъ ужъ я ту должность исправляя,
Гнулъ спину и руки теръ; хотѣлъ знать какая
Причина, что весь народъ воду покупаетъ?
Куды ты глупъ! онъ сказалъ, вѣдь народъ не знаетъ,
Что воду я въ бочки лью, и вино приходитъ,
А не воду покупать, кто въ кружало входитъ;
Вино, являя на всѣхъ скотскіе признаки,
Влечетъ, инакъ бы не зрѣлъ въ домѣ ни собаки.
Услышавъ то хохотать я сталъ изъ всей мочи,
И старикъ буры на мя распяливши очи,
Чему смѣешься? спросилъ, на что отвѣчаю:
Не задолго прежъ сего ты самъ, какъ я чаю,
Съ слезами въ глазахъ тужилъ, что народа нравы
Кончиной свѣта грозятъ, что святы уставы

Въ зло употребляются, и ругаясь пьянству,
Изъяснилъ слѣдства того вредныя гражданству.
А ты же причину зла множишь самъ безстыдно!
Дрова метая въ огонь пожаръ гасить трудно!
. . . .
. . . .
Видно, отвѣчалъ старикъ, что умъ твой по тѣлу
Грубъ, и не въ людяхъ ты росъ, такъ ты врешь не къ дѣлу.
Кромѣ того, что товаръ дорогъ мнѣ приходитъ
Въ лавку, сколько, знаешь ли, въ подаркахъ исходитъ
Судьѣ, дьяку и писцу, кои пишутъ, правятъ
И крѣпятъ указы мнѣ? И сколько заставятъ
Башмаковъ однихъ избить, пока тѣ достану?
Сколько жъ даромъ испою Сенькѣ да Ивану,
Ходакамъ, и ихъ слугамъ, что и спятъ съ стаканомъ?
Не ужъ то мнѣ Богъ велитъ торговать съ изъяномъ?
Вымолвивъ, тотчасъ меня сбилъ съ двора, молебенъ
Обѣщався пѣть, чтобъ Богъ, каковъ мнѣ потребенъ
Умъ даровалъ, языка отнявъ половину.

По изгнаніи отъ сего цѣловальника Сатиръ переходилъ изъ дома въ домъ, служа разнымъ господамъ, простымъ и знатнымъ и находя вездѣ много такихъ расказовъ, которымъ Панъ будетъ смѣяться. Напослѣдокъ (продолжаетъ онъ) вступилъ я въ службу къ Милону, который былъ неубогой гражданинъ, и къ которому тѣмъ охотнѣе я шелъ:

. . . . Что мужъ онъ казался
Всему свѣту тихъ и святъ: да въ сѣть я попался.
Прожилъ я съ нимъ пять недѣль, одинъ во всемъ домѣ
Слуга худо кормленный и спя на соломѣ,

Дѣвка въ поварнѣ одна, я съ утра до ночи
Пятерымъ хозяевамъ служа, со всей мочи
Надсажался, снесъ бы трудъ, естьлибы стерпѣти
Могъ стропотной семьи нравъ, но жена и дѣти
И самъ Милонъ часъ пробыть безъ шуму несильны,
И столь яры у себя, сколь въ людяхъ умильны.
Мала вещь, мало словце имъ причина ссоры
И крикъ межъ собой несутъ, что дрожатъ подпоры
И стѣны дома. Добро, естьлибъ межъ собою
Ссорясь въ трудахъ дали мнѣ нѣсколько покою.
Но та бѣда, ссоры ихъ всегда такъ кончались,
Что тучи надъ головой моей разрывались,
Какъ бы долженъ за всю ихъ шалость отвѣчати
Одинъ, и за вины ихъ казнь претерпѣвати.
Однажды въ избу я вшедъ, нашелъ всю въ соборѣ
Семью, горитъ куча свѣчь, попъ въ святомъ уборѣ,
Сказалъ въ себѣ: господа собрались молиться,
Посмотрю, страху тушъ нѣтъ чтобъ могли браниться;
Но въ тотъ самый часъ одинъ изъ дѣтей, не знаю,
За чѣмъ вошедъ матерней платокъ, кой при краю
Лежалъ стола, уронилъ. Буря тотчасъ встала,
Отецъ сперва, потомъ мать волноваться стала,
И молитвы, и кресты, и земны поклоны,
Различно сына ругать не даютъ препоны,
Винный извиняется, братья заступаютъ
Ворча, слово за слово ссору подымаютъ,
Шумъ и громъ; ужъ не слыхать ни чтенья ни пѣву.
Попъ видя, что ужъ пришло дѣло не къ издѣву,
Спѣшитъ утолять огонь. Ему подражая
И я прошу перестать, вину представляя
Распри маловажну быть, и что тутъ къ молитвѣ,
Гдѣ любовь нужна, сошлись, не къ брани и битвѣ.
Но вдругъ вижу, что свѣчи и книги летаютъ,
На попѣ ужъ борода и кудри пылаютъ,
И туша кричитъ, бѣжитъ въ ризахъ изъ палаты.
Хозяинъ за мой совѣтъ, мнѣ вмѣсто уплаты,
Налоемъ въ спину стрельнулъ; я съ лѣстницъ скатился.

Не знаю, какъ только цѣлъ, внизу очутился.
Спадшіе кудри мои тотчасъ схвативъ, роги
Прикрылъ, и ударился безъ оглядки въ ноги.

Сколько стихотворецъ нашъ игривъ и забавенъ въ описаніи подобныхъ сему смѣшныхъ явленій, столько же искусенъ въ подражаніи чужестраннымъ писателямъ и важенъ въ нравоучительныхъ разсужденіяхъ. О непостоянствѣ и легкомысліи человѣческомъ устами Сатира говоритъ онъ людямъ:

Несчетныхъ страстей рабы, отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба.
. . . .
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ!
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ;
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто, и что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно!

Здѣсь описывая, что люди часто недовольны бываютъ состояніемъ своимъ и всегда завидуютъ другому, подражаетъ онъ Горацію, но сохраняя всѣ его мысли, такъ хорошо умѣлъ вложить жалобы въ уста судьи, купца, пахаря, воина, что всѣ они по образу рѣчей своихъ, кажутся быть Рускими; на примѣръ: солдатъ жалуясь на состояніе свое говоритъ:

. . . . Чортъ, не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чѣмъ нѣту!

Въ шестой Сатирѣ своей выхваляетъ онъ жизнь умѣренную и добродѣтельную, утверждая, что алчное исканіе богатствъ и почестей часто принуждаетъ насъ прибѣгать къ способамъ предосудительнымъ и низкимъ. Часто, говоритъ:

Съ пѣтухами пробудясь, нужно потащиться
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ переднихъ томиться,
Полдни торчать на ногахъ, съ холопы въ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя. По обѣдѣ
Таже жизнь до вечера: ночь вся безпокойно
Пройдетъ, думая, къ кому поутру пристойно
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнуть шею и спину,
Что слугѣ въ подарокъ, что понесть господину.
Нужно часто полыгать; небылицѣ вѣрить,
Что одною скорлупой можно море смѣрить:
Господскую сносить спѣсь, признавать, что родомъ
Моложе Владиміра однимъ только годомъ,
Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрой;
Кривую жену его называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить острошу природну;
Не зѣвать, когда онъ самъ несетъ сумасбродну.
Нужно благодѣтелемъ звать того, другаго,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакаго.
Или долженъ ты (продолжаетъ Сатирикъ:)
. . . . торчать при дворѣ съ утра до полночи
Съ отвѣсомъ въ рукахъ, и сплошь напяливши очи,
Чтобъ съ веревки не скользнуть; а между тѣмъ свищетъ,
Славолюбіе въ ушахъ, что кто славы ищетъ,

На первой степени тотъ остаться стыдится;
Итакъ повторяя трудъ лѣтъ съ тритцать нурится,
Лѣтъ съ тритцать бѣдную жизнь станешь продолжати,
Чтобъ къ цѣли твоей возмогъ весь дряхлъ добѣжати.

Что пользы (говоритъ онъ), что ты разными происками, неправдами и криводушными дѣлами достигнешь напослѣдокъ до того, что:

Всѣ тебя, какъ бы божка, кадить и чтить тщатся,
Всѣ больше, нежъ чучела, вороны боятся?
Искуство само твой домъ создало пространный,
Гдѣ все, что Италія, Франція и странный
Китайскъ умъ произвели, зрящихъ удивляетъ.
Всякой членъ твой въ золотѣ и въ камняхъ блистаетъ,
Которы шлетъ Индія и Перу обильны,
Такъ что лучей отъ тебя глаза снесть несильны.

Будешь ли ты (вопрошаетъ онъ) чрезъ то покоенъ, и долго ли сокровищами своими наслаждаться станешъ? Пусть еще, когда бы ты могъ прожить два или три вѣка;

Да лихъ человѣкъ родясь, имѣетъ на силу
Время оглядѣться вкругъ, и полезть въ могилу,
И столь короткую жизнь еще ущербляютъ
Младенчество, старость, болѣзнь; а дни такъ летаютъ,
Что напрасно будешь ждать себѣ ихъ возврату.
Что жъ столь тяжкой сносить трудъ за столь малу плату
Я имѣю, и терять золотое время,

Оставляя изъ дня въ день злонравія сѣмя
Изъ сердца изкоренять? Пропадутъ степени
Пышны и сокровища, какъ за пусты тѣни
Басенный песъ опустилъ изъ зубъ кусокъ мяса.
Добродѣтель лучшая есть. наша украса;
Тишина ума при ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе.

Напослѣдокъ заключаетъ:

Мудрая малымъ прожить природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не
мучитъ.
Достать нетрудно доходъ не великъ и сходенъ
Съ состояніемъ твоимъ; а потомъ свободенъ
Отъ прихотной зависти тамъ остановися.
Степенямъ блистающихъ именъ не дивися
И богатствъ большихъ; живи тихъ, ища, что
честно,
Что и тебѣ и другимъ пользуетъ нелестно
Къ нравовъ исправленію; слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми житъ будетъ конечно.
Да хоть бы не вѣдомъ дни скончалъ, и по смерти
Свѣту остался забытъ; силенъ ты былъ стерти
Зубъ зависти, ни трудовъ твоихъ мзда пропала;
Добрымъ быть, собою мзда есть ужѐ немала.

Въ седьмой сатирѣ своей къ Князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому стихотворецъ говоритъ, что часто люди стараются пороки свои извинять слабостію природы человѣческой; но что такое мнѣніе не можетъ ихъ оправдывать; ибо всякая и добрая земля, когда станешь лѣниться воздѣлывать ее, обростетъ худою травою. Здѣсь коснувшись воспитанія, которое всего болѣе

способствуетъ къ посѣянію въ насъ худыхъ или хорошихъ склонностей, продолжаетъ онъ:

Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенческо зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу, и искуства всѣ должны подать руки.

Когда (говоритъ) съ малыхъ лѣтъ, украся умъ свой знаніями и сердце добродѣтелями, сдѣлаешся ты извѣстенъ и отличенъ, тогда всѣ будутъ тебя искренно почитать; но естьли ты сихъ достоинствъ не будешь въ себѣ имѣть, то на какой бы ты ни былъ степени, народъ

Дивиться станетъ тебѣ, но любить не станетъ,
Хвалы твои изъ его устъ нужда потянетъ,
. . . .
Добродѣтель лишь одна можетъ намъ доставить
Покойну совѣсть, предѣлъ прихотямъ уставить,
Повадить тихо смотрѣть щастья грудь и спину,
И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.

Далѣе продолжаетъ онъ о воспитаніи дѣтей:

Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы
Наскучишь, истребишь въ нихъ всяку любовь славы:
Естьли часто предъ людьми обличать ихъ станешь,
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,

Буде станешь торопить лишне спѣша дѣло,
На единѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Нежъ суровость въ цѣлой годъ, кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость, и безвременно торопѣть повадитъ.
Щастливъ, кто надеждою похвалъ возбудить знаетъ
Младенца, много къ тому примѣръ пособляетъ;
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скорѣе.
Примѣръ наставленія всякаго сильнѣе:
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орлій птенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій мучитъ
Курицъ въ дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ;
Утята лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, ни совѣтъ; того не имѣютъ,
Сего не льзя имъ подать; подражать умѣютъ.

. . . .

Естьли бъ я сыновнюю имѣлъ унять скупость,
Описавъ злонравія, и гнусность и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнатій бѣденъ
Надъ кучею злата; сухъ, печаленъ и блѣденъ,
Всякой часъ мучитъ себя: мнишь ли ты щастливу
Жизнь въ обильствѣ такову? Естьли бъ чрезъ чуръ тщиву
Руку его усмотрѣлъ, пальцомъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю расказалъ бы
Потомъ жизнь Клеархову чрезъ мѣру прохладну.

Примѣры (продолжаетъ онъ) сильно дѣйствуютъ надъ нами:

. . . . Часто дѣти были бы честнѣе,
Естьли бы мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.
Правдой и неправдою мнѣ копится куча
Денегъ, и степень достать высоку жизнь муча,

Нужусь; полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю,
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю;
Однихъ щастливыми я зову лишь обильныхъ,
И сотью то въ часъ твердя, завидую сильныхъ
Своевольству я людей, и дружбу ихъ тщуся
Всячески снискать себѣ, убогимъ смѣюся:
А однакожъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался,
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ, силы
Будетъ важной, и идти станетъ сынъ тропою,
Котору протоптану видитъ предъ собою.
И съ какимъ лицомъ журить сына ты посмѣешь,
Когда своимъ наставлять его не умѣешь
Примѣромъ, когда въ тебѣ видитъ то всечасно;
Что винишь, и ищетъ онъ, что хвалишь, напрасно?
Если молодаго мать рака обличаетъ
Кривой ходъ: „прямо сама поди, отвѣчаетъ,
„Я за тобой поплыву, и подражать стану."

Старайся, говоритъ стихотворецъ отцу и матери, старайся самъ:

. . . . Всякаго убѣгать порока;
Естьли не льзя, скрой его отъ младенча ока.
Когда гостя ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подмѣтаетъ
И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду;
Ты самъ вездѣ суешься, обѣгаешь всюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь, чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а ты же не тщишься
Поберечь младенцевъ глазъ, ему не стыдишься
Открыть свою срамоту. Гостя ближе дѣти,
Большу бережь ты для нихъ долженъ бы имѣти.

Въ осьмой и послѣдней сатирѣ своей стихотворецъ между прочимъ говоритъ о себѣ, что хотя любилъ онъ осмѣивать злонравіе и пороки, однакожъ всегда опасался ясныхъ примѣтъ личности.

Когда я, говоритъ онъ, пишу стихи, то какъ осторожный рудометъ, боюсь, чтобъ излишнимъ впущеніемъ остреея не дать больному глубокой раны. Для того (продолжаетъ):

Кончавъ дѣло, на долго тетрадь въ ящикъ спрячу.
Пилю и чищу потомъ, и хотя истрачу
Большу часть прежнихъ трудовъ, новыхъ не жалѣю;
Со всемъ тѣмъ стихи свои я казать не смѣю.
Стыдливымъ, боязливымъ, и всегдà собою
Недовольнымъ быть, во мнѣ природы рукою
Втиснено, иль отческимъ совѣтомъ изъ дѣтства.

Всегда, продолжаетъ онъ, вѣрилъ я:

. . . . Что лице, на коемъ садится
Часто красный цвѣтъ стыда, вдвое становится
Красивѣе, и даетъ знаки неоспорны
Внутреннія доброты.

Сіи похвальныя свойства стихотворца нашего показываютъ, что онъ далекъ былъ отъ тѣхъ Сатириковъ, которые не противъ невѣжества и пороковъ вооружаются, но противъ человѣка, осуждающаго тѣ недостатки и страсти, которымъ они чувствуютъ себя подверженными. Сверхъ Са-

тиръ находимъ мы въ Кантемировыхъ сочиненіяхъ: четыре краткія пѣсни, письмо къ Трубецкому, нѣсколько басенъ и эпиграммъ. Мы предложимъ здѣсь только первую пѣснь, для показанія лирическаго стихотворства его.

Тщетную мудрость міра вы оставьте,
Злы богоборцы! Обративъ кормило,
Корабль свой къ брегу истинны направьте;
Теченье ваше досель блудно было.

Признайте Бога, иже управляетъ
Тварь всю своими создану руками.
Той простеръ небо, да въ немъ намъ сіяетъ,
Далъ солнце, свѣта источникъ, съ звѣздами.

Той луну, солнца лучи преломляти
Научивъ, темный шаръ свѣтить заставилъ,
Имъ зрятся чудны сіи претекати
Тѣлеса воздухъ, и въ нихъ той уставилъ

Теченій мѣру, порядокъ и время,
Итакъ увѣсилъ всѣ махины части,
Что нигдѣ лишня легкость, нигдѣ бремя;
Другъ друга держатъ, и не могутъ пасти.

Егоже словомъ въ воздушномъ пространствѣ
Какъ мячикъ легкой, такъ земля катится;
Въ травъ же зеленомъ и дубравъ убранствѣ,
Тутъ гора, тамъ долина гордится.

Той изъ источникъ извелъ быстры рѣки
И пескомъ слабымъ велѣлъ сохраняти
Морямъ свирѣпымъ свой предѣлъ во вѣки,
И вѣтрамъ легкимъ далъ съ шумомъ дышати.

Разны животныхъ оживилъ онъ роды;
Часть перомъ легкимъ въ воздухъ тѣла бремя
Удобно взноситъ, часть же сѣчетъ воды,
Ползетъ иль ходитъ грубѣйшее племя.

Съ малой частицы мы блата сплетенны
Тогожъ въ плоть нашу всесильными персты,
И устенъ духомъ его оживленны;
Онъ намъ къ понятью далъ разумъ отверстый.

Той черный облакъ жаркимъ раздѣляя
Перуномъ, громко гремя устрашаетъ
Землю и воды и дальнѣйша края
Темнаго царства быстръ звукъ досягаетъ.

Низитъ высокихъ, низкихъ возвышаетъ;
Тушъ даетъ, что тамъ восхотѣлъ отъяти.
Горамъ коснувся дымѣть понуждаетъ;
Маніемъ міръ весь силенъ потрясати.

Эпиграммы его имѣютъ также много соли и остроты. На примѣръ слѣдующая *на гордаго новаго дворянина:*

Въ великомъ числѣ вельможъ Силванъ всѣхъ глупѣе,
Не богатѣй, не старѣй, дѣломъ не славнѣе;
Для чего же, когда имъ кланяются люди,

Кланяются и они; Силванъ одинъ груди
Напяливъ, даже кивнуть головой лѣнится.
Кувшинъ съ молокомъ сронить еще онъ боится.

Заключимъ изъ сего чтенія Кантемировыхъ сочиненій, что тѣ несправедливо разсуждаютъ о семъ знаменитомъ стихотворцѣ, которые думаютъ, будто слогъ его устарѣлъ и не можетъ болѣе приносить удовольствія читателямъ. Хотя слухъ нашъ (можно сказать по нещастію) пріученъ къ нѣкоторой слишкомъ единообразной въ стихахъ мѣрности, къ нѣкоторымъ не только новымъ оборотамъ и выраженіямъ, но даже мыслямъ изнѣженнымъ и весьма удаленнымъ отъ силы и простоты древнихъ писателей; однакоже умъ нашъ не долженъ походить на глаза наши, которыми по большой части управляетъ привычка, и которые сего дня любятъ красные, а завтра голубые цвѣты. Въ наукахъ и словесности знаніе долженствуетъ быть гораздо постояннѣе, иначе оно не будетъ *знаніе*. Кантемиръ останется навсегда такимъ стихотворцемъ, которымъ Россійская словесность по справедливости хвалиться можетъ.

ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Предувѣдомленіе. Рѣчь сія передѣлана изъ нѣкотораго найденнаго въ рукописи сочиненія, поднесеннаго Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ подъ названіемъ: *ПЕТРЪ Великій въ ЕЛИСАВЕТѢ воскресшій, року* 1744, *мѣсяца Августа* 22 *дня*. Сочинитель въ концѣ предисловія подписался такъ: *Полку Малороссійскаго Чернѣговскаго сотнѣ Менской сотникъ Григорій Кузмѣнскій*. Рѣчь сія въ подлинникѣ расположена такимъ образомъ, какъ пишутся надписи, то есть на подобіе неравной мѣры стиховъ, или паче строкъ составленныхъ безъ стопъ и безъ рифмъ. Она изобилуетъ многими хорошими мыслями и выраженіями, но оныя смѣшаны съ нѣкоторыми обветшалыми, и даже иностранными рѣченіями, таковыми какъ *кавалерскій прогностикъ*, и тому подобными, такъ что необыкновенность однихъ мѣстъ помрачаетъ красоту другихъ, и вообще отни-

маетъ много отъ ея достоинства. Сего ради, дабы извлечь сіе впрочемъ весьма изрядное сочиненіе, изъ глубины забвенія, въ которомъ оно погружено было, разсудилъ я за благо перепранить оное, такъ чтобъ не перемѣняя прежняго вида его, перемѣнить токмо темныя, или недовольно сильныя, или необыкновеннымъ образомъ сказанныя въ немъ мѣста. Нѣсколько излишняя плодовитость, ни мало однакожъ не наскучивающая, и нѣкоторыя повторенія, всегда однакожъ различнымъ образомъ предложенныя, требовали бы можетъ быть сокращенія; но я не позволялъ себѣ столько, чтобъ чужое сдѣлать своимъ. Я поновилъ токмо слогъ сей рѣчи, облекъ ее въ нынѣшнюю одежду, и не прибавилъ можетъ быть ничего къ старинной ея силѣ и красотѣ.

Отринь печаль твою,
возрадуйся паки, Россія,
златые дни твои вспять возвратилися:
ПЕТРЪ воскресъ въ ЕЛИСАВЕТѢ,
ПЕТРЪ,
котораго великихъ дѣлъ
ни исчислить, ни описать не возможно;
ибо исчисленіе утомляетъ память,
описаніе побѣждаетъ умъ.

Итакъ
не къ тому простремъ помыслъ нашъ,
да достойное воздадимъ достойному;
не въ безпредѣльный Океанъ

дерзновенно пустимся,
но токмо при краѣ онаго
да плаваемъ робко.

ПЕТРЪ едва рождается,
ужѐ матери Россіи приноситъ вѣчную радость,
союзникамъ торжество,
супостатамъ страхъ.

Еще пеленами повитый,
начинаетъ ужѐ Россію разрѣшать отъ печалей:
возрастающу бо младенцу расла купно матери надежда;
надежда сія процвѣтала еще дома,
а всему свѣту была ужѐ извѣстна.

Съ млекомъ купно сосалъ Онъ премудрость,
разумомъ преуспѣвалъ еще болѣе, нежели возрастомъ.
Отъ юныхъ ногтей
толико воинскимъ напоилъ себя духомъ,
что многимъ, или паче всѣмъ,
казался быть чадомъ Марса,
чадомъ оружія.

Тако,
рожденный сѣдѣть со славою на престолѣ,
возрасталъ въ величествѣ
именемъ и дѣломъ твердый,
непоколебимый ПЕТРЪ.

Смотрящимъ на дѣтскія Его игранія
сомнѣніе наводилъ,
крѣпость ли превосходитъ въ немъ разумъ,
или разуму уступаетъ крѣпость.

Видя остроту ума
всякому мнилось,
что сама премудрость была Его воздоитедьницею.

Взирая на подвиги и дѣянія,
всякъ чаялъ новаго въ Немъ видѣть Геркулеса,
или паче единственнаго ПЕТРА;
ибо рыцарскія того дѣла
язычество баснословными украсило вымыслами,
а сего великіе, подъятые имъ труды,
сама истина
устами своими проповѣдуетъ.

Се твердость Россіи не преодолима!
чрезъ многія лѣта была она колеблема,
не имѣя крѣпкаго основанія;
но отнынѣ непоколебима,
на не подвижномъ камнѣ основана:
камень сей ПЕТРЪ.

Торжествуй Россія!
врата адовы не одолѣютъ тебя.

ПЕТРЪ твой,
отрокъ еще сущи,
не царскою тщеславился одеждою,
не на мягкомъ покоился одрѣ;
но нѣжными членами своими,
въ желѣзные облеченъ латы,
жесткое угнѣталъ ложе.

Вмѣсто дѣтскихъ забавъ,
обращался съ искусными,
посѣдѣвшими во браняхъ полководцами.

Не позлащенными увеселялся чертогами,
но воинскими въ полѣ шатрами.
Успокоеніе Его было шумъ оружія;
утѣхи Его были ратные труды.
Прежде, нежели скипетръ
принялъ въ десницу мечъ.
Устроя воинство
Самъ первый былъ вкупѣ солдатъ и Монархъ;

обучая военному искуству;
Самъ первый былъ обучающійся воинъ.
Не успѣлъ еще
придти къ совершенству возраста,
какъ уже печальную и страждущую Россію
утѣшилъ и ободрилъ,
обуздалъ и связалъ злобу,
на мѣстѣ внутреннихъ мятежей,
раздоровъ и грабительствъ,
посѣялъ покой и тишину.

Извнутрь премудрый, извнѣ грозный,
миролюбивъ съ друзьями,
страшенъ праведнымъ гнѣвомъ врагу,
гдѣ только огнь издавало оружіе,
тамъ всегда былъ Онъ первый.
Укрылъ на время высочайшую свою Особу
и царскую честь,
да любимаго отечества славу явитъ всему міру.

Ввѣрялъ здравіе свое далекимъ путямъ
на землѣ и на морѣ,
да отверзетъ подданнымъ путь
въ чуждыя невѣдомыя прежде страны.

Кратко сказать:
не щадилъ своей жизни,
презиралъ опасности,
лишался покоя,
горѣлъ на солнцѣ, мокъ на дождѣ,
тѣломъ и духомъ
долговременно и неусыпно
работалъ и трудился,
да обогатитъ и прославитъ на вѣки
возлюбленную свою Россію.

О ты,
созданная ПЕТРОМЪ страна,
торжествуй!

внимай радостно, воспоминай великіе,
ради пользы твоей подъятые,
Монарха твоего труды.

Онъ себя умаляетъ, да вознесетъ тебя;
пріемлетъ образъ раба,
да тебя страшною всему міру
владычицею сотворитъ.

Путешествуетъ по многимъ странамъ,
вникаетъ, обозрѣваетъ, учится,
беретъ въ руки сѣкиру,
да содѣлаетъ,
что нѣкогда иностранные народы
отъ тебя учиться будутъ.

До тѣхъ поръ
таился подъ образомъ сына твоего,
доколѣ явственно показался отцемъ твоимъ;
до тѣхъ поръ
скрывалъ себя въ видѣ малаго человѣка,
доколѣ весь свѣтъ призналъ Его великимъ.

О Россія!
Коликихъ трудовъ и подвиговъ
стоила Ему честь твоя и слава!
Первый твой отецъ Владиміръ
породилъ тебя вѣрою во Христа,
вторый твой отецъ ПЕТРЪ
породилъ тебя силою и славою безсмертною.

Тотъ сдѣлалъ тебя страшну невидимому врагу,
Сей славну и страшну видимымъ супостатамъ.

Сколько прежде ругались тебѣ иностранцы,
столько нынѣ со страхомъ почитаютъ и прославляютъ тебя;
сколько прежде неискуству твоему
многіе издѣвались,

столько нынѣ разуму и храбрости твоей
весь міръ удивляется.
Не ложно ПЕТРЪ названъ великимъ:
гдѣ Царь и купно рабъ?
гдѣ духъ толико твердый?
гдѣ мужество непобѣдимое?
Но какимъ многотруднымъ ПЕТРЪ до имени
Великаго,
до имени Отца отечества,
достигъ путемъ,
разсмотримъ, о Россіяне!
Высокая порода и царскій долгъ рекли ему:
храни государства твоего предѣлы,
зависть же ненасытная
стѣснять ихъ устремлялась.
Не потерпѣлъ сего ПЕТРЪ,
воскипѣлъ въ Немъ Отецъ отечества:
вооружается,
идетъ,
неправедно нападающую силу
праведнымъ отразить оружіемъ.
Ополчаются неискусные Россіяне,
летятъ торжествовать
надъ искуснымъ и страшнымъ непріятелемъ.

Мужественный ПЕТРЪ
не смотритъ на стройные враговъ полки,
не ужасается сильныхъ силы,
не считаетъ никого непобѣдимымъ;
съ неопытнымъ воинствомъ своимъ
вступаетъ въ сраженіе и побѣждаетъ:
се первый шагъ ПЕТРОВЪ!
въ семъ первомъ подвигѣ
толикую получилъ Онъ славу,
колико чудно
неискуснымъ побѣдить искусныхъ,
и толикимъ студомъ исполнилъ супостатовъ,
колико срамно
искуснымъ быть побѣжденными отъ неискусныхъ.

Радуется Россія,
чудится дѣламъ Его Европа,
удивляется вселенная.

ПЕТРЪ летаетъ изъ славы въ славу,
годы премѣняетъ въ часы,
не успѣваютъ давать Ему имена:
изъ ПЕТРА дѣлается Великій,
изъ Великаго Отецъ отечества,
изъ Отца отечества Императоръ!
Отоманская луна,
не однократно,
изогнувъ выю
мнила рогами своими
пробость ПЕТРА,
чая быти его составленна
изъ мягкаго тѣла;
но обманулась въ намѣреніяхъ своихъ,
ощутивъ въ ПЕТРѢ твердость
сильные роги ея сокрушившую.

Ужѐ славный Азовъ и крѣпкій Кизикерменъ
въ рукахъ Петровыхъ.

Но сіе ли единое?
гдѣ не былъ,
въ какихъ мѣстахъ не гремѣлъ
побѣдоносный на поляхъ Полтавскихъ побѣдитель?
Видѣла Его Ингрія, Карелія, Эстонія, Ливонія;
трепетала Курляндія, Литва, Польша;
ощущала шумъ оружія Его Померанія,
Голштинія, Финляндія.

ПЕТРЪ
многія обширныя страны,
которыя непріятель,
слухомъ прихода Его устрашенный,
оставилъ пустыми,
безсмертною исполнилъ славою.

Въ темныхъ обстоятельствахъ дальновиденъ,
въ сомнительныхъ случаяхъ не сомнителенъ,
въ новыхъ затрудненіяхъ
новъ всегда плодовитаго ума изобрѣтеніями.

Хотя непрестанныя брани
истощали иногда силы Его и способы,
но бодрствующаго въ немъ духа
никогда не преодолѣвали.

Коликократно въ брань вступалъ,
толикократно исходилъ побѣдителемъ.

ПЕТРЪ былъ кротокъ нравомъ;
ибо ни единому изъ подданныхъ своихъ не нанесъ
вреда,
кромѣ токмо вредъ нанести хотящимъ.

ПЕТРЪ былъ крѣпокъ духомъ;
ибо никому изъ непріятелей не уступилъ,
кромѣ токмо побѣжденному.

ПЕТРЪ былъ смиритель гордости:
высокихъ стѣнъ башни
и къ небу возносящихся крѣпостей верхи
ломалъ Онъ и равнялъ съ землею.

ПЕТРОВО честолюбіе было:
возвеличить Россію,
посвятить себя ей,
подвизаться мужественно,
сносить труды,
быть великимъ.

Се по истиннѣ Россійскій Юпитеръ,
Россійскую Минерву рождшій.

Онъ
Россію

озарилъ свѣтомъ,
отечественное небо наше
сенатомъ, коллегіями, фабриками,
мануфактурами, училищами,
аки звѣздами
украсилъ,
да слава Россіи,
какъ новое солнце
взойдетъ
и возблистаетъ величественно.

ПЕТРЪ сѣдѣлъ на престолѣ
окруженъ служащими Ему добродѣтелями:
никого не озлобилъ, кромѣ озлобляющаго;
никого не уничижилъ, кромѣ гордаго.

оружіе свое на того токмо поднималъ,
кто отвергалъ миръ Его.

Земледѣлецъ съ земледѣльцами,
художникъ съ художниками,
воинъ съ воинами,
мудрецъ съ мудрецами,
въ полѣ повелитель,
въ рукодѣліяхъ сотрудникъ,
въ училищахъ наставникъ,
собесѣдникъ,
покровитель,
всегда и вездѣ ПЕТРЪ,
войною непобѣдимый,
миромъ достохвальный,
великодушіемъ славный,
благочестіемъ высокій,
ревностію по отечествѣ отецъ.

Природа,
видя въ немъ крѣпкій составъ тѣла,
наименовала Его непреодолимымъ;
добродѣтель,

видя въ немъ духъ мужественный,
нарекла Его Великимъ;
милосердіе вручило Ему мечъ правды,
правда поднесла Ему свои вѣсы.

Вѣкъ цвѣтущей младости,
который многіе провождаютъ въ домашнихъ
утѣхахъ,
провелъ Онъ внѣ отечества,
для пользы его,
въ трудахъ неутомимыхъ.

Единая истинна
руку Его ополчала,
по ея токмо повелѣнію двигалъ оружіе,
побѣждалъ,
но и въ побѣдахъ Его
торжествовала милость.

Злато было у Него такъ легко,
что никогда не перевѣшивало правосудія;
желѣзо такъ тяжело,
что презрителей верховной власти Его
въ конецъ угнѣтало.

Злато отдавалъ Онъ въ пользу народа,
желѣзо хранилъ для защиты царства.

Никого не осуждалъ на смерть,
кромѣ смерти достойныхъ;
И хотя миролюбивъ былъ,
однако не выпускалъ изъ рукъ оружія,
но такъ владѣлъ онымъ,
что паче предложеніемъ мира,
нежели подъятіемъ меча,
искалъ сломить супостата.

Чрезъ всегдашнее
начальнѣйшихъ добродѣтелей употребленіе

толико себѣ присвоилъ оныя,
что казалось не ученіемъ пріобрѣлъ ихъ,
но что онѣ отъ природы были въ него вліянны.

Введеніемъ воинскаго благоустройства
толико обезопасилъ Россію,
что никогда враговъ своихъ бояться не будетъ.

Онъ
Россійское царство
именемъ Имперіи украсилъ,
оружіемъ укрѣпилъ, миромъ оградилъ,
науками просвѣтилъ,
славою препоясалъ.

Гдѣ ни былъ,
съ миромъ, или съ войною,
отовсюду износилъ славу:
миръ увѣнчевалъ Его побѣдоноснымъ лавромъ,
война масличную подносила ему вѣтвь.

Тако царствовалъ,
тако жилъ,
доколѣ приближился къ вѣчному блаженству,
къ воспріятію неувядаемаго вѣнца безсмертія;
но и тогда,
какъ въ жизни приобыкъ
промышлять полезное отечеству,
такъ и въ горнія отходя селенія,
величайшую ему промыслилъ пользу,
оставя по Себѣ
наслѣдницею престола
матерь отечества
возлюбленную супругу Свою
ЕКАТЕРИНУ,
которая
трудовъ Его неисчетныхъ
была соучастница
твердостію души Ему подобная.

Съ Нею ПЕТРЪ раздѣлялъ всѣ страхи,
съ Нею переносилъ противности случаевъ,
съ Нею преодолѣвалъ всѣ трудности,
съ Нею въ сомнительныхъ обстоятельствахъ совѣтовалъ
съ Нею распространялъ государство.

Она была Ему другъ,
помощникъ, сотоварищъ, сотрудникъ.

Въ Ней провидѣлъ Онъ толикую бодрость духа,
и толикую къ заслугамъ Ея
имѣлъ признательность,
что возложеніе на главу Ея короны своей
почиталъ единою
достойною Ея наградою.

ПЕТРЪ
провидѣлъ въ Ней и то,
что чрезъ Нее по смерти Своей воскреснуть имѣетъ,
какъ и по истиннѣ воскреслъ,
когда отъ ложеснъ Ея родилъ
возлюбленную дщерь,
Елисавету.

Торжествуй Россія!
ПЕТРЪ не сложилъ съ Себя короны Своей;
но токмо земную премѣнилъ на небесную.

ПЕТРЪ не умеръ!
ПЕТРЪ живъ!
о неслыханная радость!
величайся и ликовствуй Россія!
ты желала,
да ПЕТРЪ твой на вѣки будетъ безсмертенъ,
и се имѣешь Его безсмертнаго въ Елисаветѣ!
ты желала,
да образъ Его предъ очами твоими пребудетъ,

и се живый образъ Его видишь въ Елисаветѣ!
ты съ воздыханіемъ воспоминала,
держала въ сердцѣ,
воображала нравы Его,
и се находишь ихъ въ Елисаветѣ!
весь свѣтъ удивлялся ПЕТРУ,
нынѣ удивляетъ его Елисавета,
плодъ ПЕТРОВЪ.
Дѣло по истиннѣ чудное:
ПЕТРЪ
тѣломъ лежитъ во гробѣ,
духомъ живетъ въ Елисаветѣ!
Елисавета есть образъ Петровъ,
Его душа,
Его подобіе;
единымъ токмо разнствуетъ отъ ПЕТРА:
ПЕТРЪ былъ мужъ, Елисавета дѣва;
но то еще и паче удивленія достойно,
или лучше сказать и самое удивленіе превосходитъ:
мужескому полу свойственно
быть мужественну,
неутомиму,
трудоносну;
нѣжное женское сложеніе къ сему неудобно:
и такъ,
зря Елисавету во всемъ подобну ПЕТРУ,
не ясно ли видимъ,
что сила Божія
въ немощи дѣвической совершается?
Се наша храбрая Юдиѳь!
се Россійская Камилла!
се паче Амазонскія, Христіянская Пантазилея,
дщерь ПЕТРА Великаго,
духъ Петровъ,
многоцѣнная вѣтвь,
отъ древа царей
къ благополучію Россіи произрастшая!
и какъ лѣторасли
благоплодовитыхъ древесъ

отъ самаго малаго возраста показуютъ,
какіе плоды
природа опредѣляетъ ихъ носить:
тако Елисавета
еще въ младенческихъ лѣтахъ
образомъ и дѣйствіями явлила,
какую великую Самодержицу
предуготовляетъ въ Ней Богъ.

Не воспящаетъ Ей дѣвическое тѣло
рыцарскими блистать подвигами;
не препятствуетъ Ей нѣжность сложенія,
ни роскошное Царское воспитаніе,
ни толпящіяся у престола утѣхи,
ниже сладко шепчущая въ уши лесть,
обращаться въ трудахъ,
промышлять благо народное,
вѣсить правосудіе,
равнять силу съ немощію,
хранить законы,
мѣрять покой и славу царства,
шествовать по стезямъ родителя своего.

Елисавета
отъ ПЕТРА
приняла жизни своей начало;
ПЕТРЪ
по скончаніи Своемъ
остался живъ въ Елисаветѣ:
ПЕТРЪ родилъ Елисавету,
Елисавета воскресила ПЕТРА.

Она
и образомъ, и дѣлами, и житіемъ, и нравомъ,
Ему подобна,
отъ крови Его рожденна,
отъ костей Его взята:
и чтожъ иное отъ великаго,
какъ не великое произойти можетъ?
о счастливая Россія! ты паки видишь ПЕТРА.

ПЕТРЪ былъ исполнитель правосудія,
Елисавета хранительница правды;
ПЕТРЪ былъ ревнитель благочестія,
Елисавета утвердительница вѣры;
ПЕТРЪ просящимъ миролюбивую простиралъ руку,
Елисавета и къ супостатамъ снисходительна;
ПЕТРЪ былъ къ кающимся милостивъ,
Елисавета великодушна къ преступившимся;
ПЕТРЪ былъ медленный преступниковъ наказатель,
Елисавета нижѐ въ помыслѣ имѣла мщеніе.

ПЕТРЪ во время жизни Своей распространялъ отечество,
Елисавета по отшествіи Его распространяетъ оное.

Тако
возлюбленная дщерь
нравами уподобляется отцу,
но уподобляется Ему такожъ и дѣлами:
ПЕТРУ наводили безпокойство отверженные стрѣльцы,
Елисавета терпѣла отъ домашнихъ вознесенныхъ ею рабовъ;
твердый духъ ПЕТРОВЪ,
по воспріятіи самодержавной власти,
различные опасные случаи
поколебать стекались;
Елисавету тѣжъ самыя обстоятельства,
прежде и послѣ пріятія короны,
много утруждали.

ПЕТРУ пресѣкали онѣ путь къ славѣ,
Елисаветѣ къ престолу.
Елисавета ПЕТРУ
единымъ токмо не равнялась,
но превзошла:
ПЕТРОВО пареніе къ славѣ
воспрепятствовано было на краткое время,
Елисавета пятнадцать лѣтъ
боролась съ противностями.

ПЕТРЪ мятежи усмирилъ желѣзомъ,
Елисавета страхомъ и милосердіемъ.

ПЕТРЪ имѣлъ множество внѣшнихъ супостатовъ,
Елисавета же и внутреннихъ.

Чудное сходство случаевъ:
кто ПЕТРУ Великому врагомъ былъ,
тотъже самый враждебствовалъ и Великой Елисаветѣ!
ПЕТРЪ войну окончалъ миромъ,
Елисавета тотъже ослабшій миръ вѣчно укрѣпила,
и милосердіемъ связала;
ибо ничто мирныхъ обязательствъ не связуетъ такъ крѣпко,
какъ милосердіе:
Оно,
подобно солнцу
равно на нищихъ и богатыхъ свѣтящему,
содержитъ своихъ въ вѣрности,
супостатовъ же въ постоянствѣ.

Такъ и наша Великая Монархиня,
сіе
Богомъ данное намъ солнце,
равно какъ собственныхъ чадъ своихъ,
такъ и смирившихся враговъ,
милосердія озаряетъ лучами.

О ты
во брани самой брани страшнѣйшая,
въ тишинѣ самой тишины любезнѣйшая,
Самодержица наша!
не могли лукавые мятежники
ПЕТРОВЪ къ славѣ остановить полетъ,
Не могли и Тебѣ
зложелатели Твои
пресѣчь ко престолу путь.

Промыслъ Всевышняго избралъ тебя,
да совершитъ начинанія ПЕТРОВЫ.

Что ПЕТРЪ къ пользѣ и славѣ Россіи насадилъ,
то Елисавета напояетъ и возращаетъ.

ПЕТРЪ для благосостоянія церкви
Святѣйшій устроилъ Синодъ,
Елисавета приличнымъ содержаніемъ и честію
подкрѣпляетъ его.

ПЕТРЪ для пользы отечества
Правительствующій составилъ Сенатъ,
Елисавета уваженіемъ и милостями къ нему
содержитъ его въ достопочтеніи.

ПЕТРЪ посѣялъ науки,
Елисавета питаетъ ихъ,
да прозябнутъ и дадутъ плодъ свой.

ПЕТРЪ для правосудія и блага общенароднаго
разныя учредилъ коллегіи,
Елисавета поощреніемъ и наградою трудовъ
рождаетъ въ нихъ ревность и усердіе.

ПЕТРЪ къ непреоборимой защитѣ отечества
ввелъ въ войска свои благоустройство и подчиненіе,
Елисавета довольствуетъ, снабдѣваетъ ихъ,
воздаетъ заслугамъ,
отличаетъ подвиги.

ПЕТРЪ прибытка ради завелъ разныя мануфактуры,
фабрики,
Елисавета, да не умалится прибытокъ,
поддерживаетъ ихъ,
приводитъ въ цвѣтущее состояніе.

Словомъ сказать:
дни ПЕТРОВЫ не пресѣклися,

ибо весь Великій ПЕТРЪ,
воскресшій, или паче не умиравшій,
живетъ
въ дѣвическомъ тѣлѣ Елисаветы.

И дабы ПЕТРЪ
никогда не отлучался отъ насъ,
премудрая Монархиня наша,
къ безсмертной памяти и славѣ
Его и Своей,
Богомъ вдохновенная,
наслѣдникомъ ПЕТРОВА и Своего престола
опредѣляетъ
возлюбленнаго и вседражайшаго племянника,
Благочестивѣйшаго Пресвѣтлаго Государя
и Великаго Князя
Петра Ѳеодоровича,
да Петра облечетъ въ Петра,
Петра оживотворитъ въ Петрѣ,
и Петровы златые дни
да возвратитъ и продолжитъ Петромъ.

О новая премудростію Ольга!
о новая красотою Елена!
внемлите народы:
кто другъ,
почитай ПЕТРА въ Елисаветѣ;
кто врагъ,
бойся Ее:
Она ПЕТРОВЪ образъ и духъ въ себѣ носитъ.

Дарованій Ея изчислить
самъ разумъ не въ силахъ:
Она преславныя дѣла скорѣе можетъ дѣлать,
нежели я писать.

Строптивые сосѣды,
разрушающіе тишину,
преклоните предъ Нею оружіе,

возложите на главу Ея лавры,
подъ ноги Ея побѣдоносныя
подстилайте
масличныя вѣтьви.

Величай Россія матерь свою,
возвратившую тебѣ благоденствіе и покой,
воскресившую тебя
воскрешеніемъ ПЕТРА.

О великоименитая Монархиня наша!
живи въ помощи вышняго.

Искушала тебя скорбями и печалями,
еще въ юношествѣ твоемъ,
злоба лукавыхъ,
воспящая тебѣ путь ко престолу;
искушалъ супостатъ,
имени твоему
и славѣ оружія твоего
завиствующій;
но внѣшнихъ и внутренних враговъ
побѣдила Ты преславно;
Сама Себя
содѣлала безсмертною.

Гремишь оружіемъ,
сіяешь милосердіемъ;
единымъ побѣждаешь враговъ,
другимъ плѣняешь подданныхъ:
тако надъ своими и надъ чужими
равно владычествуешь.

Да благоговѣютъ къ Тебѣ свои,
да любятъ Тебя чужіе.

Живи Монархиня,
храни въ себѣ ПЕТРА,
продли златой Россіи вѣкъ.

Блаженна и счастлива наречется земля,
когда вся будетъ Елисаветина.

Но что продолжаю слова?
сколько усердіе мое
воскрилнется прославить твое величество,
столько неискуство мое
слава твоя неописанная побѣждаетъ.

Живи,
Матерь народовъ;
процвѣтай,
Величайшая Монархиня;
буди
въ ПЕТРѢ и съ ПЕТРОМЪ
славою безсмертна.

РАЗСМОТРѢНІЕ РѢЧИ

Синодальнаго Члена Преосвященнаго Георгія, Архіепископа Могилевскаго, Мстиславскаго и Оршанскаго.

Краткая рѣчь сія говорена была во Мстиславлѣ Генваря 19 дня 1787 года, на случай прибытія въ сей городъ путешествовавшей тогда по Россіи блаженной памяти Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великой. Мало такихъ сочиненій, которыя бы въ толь немногихъ строкахъ соумѣщали толикое великолѣпіе и красоту мыслей: сего ради предложимъ сперва самую рѣчь, а потомъ уже разсмотримъ оную въ подробности.

Пресвѣтлѣйшая Императрица!

Оставимъ Астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается: наше Солнце вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Изходиши, милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешися, яко испо-

линъ шещи пушь. Отъ края моря Балтійскаго до края Евксинскаго шествіе твое, да шако ни единъ изъ подданныхъ швоихъ укрыется благодѣтельныя теплошы швоея. Хошя же мы и покоимся швоимъ безпокойствіемъ, и не негорькими хожденіями швоими сидимъ сла̀дко всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, яко же Израиль во дни Соломона; однако, солнечнику цвѣшу подобясь, шуда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе шеченіе швое.

Тецы убо, о Солнце наше! спѣшно; шецы исполиными стопами во всѣхъ швоихъ благонамѣреніяхъ: къ Западу шолько жизни швоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая, къ небу возопіемъ: стой Солнце и не движись, дондеже вся, великимъ швоимъ намѣреніямъ прошивная, шоржественно побѣдиши.

Разсмотрѣніе.

Оставимъ Астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается: наше солнце вкругъ насъ ходитъ. Какое важное и великолѣпное начало! достойное шоль великой Монархини и купно чадолюбивой машери, каковую Россія созерцала въ ЕКАТЕРИНѢ Второй. По истинѣ была она для ней сіе

прекрасное, лучезарное, благотворящее всей природѣ свѣтило. Итакъ, при таковомъ расположенiи чувствъ народныхъ единое изреченiе: *наше солнце*, наполняетъ уже сердца слушателей сладкимъ восторгомъ и благоговѣнiемъ къ той, которая дѣйствительно въ сiе время, подобно солнцу обтекающему мiръ, путешествуя обтекала Россiю. Но искусный проповѣдникъ не удовольствовался изображенiемъ одного ея великолѣпiя, возбужденiемъ одного въ душѣ моей благоговѣнiя; нѣтъ, онъ въ тожъ самое время возбуждаетъ еще благодарность и любовь мою къ ней, сказавъ: *и ходитъ для того, да мы въ благополучiи почиваемъ*. Потомъ обращаясь къ ней говоритъ: *исходиши милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего*. Какъ пристойно помѣщены здѣсь сiи взятыя изъ Священнаго Писанiя слова! Женихъ исходитъ изъ чертога своего украшенъ, благозраченъ, веселъ: такъ и она представляется мнѣ блистающею лучами славы, исходящею изъ великолѣпныхъ храминъ своихъ, осклабляющеюся лицемъ во утѣшенiе предстоящимъ окрестъ ея народамъ. *Радуешися яко исполинъ тещи путь*. Какъ кратко и сильно сiе выраженiе! одинъ Славенскiй языкъ удобенъ въ толь не многихъ словахъ соумѣщать такое богатство мыслей. Выраженiе сiе значитъ: ,,имѣя въ

себѣ духъ и силы, однимъ великимъ мужамъ свойственныя; имѣя въ себѣ душу, любящую благодѣтельствовать роду смертныхъ; ты съ радостію, съ веселіемъ устремляешся на всякій подвигъ; чѣмъ больше предлежитъ трудъ, тѣмъ сильнѣе возгараешся ты желаніемъ предпріять оный для блага народнаго." *Отъ края моря Балтійскаго до края Евксинскаго шествіе твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрыется* — мы нынѣ охотнѣе говоримъ *укроется.* Чего укроется? *благодѣтельныя теплоты твоея.* Прекрасно! холодъ всю природу умерщвляетъ, холодъ есть образъ жестокости. Теплота напротивъ солнечная, благотворная теплота, всякое существо, всякую травку согрѣваетъ, оживляетъ, питаетъ. Теплота есть образъ милосердія: слово сіе весьма здѣсь прилично. *И не негорькими хожденіями твоими сидимъ сладко.* Двѣ отрицательныя частицы дѣлаютъ здѣсь красоту. Скажемъ: *и не совсѣмъ или не вовся горькими*, хуже. Отнимемъ ихъ, выйдетъ: *и горькими хожденіями* — не хорошо! слишкомъ много сказано; положена чрезъ мѣру яркая, досаждающая взору краска; надлежитъ пристойною тѣнію смягчить оную, надлежитъ сказать: *и не негорькими хожденіями твоими* — но что такое *хожденія?* труды, подвиги, бдѣнія, попеченія, смѣшанныя съ нѣкоторыми

отдохновеніями, особливо же съ удовольствіемъ видѣть народъ свой благоденствующимъ. Сими-то *не негорькими ея хожденіями* пребываемъ мы въ противномъ тому состояніи: *сидимъ сладко.* Гдѣ? *всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею.* То есть въ дому своемъ, посредѣ семейства своего, подъ кровомъ безопасности, въ тѣни изобилія и спокойства, питаясь отъ собираемыхъ рукою трудолюбія въ мирѣ и тишинѣ плодовъ земныхъ. *Яко же Израиль во дни Соломона.* То есть: какъ народъ Израильскій во времена премудрѣйшаго изъ царей. *Однако солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе твое.* Какое чувствительное и нѣжное изъявленіе любви и усердія! можетъ ли что быть естественнѣе и приличнѣе сего уподобленія? извѣстно, что цвѣтокъ, называемый солнечникомъ или подсолнечникомъ, обращаетъ всегда лице свое въ ту страну, гдѣ солнце, такъ какъ бы имѣя смыслъ и зрѣніе, любовался имъ и не хотѣлъ ни на минуту выпустить его изъ глазъ своихъ. Таковыми и насъ дѣлаетъ проповѣдникъ, вѣщая, что мы, хотя сидя на мѣстѣ и не слѣдуемъ за сею великою путешественницею, однако же и очи и сердца наши туда обращаемъ, гдѣ видимъ, или слы-

шимъ быть наше лучезарное солнце, возлюбленную нашу Владычицу.

Тецы убо, о солнце наше! спѣшно; тецы исполиными стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ. Весьма хорошо; но послушаемъ какой послѣ сего прекраснаго взыванія удивительный слѣдуетъ оборотъ: *къ Западу только жизни твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, яко же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая, къ небу возопіемъ: стой солнце и не движись, дондеже вся, великимъ твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши.* Вотъ что называется превыспреннимъ въ словесности изреченіемъ, о которомъ Лонгинъ говоритъ, что оно внезапу, какъ молнія, поражаетъ души наши, и производитъ въ нихъ чувствованіе восторга и удивленія. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь *стой солнце* есть такое превыспреннее выраженіе, которому едва ли не уступятъ славныя Корнеліевы *moi* *) и *qu'il mourût* **). Ѳеофанъ, при погребеніи ПЕТРА Великаго, началъ проповѣдь свою сими словами: *что слышимъ? что видимъ, о Россіяне? ПЕТРА Великаго погребаемъ!* съ произношеніемъ послѣдняго изъ сихъ словъ самъ онъ не могъ удержаться отъ рыданія, и все, что ни

---

*) Médée, tragédie de P. Corneille Acte I. Scene V.

**) Horace, tragédie du même Auteur. Acte III. Scene VI.

было въ церкви, вмѣстѣ съ нимъ горько зарыдало: толико-то важность обстоятельствъ дѣлаетъ сильнымъ приличествующее онымъ слово! здѣсь въ Георгіевой рѣчи тожъ примѣчаемъ, тажъ сила обстоятельствъ съ силою краснорѣчія соединяется: когда я представляю себѣ знаменитаго первосвященника сего во храмѣ, въ облаченіи, предъ лицемъ вельможъ и народа, простирающаго слово свое къ премудрѣйшей, человѣколюбивѣйшей, величайшей изъ вѣнценосныхъ главъ; когда онъ уже и безъ того давно дышущія къ ней усердіемъ сердца, искуствомъ велерѣчивыхъ словъ своихъ еще болѣе воспламенилъ, такъ что они въ сіе время ничего кромѣ славы ея не видятъ, ничего кромѣ блаженства своего и любви къ ней не чувствуютъ; когда, говорю, онъ, доведя ихъ до сего сладкаго очарованія, вдругъ мысль свою на противное обращаетъ, и какъ бы пораженный страхомъ, чтобъ текущее къ Западу солнце сіе, отрада и утѣшеніе человѣчеству, опустясь въ воды, вселенную не погрузило въ вѣчную тьму, съ ужасомъ возопіетъ: *стой солнце и не движись!* тогда вподлинну сердце мое, трепетомъ и радостію колеблемое, содрагается и чаетъ внимать превышшему смертныхъ существу, повелительнымъ гласомъ своимъ теченіе природы останавливающему!

РАЗГОВОРЪ

между двумя пріятелями о переводѣ словъ съ одного языка на другой.

А. Можно ли слова съ другаго языка переводить на свой языкъ?

В. Переводить не льзя; а можно изъ тѣхъ же словъ, изъ какихъ иностранное слово составлено, составить свое, когда свойство языка сіе позволяетъ.

А. Это почти тоже, что переводить.

В. Не совсѣмъ тоже. Скорѣе можно назвать это изобрѣтеніемъ, или открытіемъ; потому что, хотя чужое слово подало мнѣ мысль, но я бы не принялъ оной, когдабъ соображеніе съ языкомъ моимъ ее не утвердило. Напримѣръ Руское *баснословіе*, по составу своему есть точно Греческое слово *миѳологія*; но какъ оно въ обоихъ языкахъ само въ себѣ знаменованіе свое заключаетъ, то для меня все равно, Руское ли взято съ Греческаго, или Греческое съ Рускаго. Дѣло въ томъ, что я для разумѣнія слова своего не имѣю нужды прибѣгать къ истолкованію Греческаго.

А. Какой же переводъ словъ почитаете вы худымъ?

В. Когда вы, отвергая составъ своихъ словъ, станете гоняться за составомъ чужихъ. Напримѣръ вмѣсто *словесность* станете говорить *письменность*, для того только, что Латинское *litteratura* происходитъ отъ имени *litterae*, значащаго письмена, или вмѣсто *споспѣшествовать*, *совокуплять*, станете говорить *собѣгствовать*, *сосредоточивать*, для того только, что Французскія слова *concourir*, *concentrer*, сей составъ имѣютъ. Вотъ это называется переводить, и названіе сіе сугубо прилично сему дѣйствію, потому что оно въ самомъ дѣлѣ *переводитъ*, то есть истребляетъ собственныя свои, и вводитъ въ языкъ чужія несвойственныя ему слова.

А. Я не думалъ, чтобъ вы въ число сихъ словъ поставили слово *сосредоточивать*.

В. Можетъ быть я поступилъ съ нимъ строго; но скажите мнѣ, что оно значитъ?

А. Сближать къ срединѣ, или къ средней точкѣ.

В. Понятіе сіе многіе глаголы изъявляютъ: *соединять*, *сжимать*, *стѣснять*, *совокуплять* и проч. Ни одинъ изъ сихъ глаголовъ не значитъ *удалять отъ средней точки*. Но скажите мнѣ, почему вы думаете, что

глаголъ *сосредотогивать* значитъ сближать къ срединѣ, или къ средней точкѣ?

А. Какъ, почему? — потому что слово сіе въ семъ смыслѣ употребляется.

В. Но заключаетъ ли оно само въ себѣ сіе знаменованіе, или по крайней мѣрѣ заимствуетъ ли его отъ свойствъ языка?

А. Я васъ не очень понимаю.

В. Я постараюсь вамъ это яснѣе растолковать. Всякой языкъ составленъ изъ троякаго рода словъ, а именно: 1е, изъ коренныхъ; 2е, изъ отраслей, отъ сихъ корней происшедшихъ; 3е, изъ двухъ разныхъ названій. — Коренныхъ словъ не много: онѣ существуютъ отъ самаго начала языка; отъ нихъ, какъ бы отъ нѣкоего сѣмени, языкъ, на подобіе великаго древа, возрасталъ и расширялъ вѣтви свои. Безсомнѣнія слова сіи долженствовали что нибудь значить, т. е. содержать въ себѣ мысль, но отдаленность времени покрыла непроницаемымъ мракомъ первоначальныя ихъ знаменованія. Какое понятіе, или мысль, заключается въ словѣ *солнце*, мы нынѣ этова уже не знаемъ; но только всѣ вообще принимаемъ звукъ сей, или слово сіе, за дошедшій до насъ знакъ, изъявляющій дневное свѣтило. Итакъ слово сіе, можетъ быть у первородныхъ предковъ нашихъ содержавшее само въ себѣ ясное о семъ свѣтилѣ понятіе, сдѣлалось

для насъ простымъ условнымъ знакомъ, не заключающимъ въ себѣ никакой мысли. При всемъ однакожъономъ распростертомъ рукою времени мракѣ, въ нѣкоторыхъ словахъ проницаемъ мы первоначальное ихъ знаменованіе. Напримѣръ въ названіяхъ *громъ*, *трескъ*, *стукъ* и проч. находимъ тѣжъ самые звуки, какіе слышимъ, когда сіи дѣйствія естественнымъ образомъ совершаются. Итакъ въ семъ случаѣ понятіе наше изъ самой природы почерпается, и слѣдовательно не есть условное, но истинное и прямое, самимъ разумомъ постигаемое. Между тѣмъ такихъ словъ весьма не много; во всѣхъ другихъ не можемъ мы до первоначальнаго знаменованія ихъ добираться; не можемъ сказать для чего рука называется *рукою*; небо, *небомъ*; земля, *землею*. Хотя бы это и нужно было знать, но мы довольствуемся тѣмъ, что сіи условные знаки, глубоко врѣзавшіеся въ воображеніе и память нашу, столько же намъ понятны и ясны, какъ и тѣ, которые мы изъ самой природы извлекаемъ. Сіе можемъ мы сказать о коренныхъ словахъ; но совсѣмъ не въ тѣхъ обстоятельствахъ находятся произшедшія отъ нихъ отрасли: разумъ оныхъ непремѣнно уже долженъ основываться на разумѣ корня, пустившаго ихъ отъ себя. Знаю ли я, или нѣтъ, отъ чего произошло названіе

громъ; но когда изъявляемое симъ знакомъ понятіе вкоренилось твердо въ умѣ моемъ, тогда уже на семъ корнѣ основываю я знаменованія отраслей его, таковыхъ, какъ *громко*, *гремушка*, *погромить* и проч. Здѣсьто, въ изобрѣтеніи сихъ словъ, разумъ мой долженъ руководствоваться знаніемъ свойствъ языка своего. Я имѣю ясное понятіе о *солнцѣ*, но доколѣ не вникну въ языкъ свой, не буду имѣть яснаго понятія о томъ, что называется *солнышко*. Иностранецъ, хотя и посмотритъ въ Словарѣ что значатъ слова: *мать*, *сырость* и *земля*; но, не знавъ хорошенько языка нашего, не будетъ имѣть точнаго понятія о выраженіи *мать сыра земля*. Безъ глубокаго вниканія въ силу словъ, безъ многаго на своемъ языкѣ чтенія, не возможно чувствовать ни красотъ, ни погрѣшностей, часто не покоряющихся никакимъ правиламъ. По сіе время разсуждали мы о коренныхъ словахъ и отрасляхъ, отъ нихъ производимыхъ. Теперь скажемъ нѣчто о сложныхъ словахъ, требующихъ также къ составленію оныхъ не малаго умствованія и соглашенія ихъ со свойствами языка. Онѣ составляются изъ двухъ, или рѣдко изъ трехъ словъ, и въ составленіи ихъ примѣчаются слѣдующія обстоятельства: иногда соединенныя въ сложномъ словѣ простыя слова остаются безъ всякаго измѣненія, и

потому извѣстными знаменованіями своими показываютъ тотчасъ знаменованіе составленнаго изъ нихъ слова. Напримѣръ, почему извѣстно вамъ знаменованіе слова *благодарить*, или слова *твердокаменный?*

А. Потому, что мнѣ извѣстны знаменованія словъ *благо* и *дарить*, *твердо* и *каменный*.

В. Очень хорошо; но въ тѣхъ сложныхъ словахъ, въ которыхъ одно или оба изъ составляющихъ оныя названій, получили какое нибудь измѣненіе, разумъ вашъ не съ такою удобностію открываетъ заключающійся въ нихъ смыслъ. Напримѣръ, вы знаете, что значатъ слова: *высоко*, *низко*.

А. Знаю.

В. Почему вы это знаете?

А. По опредѣленному въ нихъ общимъ употребленіемъ смыслу.

В. Стало быть вы пріемлете ихъ за условные знаки. Но не заключаютъ ли онѣ сами въ себѣ знаменованія своего?

А. Кажется нѣтъ.

В. Вамъ потому это кажется, что вы берете ихъ за простыя слова, а онѣ сложныя.

А. Вы хотите сказать, что первое изъ нихъ составлено изъ словъ *высь око*, а второе изъ словъ *низь око?*

В. Такъ точно. Теперь вы знаменованію

ихъ не просто вѣрите, но такъ сказать разумомъ оное ощупали. Далѣе: почему извѣстно вамъ знаменованіе глагола *благоденствовать?*

А. По тѣмъ же причинамъ, по какимъ извѣстно мнѣ знаменованіе глагола *благодарить*.

В. Нѣтъ; тамъ оба составляющія его слова извѣстны вамъ изъ употребленія; здѣсь же знаете вы только, что такое *благо;* но почему разумѣете вы знаменованіе глагола *денствовать?* онъ не употребителенъ.

А. Да я знаю, что онъ происходитъ отъ слова *день*, которое мнѣ извѣстно.

В. Сего не довольно. Слово *день* измѣняется во многія другія отрасли: *денный*, *денница*, *поденщина* и проч. Всѣ оныя слова имѣютъ разное знаменованіе.

А. Собственно *денствовать* ничего не значитъ.

В. Ничего не значитъ въ употребленіи, но имѣетъ основанный на свойствѣ языка смыслъ, до котораго мы посредствомъ соображенія сего слова съ другими словами доходить можемъ. Напримѣръ въ словѣ *руководствовать*, хотя нѣтъ употребительнаго глагола *водствовать*, однакожъ не трудно понять, что онъ тожъ самое значитъ, что и *водить*. Ежели бы кто сказалъ *нос-*

ствовать, я бы, не взирая на неупотребительность сего слова, понялъ, что онъ разумѣетъ подъ симъ *ночевать*. Равнымъ образомъ и глаголъ *денствовать*, хотя неупотребителенъ, однакожъ знаменованіе его меня не затрудняетъ: я знаю, что онъ значитъ *дневать*, *провождать дни*.

А. Что же вы изъ сихъ разсужденій вывесть хотите?

В. То, что въ словахъ должна заключаться мысль; а иначе онѣ будутъ пустые звуки. Мы видѣли, что въ сложныхъ именахъ и глаголахъ, или оба составляющія ихъ названія сохраняются безъ всякаго измѣненія, и слѣдовательно когда порознь мнѣ извѣстны, то и вмѣстѣ сложенныя понятны, или естьли одно изъ нихъ и получаетъ нѣкоторое измѣненіе, то получаетъ оное по свойству языка, такъ что знаменованіе онаго безъ труда могу я постигать. Теперь посмотримъ, можемъ ли мы тожъ самое сказать о глаголѣ *сосредоточивать*; можемъ ли собственный его, или выводимый изъ подобія съ другими глаголами, находить въ немъ смыслъ. Разсуждалъ ли о семъ тотъ, кто первый употребилъ оный? Мы конечно можемъ изъ сложныхъ именъ дѣлать глаголы, но надобно, чтобы какъ вещь означаемая именемъ, такъ и дѣйствіе означаемое сдѣланнымъ изъ того глаголомъ, были равно

для меня вразумительны. Я понимаю, что *благотворить* значитъ дѣлать благотвореніе; *злословить* значитъ произносить злословіе. Но въ глаголѣ *сосредоточиват* я знаю только, что онъ происходитъ отъ извѣстнаго мнѣ существительнаго имени *средоточіе*, а какое дѣйствіе разумѣть можно подъ глаголомъ *средоточить*, это столько же непонятно мнѣ, какъ естьли бы кто отъ извѣстныхъ всѣмъ именъ *камень*, *дерево*, произвелъ неизвѣстные никому глаголы *камнить*, *деревить*. Правда, что сила предлога *со* намъ извѣстна: онъ во многихъ случаяхъ значитъ соединеніе, совокупленіе чего нибудь вмѣстѣ; но надобно, чтобъ сочиняемые съ нимъ глаголы имѣли какое нибудь, естьли не употребительное, то по крайней мѣрѣ удобопонимаемое значеніе. Когда же знаменованіе ихъ совсѣмъ непонятно, какъ напримѣръ глаголовъ *камнить*, *деревить*, *средоточить*, то уже и соединенные съ нимъ глаголы *сокамнить*, *содеревить*, *сосредоточить*, столько же для меня дики и непонятны. На чтожъ мнѣ то употреблять, что понимать такъ трудно?

А. Глаголъ сей взятъ съ Французскаго глагола *concentrer*, который по точному переводу словъ значитъ *сосредоточивать*, и какое онъ у нихъ имѣетъ знаменованіе, такое же и мы своему даемъ.

В. Такъ не посылаете ли вы меня Рускому языку учиться изъ Французскаго? ежели мы разумъ словъ не изъ своего, но изъ ихъ языка, извлекать должны, то уже вмѣсто *споспѣшествовать*, *сличать*, придется намъ говорить *собѣгствовать*, *сололбить* (т. е. ставить лобъ ко лбу), для того, что они говорятъ *concourir*, *confronter!* Удивительное уничиженіе такъ себя подвергать игу чужаго разсудка, что не смѣть самому разсуждать! не смѣть собственное свое находить хорошимъ и для того только, что оное не похоже на чужое!

А. Да какъ же выразить понятіе *сближить къ рединѣ*, или *къ средоточію?*

В. Словами: *сближить къ срединѣ*, или какъ лучше придется. Напримѣръ: le grand froid concentre la chaleur naturelle: природная теплота отъ великаго холода сжимается, или: великой холодъ стѣсняетъ природную теплоту. Какая мнѣ нужда вмѣшивать тутъ *чужое* слово: великой холодъ *сосредоточиваетъ* природную теплоту? развѣ для того, чтобъ тотъ не разумѣлъ меня, кто не знаетъ по Французски? на чтожъ я по Руски пишу?

А. Слово опредѣляется употребленіемъ: а потому ко всякому новому слову со временемъ привыкнутъ и будутъ ясно понимать оное.

В. Это правда, всякое малоизвѣстное, новое ли оно, или старое вновь возобновленное слово, чрезъ употребленіе дѣлается извѣстнѣе, распространяетъ знаменованіе свое, и становится общимъ и яснымъ. Однакожъ худое употребленіе слова, какъ бы оно ни сдѣлалось общеупотребительнымъ, не можетъ быть принято тѣми любителями словесности, которые читаютъ съ разсужденіемъ и вникаютъ въ силу каждаго слова. Напримѣръ, хотя бы всѣ вмѣсто *должно* писали *довлѣетъ*, но знающій корень сего слова не можетъ на то согласиться, потому что глаголъ *довлѣетъ*, писавшійся прежде *доволѣетъ*, по составу и производству своему, значитъ *довольно*, а не *должно*. Сверхъ сего что значитъ *употребленіе?* Надобно еще слово сіе опредѣлить. Пять, шесть, десять человѣкъ, малоизвѣстныхъ, неискусныхъ въ языкѣ писателей, пріемлющихъ нелѣпое и отвергающихъ прекрасное, могутъ ли служить правиломъ, что̀ употреблять должно, и чего не должно?

А. Да развѣ не льзя къ выдуманному слову привязать смысла?

В. Не льзя. Слово должно раждать смыслъ, и на подобіе сѣмени пускать отъ себя отраели; тогда языкъ цвѣтетъ; иначе онъ только спутывается и безобразится. Напрасно будете вы смыслъ чужаго глагола

concentrer привязывать къ своему глаголу *сосредоточивать*, когда сей онаго въ себѣ не содержитъ. Скажите мнѣ, естьли бы вамъ надобно было изобразить дѣйствіе круга, который сперва часъ отчасу становится меньше, и потомъ опять часъ отчасу начинаетъ становиться больше, какъ бы вы сіе дѣйствіе его изобразили?

А. Я бы сказалъ: кругъ сжимается и разширяется.

В. На чтожъ вамъ хотѣть тоже понятіе изображать страннымъ слогомъ: *кругъ сосредоточивается и разсредоточивается?*

А. Однакожъ не худо, когда мы вошедтія въ языкъ нашъ иностранныя слова станемъ стараться замѣнять Рускими.

В. Весьма похвально и хорошо; но Рускія слова должны почерпаться изъ Рускаго языка, и быть вводимы въ употребленіе чрезъ растолкованіе силы и разума оныхъ. Иначе, почерпнутое изъ чужаго языка, безъ соображенія съ своимъ, Руское слово гораздо хуже иностраннаго, потому что по образу употребленія его въ томъ языкѣ, вводитъ съ собою въ языкъ нашъ чужія рѣчи, приучающія умъ и слухъ нашъ къ ихъ слово-сочиненію, и отвлекающія насъ отъ чувствованія красоты природнаго намъ слога.

А. Между тѣмъ, я думаю, вы согласи-

шесь, что лучше говорить *занимательно*, нежели *интересно*.

В. Отнюдь нѣтъ. Я ни котораго изъ сихъ словъ не употребляю. Одно по тому, что оно не наше; а другое по тому, что не выражаетъ той мысли, какую выражать его насильно заставляютъ. Подобныхъ сему ново-введенныхъ словъ я не терплю, и когда въ книгахъ нахожу ихъ, то всегда на мѣсто оныхъ читаю другія.

А. Мнѣ кажется *занимательно* не новое слово; оно давно уже въ употребленіи.

В. Гдѣ? найдете ли вы его въ духовныхъ и свѣтскихъ нашихъ книгахъ: у Ѳеофана, у Нестора, у Кантемира, у Ломоносова, у Сумарокова, у Казицкаго, у Полетики, у Поповскаго, у Богдановича, у Хемницера, у Крашенинникова, у Лепехина, у Платона, у Хераскова, и прочихъ извѣстныхъ нашихъ писателей? найдете ли его въ Академическомъ Словарѣ?

А. Не уже ли намъ ничего не придумывать? всѣ художества и науки изобрѣтеніями возрастали. Языкъ тоже.

В. Такъ; но способность изобрѣтать получается чрезъ знанія того, что прежде было изобрѣтено. Я вѣрю, что новый Латинскій писатель можетъ краснорѣчіемъ и силою выраженій превзойти Цицерона и Тацита; но не вѣрю, чтобъ онъ достигъ

сего, не читая Цицероновъ и Тацитовъ, не совѣтуясь съ ними, не пріуча изъ нихъ умъ свой къ красотамъ словесности. Откуду дастся ему даръ изобрѣтенія? всякой можетъ выдумывать, но одинъ выдумками своими обогащаетъ, а другой портитъ языкъ.

А. Разсужденіе это справедливо, однакожъ оно нейдетъ къ слову *занимательно*, въ которомъ смыслъ ясенъ, и слѣдовательно оно не портитъ языка.

В. Посмотримъ ясенъ ли въ немъ смыслъ. Вы хотите сдѣлать его равнозначущимъ Французскому слову *intéressant?* такъ ли?

А. Да. При переводѣ книгъ ихъ слово сіе часто насъ затрудняло. Сперва заимствуя отъ нихъ говорили мы *интересно*, а теперь тожъ понятіе выражаемъ своимъ словомъ *занимательно*. Слѣдовательно языкъ нашъ пріобрѣлъ, а не потерялъ.

В. Слова суть изображенія мыслей; и такъ должно ли о нихъ разсуждать?

А. Должно, ибо безъ того не будетъ ни языка, ни словесности.

В. Станемъ же разсуждать. Что значитъ глаголъ *занять?*

А. Сколько мнѣ извѣстно, онъ имѣетъ три значенія: 1е, *занять деньги*, т. е. взять взаймы. 2е, *занять покои въ домѣ*, т. е. расположиться въ нихъ жить. 3е, *занять себя чѣмъ нибудь*, т. е. сыскать себѣ дѣло.

В. Какими словами Французы выражаютъ первое изъ сихъ понятій, *занять деньги?*

А. Emprunter de l'argent.

В. А второе, *занять покои?*

А. Occuper les chambres.

В А третіе, *занять себя чѣмъ нибудь?*

А. S'occuper de quelque chose.

В. Вы видите, что глаголъ *занять* во всѣхъ своихъ значеніяхъ не выражаетъ того понятія, какое хотите вы сообщить производному отъ него слову *занимательно*, и что въ отношеніи его къ Французскому языку, онъ соотвѣтствуетъ глаголу ихъ *occuper*, а не *intéresser*, означающему совсѣмъ иное. Вѣтвь получаетъ силу отъ корня. Производныя слова не могутъ означать такова смысла, какова самъ корень оныхъ въ себѣ не имѣетъ. Когда видали вы, чтобъ отъ яблони раждались орѣхи?

А. Однакожъ въ Рускомъ: *это меня занимаетъ*, часто пріемлется за тоже, какъ бы сказано было: это приноситъ мнѣ пользу, удовольствіе; а потому и *занимательно* содержитъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ понятіе, заключающееся въ словѣ *intéressant*.

В. Это правда; выраженіе сіе употребляется иногда въ семъ смыслѣ; но смыслъ этотъ есть иносказательный, привязанный къ симъ словамъ, а не ихъ собственный. Впрочемъ между Рускими выраженіями: *я*

занимаюсь этимъ и *меня это занимаетъ*, въ настоящемъ ихъ смыслѣ не больше разности, какъ между Французскими: *je m'occupe* и *cela m'occupe*. Тутъ слово *intérêt* не имѣетъ ни малѣйшаго участія. Вы можете еще яснѣе увидѣть сіе изъ слѣдующаго примѣра: ежели бы вы Французскую рѣчь: *je m'occupe à bâtir une maison et cela m'intéresse*, перевели по Руски: *я занимаюсь строеніемъ дома и это меня занимаетъ*, вы бы одно и тоже повторили два раза, не выразя ни мало смысла Французской рѣчи. Ихъ выраженіе: *occupation intéressante* заключаетъ въ себѣ мысль, а наше: *занимательное занятіе*, есть пустословіе.

A. Какъ же бы перевели вы слово *intéressant*?

B. Я уже вамъ сказалъ, что слова не переводятся, а сыскиваются равнозначущія имъ въ своемъ языкѣ.

A. Но когда въ своемъ языкѣ ихъ нѣтъ?

B. Тогда оставьте ихъ и не гоняйтесь за ними. (Здѣсь разумѣется о словахъ, принадлежащихъ къ словесности, а не о тѣхъ, которыя въ наукахъ и художествахъ употребляются). Во всякомъ языкѣ есть такія слова, которыя ему одному свойственны, а другому нѣтъ. Мы также безъ словъ чужому языку сродныхъ обходиться можемъ, какъ чужой языкъ обходится безъ словъ нашему языку сродныхъ. Но здѣсь не тотъ

случай. Не возможно, чтобъ таковыхъ словъ, какъ *intérêt*, *intéressant*, въ нашемъ языкѣ не было.

А. Французскому слову *intérêt* соотвѣтствуетъ наше слово *корысть*; но слову ихъ *intéressant* у насъ нѣтъ соотвѣтственнаго.

В. Почему жъ Французы отъ *intérêt* могли произвесть *intéressant*, а мы отъ *корысть* не можемъ производить *корыстно?*

А. Корыстно? да это совсѣмъ не то значитъ.

В. Мы еще не разсматривали, что оно значитъ. Кажется мы согласились въ томъ, что о словахъ надобно разсуждать?

А. Такъ конечно. Однакожъ постойте, я васъ уличу въ противурѣчіи: какъ же вы не переводите слова, когда подражая чужому языку ихъ дѣлаете?

В. Отнюдь нѣтъ. Я изъ собственнаго слова своего *корысть* извлекаю понятіе *корыстно*, точно какъ Французы изъ своего слова *intérêt* извлекли понятіе *intéressant*. Здѣсь случилось, что какъ наше слово, такъ и Французское, удобны были пустить отъ себя одинакія отрасли; но гдѣ случай сей ихъ языку свойственъ, а нашему нѣтъ, тамъ и дѣлать сего не должно.

А. По крайней мѣрѣ вы хотите внести новое слово.

В. Совсѣмъ нѣтъ. Оно не новое, и не

мною выдуманное; но старое и давно въ нашемъ языкѣ употребляемое. Я вамъ покажу тому примѣры; вотъ они: „*что намъ тако* „*возможетъ полезное и корыстное быти въ* „*вѣцѣ семъ, яко же сіе, еже виновно есть ко* „*истребленію зависти отъ сердецъ нашихъ?*" (Ивика, л. 134.) Здѣсь слова: *что намъ тако возможетъ полезное и корыстное быти*, вы не можете иначе выразить по Французски, какъ не сими словами: *que peut-il être à nous plus utile et plus intèressant* etc. — „*Корыстны* „*ли любопытству нашему грамоты посоль*„*скія и союзы, въ вѣкахъ отдаленныхъ заклю*„*чавшіяся, естьли все сіе не сопряжено съ по*„*будительными причинами, со нравами?*" и пр. (Опытъ повѣств. о Росс. Кн. I). Здѣсь также, *корыстны ли любопытству нашему*, вы не переведете иначе, какъ: *sont-ils intèressants à notre curiositè.*

А. Я согласенъ, что во всѣхъ языкахъ одно понятіе растетъ изъ другаго, и что какъ у Французовъ слово *intèressant* есть самая первородная отрасль отъ слова *intèrêt*, такъ и наше слово *корыстно* есть самая первородная отрасль отъ слова *корысть*, ближайшая и лучше выражающая то понятіе, о которомъ идетъ дѣло, и которое хотятъ выразить словомъ *занимательно*, происходящимъ отъ глагола *занимать*, ни мало оное невыражающаго; но мнѣ кажется *ко*-

рыстно значитъ нѣчто иное. Я помню, что мнѣ случилось нѣгдѣ прочитать: „*корыстные расчеты не были ихъ цѣлію.*“ Здѣсь *корыстный* не то значитъ, что въ приведенныхъ вашихъ выше сего примѣрахъ.

В. Не то. Тамъ подъ словомъ *корыстный* разумѣется *заключающій въ себѣ корысть или пользу;* а здѣсь *корыстный* значитъ *алчущій корысти.* Сіи два понятія почти нераздѣльны. Французы словомъ своимъ *intéressant* еще меньше, нежели мы, различать ихъ могутъ. Мы по тому не различаемъ ихъ, что смѣшиваемъ понятіе, заключающееся въ словѣ *корыстный*, съ понятіемъ, заключающимся въ словѣ *корыстолюбивый;* и дѣйствительно оба сіи понятія, въ словахъ сихъ, отъ одного корня происходящихъ, толь смежны между собою, что различіе ихъ составляетъ, такъ сказать, существенную тонкость языка. Мы яснѣе поймемъ сіе изъ слѣдующихъ примѣровъ: что разумѣете вы подъ словами: *онъ человѣкъ безкорыстный?*

А. Не падкой на корысть, некорыстолюбивый (désintéressé Фр.).

В. А что разумѣете вы подъ словами: *онъ человѣкъ некорыстный?*

А. Безполезный, непріятный, или еще хуже: негодяй (inutile, vaurien, Фр.).

В. Видите, какое различіе дѣлаютъ двѣ

одинакаго рода отрицательныя частицы *безъ* и *не*. Сила сихъ частицъ такова, что иногда онѣ ничего не значатъ, а иногда совсѣмъ перемѣняютъ смыслъ словъ: *безприбыльная* и *неприбыльная деревня*, почти одно и тоже; но *безсребряный* и *несребряный человѣкъ*, великую имѣютъ разность: одно значитъ: человѣкъ *не любящій сребра, безкорыстный*; а другое: *не серебряный*, т. е. *не изъ серебра сдѣланный*. Итакъ хотя *безкорыстный* значитъ *не падкій на корысть* (désintéressé Фр.), и потому *корыстный* можетъ нѣкоторымъ образомъ значить противное тому, т. е. *падкій на корысть*; однакожъ, поелику *некорыстный* не означаетъ того, кто *неnадокъ на корысть*, но того, кто *не имѣетъ въ себѣ ничего пріятнаго, привлекательнаго, приносящаго корысть* (qui n'est point intéressant, n'excite point nôtre intérêt), Фр.); того ради слова въ вышесказанныхъ примѣрахъ, въ первомъ: *что намъ тако возможетъ полезное и корыстное быти*, и во второмъ: *корыстны ли любопытству нашему грамоты* и проч., гораздо яснѣе, нежели слова въ третьемъ примѣрѣ: *корыстные расчеты*; ибо когда бы здѣсь вмѣсто *корыстные* сказано было *корыстолюбивые расчеты*, тогда бы никакой неясности и двусмыслія въ нихъ не было.

А. Да; это правда.

В. Вы теперь знаете, что значитъ слово *корыстно.* Составимъ же изъ онаго какую нибудь рѣчь, напримѣръ сію: „*я могу* „*заниматься тѣмъ, сѣмъ я ни мало не коры-* „*стуюсь: мнѣ велѣно переписать на бѣло пре-* „*толстую книгу; я противъ воли моей пови-* „*нуясь тому принужденъ заниматься сею, не* „*только некорыстующею меня, но еще и весь-* „*ма досадною мнѣ работою.*“ Понятна ли вамъ рѣчь эта, и видите ли вы, что можно *заниматься не корыстуясь,* или иначе сказать, упражняться въ томъ, что ни мало меня не корыстуетъ, т. е. не составляетъ собственной моей корысти, прибыли, утѣшенія или пользы?

А. Знаю, и мысль вашу ясно понимаю.

В. Теперь для сличенія двухъ рѣчей вмѣстѣ, примемъ слово *занимательно,* и напишемъ вышесказанную рѣчь слѣдующимъ образомъ: „*я могу заниматься тѣмъ, что* „*для меня ни мало не занимательно: мнѣ* „*велѣно переписать на бѣло претолстую* „*книгу; я противъ воли моей повинуясь то-* „*му принужденъ заниматься сею, не только* „*не занимательною для меня, но еще и весь-* „*ма досадною мнѣ работою.*“ Не очевидно ли, что понятіе ваше въ словахъ *заниматься занимательнымъ,* такъ смѣшивается, что вы развѣ по упрямству, а уже конечно не по разсудку, будете находить въ томъ яс-

ность и вразумительность? частое употребленіе пріучаетъ къ слову и отъемлетъ у него дикость, но не даетъ ему разума, когда оно имъ недостаточно.

А. Я теперь вижу, что въ употребленіи словъ надобно быть весьма осторожну.

В. Безсомнѣнія. Когда мы не станемъ думать и разсуждать о словахъ, тогда привыкнемъ къ худому и темному слогу. Принятыя безъ разсужденія слова заведутъ насъ въ составленіе невразумительныхъ рѣчей. Новость ихъ прельститъ насъ; мы подумаемъ, что отцы наши не умѣли объяснять своихъ мыслей; станемъ и слова и слогъ ихъ презирать; станемъ пустословіе называть красотою, невѣжество вкусомъ, незнаніе языка своего краснорѣчіемъ, и наконецъ до того удалимся отъ простыхъ и ясныхъ понятій, что будемъ, какъ въ бреду, говорить чего сами не понимаемъ. Въ какія странности заводитъ насъ подражаніе чужимъ языкамъ, и какъ вмѣсто обогащенія портимъ мы языкъ свой, могъ бы я показать тысячи примѣровъ; но покажу одинъ только, по которому можете вы судить и о другихъ тому подобныхъ: многіе изъ переводчиковъ нашихъ, когда найдутъ во Французской книгѣ, напримѣръ, слѣдующую рѣчь: *plusieurs de ses compositions poétiques portent l'empreinte d'un cœur extrêmement sensible et d'une ame*

très passionnée, вмѣсто чтобъ перевести оную просто и ясно: *во многихъ стихотворныхъ сочиненіяхъ его видно, что онъ имѣлъ сердце чрезвычайно чувствительное и душу весьма страстную*, переводятъ такимъ образомъ: *многія изъ его поэтическихъ сочиненій носятъ отпечатокъ сердца чрезвычайно чувствительнаго и души весьма страстной*. Имъ кажется, что они безъ Французскихъ словъ *portent l'empreinte* не выразятъ мысли, и для того гоняясь за ними, вводятъ въ Руской языкъ безобразное и совсѣмъ несвойственное намъ выраженіе *носить отпечатокъ*. Между тѣмъ привычка къ таковымъ нелѣпостямъ такъ заразительна, что уже напитавшемуся ими настоящая сила и красота Рускаго языка становится неизвѣстною.

О СОСЛОВАХЪ.

Прежде нежели приступимъ мы къ показанію различій между сословами, опредѣлимъ знаменованіе самаго слова сего. Подъ именемъ сослововъ разумѣются названія, изображающія близкія или смежныя между собою понятія, какъ напримѣръ мотовство и расточительность, утѣхи и забавы, благополучіе и щастіе. Всѣ таковыя слова кажется сословствуютъ, или иначе сказать единословятъ, согласуются между собою, и потому называются *сословами*. Впрочемъ хотя сіи названія и часто, по сходству выражаемыхъ ими понятій, могутъ приниматься одно за другое, и потому называютъ ихъ однознаменательными; однакожъ нѣтъ ни въ какомъ языкѣ такихъ двухъ словъ, которыя бы во всѣхъ случаяхъ совершенно одинакое знаменованіе и силу имѣли. Примѣчаемыя между ими отмѣны состоятъ или въ разности смысла, или въ силѣ знаменованія, или въ томъ, что одно изъ нихъ приличнѣе важному, а другое простому

слогу. Слова таковыя, какъ *конь* и *лошадь*, не можно почитать сословами; ибо оныя не иное что суть, какъ два на разныхъ языкахъ одной и той же вещи названія, одно Славенское, а другое Татарское.

СОСЛОВЫ.

Бѣдность, убожество, скудость, нищета.

Всѣ сіи слова больше или меньше противузнаменательны слову *богатство*, съ слѣдующими примѣчаемыми въ нихъ отличіями:

Бѣдность и *бѣда* или *бѣдствіе* суть слова, произшедшія отъ одного корня, но изъявляющія разныя вещи: *бѣдность* означаетъ недостатокъ имѣнія; *бѣдствіе* недостатокъ щастія или нещастіе. Отсюду слово *бѣдность*, по сродству своему съ словомъ *бѣдствіе*, часто употребляется къ изображенію какъ того, такъ и другаго понятія. Когда мы говоримъ: *богатый не чувствуетъ нужды бѣднаго*, тогда подъ словомъ *бѣдный* разумѣемъ точно малоимущаго, недостаточнаго человѣка, не имѣющаго способовъ удовлетворять своимъ нуждамъ. Но когда, видя мать, рыдающую надъ тѣломъ убіеннаго сына своего, скажемъ: *бѣдная мать!* тогда не по обстоятельствамъ имѣнія, но по состоянію сердца ея называемъ ее *бѣдною*, то есть нещастною, злополучною. Впрочемъ бѣдность есть состояніе не опредѣленное. Тотъже самый человѣкъ можетъ въ разсужденіи одного быть богатъ, а въ раз-

сужденіи другаго бѣденъ, и хотя бѣдность не есть порокъ, равно какъ и богатство не есть добродѣтель, однако же богатство обыкновенно гордится и презираетъ бѣдность. Человѣкъ не любитъ уничижаться предъ гордостію; притомъ же бѣдность происходитъ иногда отъ собственной нашей вины, какъ напримѣръ, отъ нераденія и лѣности, или отъ небреженія и расточенія, того ради самолюбіе наше не охотно терпитъ сіе названіе, отвѣтствуя на оное пословицею: *бѣденъ бѣсъ, которой хлѣба не ѣстъ*. Пословица сія справедлива: послѣдняя степень бѣдности есть не имѣть у себя куска хлѣба.

Слово *убожество* составлено изъ предлога *у* (изъявляющаго всегда отъятіе или отрицаніе) и не употребительнаго *божество* или *божство*, которое однакожъ по корню долженствуетъ значить тожъ, что и *богатство*, заимствовавшее можетъ быть сей смыслъ свой отъ слова *Богъ*, перенесенный потомъ отъ прилагательныхъ *божеское*, *божіе*, къ понятію о тѣхъ благахъ или вещахъ, коими мы, яко отъ бога намъ данными, обладаемъ. Отселѣ на многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ подъ именемъ *збожіе* разумѣются пожитки, имущество, достатокъ, или по нашему *богатство*, которое въ словахъ *убожество, убогій*, силою предлога *у* отрицает-

ся, то есть получаетъ противуположное значеніе. Въ словѣ *убогій* понятіе о недостаткѣ имѣнія соединяется съ понятіемъ о недостаткѣ здравія и силъ тѣлесныхъ. Человѣкъ бываетъ *бѣденъ* въ молодости, *убогъ* въ старости, когда уже древо жизни его осенними бурями колеблемое пожелтѣетъ. Бѣдности не столько противуположны утѣхи жизни, сколько богатство; ибо бѣдный можетъ иногда принимать въ нихъ участіе. Убожеству не столько противуположно богатство, сколько утѣхи жизни; ибо убогій не можетъ уже наслаждаться ими. Когда мы скажемъ: *въ этомъ убогомъ домикѣ живетъ бѣдный человѣкъ*, тогда домикъ представляемъ себѣ ветхимъ; но когда скажемъ: *въ этомъ бѣдномъ домикѣ живетъ убогій человѣкъ*, тогда человѣка представляемъ дряхлымъ. Бѣдному трудъ дастъ пропитаніе, убогому смерть принесетъ покой. Почтенъ тотъ бѣдный сынъ, который работою рукъ своихъ кормитъ убогаго отца своего. Въ Псалтирѣ (Псал. 85, стран. 1) *приклони Господи ухо твое, и услыши мя: нищь и убогъ есмь азъ.* Естьли бы слово *убогъ* не заключало въ себѣ совокупнаго понятія о *бѣдности* и *дряхлости*, то бы оно здѣсь не усиливало, но ослабляло мысль, потому что большее (*нищъ*) предшествовало бы меньшему (*убогъ*).

Скудость есть малость вещества или количества, содержащагося въ какой нибудь вещи. Разность между *бѣдностiю* и *скудостiю* состоитъ въ слѣдующемъ: бѣдность сопрягаетъ съ собою понятiе о нѣкоемъ обладанiи: бѣдный обладаетъ чѣмъ нибудь малымъ; ибо естьли бы онъ ни чѣмъ не обладалъ, то былъ бы *нищiй*; естьли же бы обладалъ многимъ, то былъ бы *богатый*. Скудости, напротивъ, понятiе *обладать тѣмъ нибудь* ни мало не свойственно; ибо она не есть имство лица, но имство вещи, принадлежащей лицу. Бѣдность недостаточествуетъ обладаемыми вещами, скудость вещей составляетъ бѣдность обладающаго ими. Можно сказать: *Петръ бѣденъ скудостiю денегъ*, но не можно сказать: *Петръ скуденъ бѣдностiю денегъ*; ибо тогда значило бы, что Петръ есть вещь обладаемая деньгами, а деньги лице обладающее Петромъ. Равнымъ образомъ и въ сей рѣчи: *человѣкъ бываетъ бѣденъ умомъ, когда умъ имѣетъ скудный*, разумѣется, что человѣкъ, яко лице, обладающее умомъ, можетъ онымъ богатъ быть или бѣденъ, то есть имѣть его много или мало; умъ же, яко вещь обладаемая человѣкомъ, не можетъ быть ни богатый ни бѣдный, но избыточествомъ или скудостiю своею дѣлаетъ обладателя своего богатымъ или бѣднымъ. Отсюду гово-

римъ мы *скудоумie*, но не можемъ или весьма не свойственно сказать *бѣдноумie*. Отсюду же *бѣдный* человѣкъ значитъ недостаточный имѣнiемъ, а *скудный* человѣкъ можетъ иногда значить, сухой, худощавой, недостаточный ростомъ. Ломоносовъ, описывая Сарское село, говоритъ:

Елисаветинымъ добротамъ
Вездѣ подобна красота,
Примѣра многимъ лишь щедротамъ
Несмѣетъ *скудна* дать вода.

Здѣсь вмѣсто *скудная* сказать *бѣдная* или *убогая* вода было бы весьма не прилично, поелику водѣ, яко вещи, не свойственно приписывать ни обладанiя ни дряхлости, заключающихся въ словахъ бѣдность и убожество.

Нищета есть самая низшая степень бѣдности. Она ничего не имѣетъ собственнаго, и питается подаянiемъ и щедротами другихъ. *Блаженни нищiи духомъ*, значитъ: щастливы тѣ, которые не имѣютъ во нравѣ своемъ ни малѣйшей искры гордости, возносчивости, киченiя. Французы, по бѣдности языка своего, не могутъ мысль сiю иначе выразить, какъ двусмысленною рѣчiю: heureux les pauvres d'esprit. Говорится пословица: *онъ такъ этому обрадовался, какъ нищiй копѣйкѣ*. Обладатели сокровищъ! помни-

те сію радость нищаго; помните ничтожество копѣйки въ золотыхъ вашихъ грудахъ; помните, что нищій есть подобный вамъ человѣкъ, и что у васъ и у него одинъ Богъ и одинъ гробъ.

Шествіе, теченіе, ходъ.

Всѣ сіи слова означаютъ движеніе. Слово *шествіе* употребляется въ важныхъ описаніяхъ, когда говорится о знатныхъ особахъ, идущихъ, при совершеніи какова нибудь обряда, пѣшкомъ, въ нарядныхъ одеждахъ и устроенномъ порядкѣ: *Государь, сопровождаемый придворными своими, шествовалъ во храмъ. Шествіе продолжалось два часа.* Иногда вмѣсто слова *шествіе* употребляется *пошествіе: потомъ же и иніи благородніи и храбрыи Грецестіи лѣпотнѣ украсившеся, на кони своя всѣдоша, и во урядѣ чина своего кійждо ихъ во слѣдъ Язона и Геркулеса благочинно пойдоша градомъ къ палатамъ дому царева. Людіе же начаша гласити во многія трубы и органы и прочія мусикійскія игранія: и дивно бѣ видѣти Греческое пошествіе.* (Истор. о разореніи Трои). Въ семъ случаѣ предлогъ *по* яснѣе означаетъ образъ шествія многихъ людей: *шествіе* можетъ относиться и къ одному человѣку, а *пошествіе* ко многимъ, идущимъ тихо и чинно одинъ за другимъ.

Теченіе собственно значитъ плавное движеніе воды и всякаго рода жидкости. Въ иносказательномъ же смыслѣ употребляется, говоря о вещахъ важныхъ, какъ напримѣръ: *теченіе небесныхъ свѣтилъ*, *теченіе природы*, *теченіе государственныхъ дѣлъ*, и проч. Въ изображеніи какихъ либо смѣлыхъ дѣйствій или подвиговъ слово сіе заключаетъ въ себѣ понятіе о быстротѣ или скорости, какъ напримѣръ въ сихъ Ломоносова стихахъ:

То, ей! Квирины, Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ Россѣ, что безъ страху
Чрезъ огнь и рвы течетъ съ размаху.

Шествію всегда прилична медленность и степенность; теченію же иногда плавность, иногда скорость и пылкость: женихъ *шествуетъ* на бракъ, воинъ *течетъ* на брань.

Ходъ есть простое слово, среднему слогу мало, высокому же совсѣмъ не приличное, и употребляемое токмо въ общенародныхъ разговорахъ, какъ напримѣръ: *не ходи, тутъ нѣтъ ходу; великъ ли ходъ корабля? Естьли ходъ на рыбу?* то есть: ловится ли рыба? и проч. Всѣ происходящія отсюда названія большею частію суть самыя простыя, не могущія быть употребляемы въ благородномъ слогѣ, какъ-то: *ходь-*

ба, сходня, ходули, ходокъ и проч. Итакъ весьма странно читать, когда неразбирающіе приличія словъ писатели, послѣдуя Французскому выраженію *la marche de la nature*, думаютъ, что и намъ вмѣсто *теченіе природы* пристойно говорить *ходъ природы*, и тому подобное. Мнѣ кажется *ходъ законовъ, солнца, государственныхъ дѣлъ* и проч., вмѣсто *теченіе законовъ, солнца, государственныхъ дѣлъ* и проч., стольже не хорошо, какъ естьли бы Ломоносовъ вмѣсто *чрезъ огнь и рвы течетъ съ размаху*, сказалъ: *чрезъ огнь и рвы бѣжитъ съ размаху*.

Писателю, ищущему писаніями своими посѣять пользу и пожать съ трудовъ своихъ честь и славу, должно съ великимъ тщаніемъ вникать въ приличіе словъ. Важность слога, а особливо въ нашей словесности, не терпитъ ничего простонароднаго. Надлежитъ много читать, и быть весьма искусну въ языкѣ, дабы въ возвышенномъ слогѣ умѣть простыя слова такъ употреблять, чтобъ мысль и выраженіе не потеряли своей силы.

О ЗВУКОПОДРАЖАНІИ.

Первоначальному составленію языковъ учительницею была сама природа. Люди слыша естественные звуки, соглашали голосъ свой съ оными, и давали имъ тѣ самыя имена, какими, казалось, они сами себя называютъ. Крикъ птицы, произносящей слоги *куку*, подалъ поводъ назвать ее *кукушкою*. Итакъ кукушка есть имя звукоподражающее голосу сей птицы. Примѣтя, что гусь повторяетъ слогъ *го*, утка слогъ *ква*, что кошка кричитъ *мяу*, и что въ голосѣ собаки и голубя есть нѣчто похожее на *ор* и на *ур*, сдѣлали изъ того глаголы и стали говорить: гусь *гогочетъ*, утка *квакаетъ*, кошка *мяучитъ*, собака *ворчитъ*, голубь *уркуетъ* или *воркуетъ*. Итакъ глаголы гогочетъ, квакаетъ, мяучитъ, ворчитъ, уркуетъ, суть слова звукоподражающія голосамъ гуся, утки, кошки, собаки, голубя. Такимъ же образомъ и другія многія названія составлены. Напримѣръ, внимая потрясающему воздухъ звуку, и слыша въ немъ нѣчто подобное частому повторенію буквъ *грр*, изобразили его похожимъ на оный словомъ *громъ*. Нахо-

дя, что преломляющееся дерево издаетъ отъ себя гласъ подобный скорому повторенію буквъ *трр*, назвали оный *трескомъ*. Примѣчая, что твердыя тѣла, катящіяся по другимъ твердымъ тѣламъ, повторяютъ слогъ *ту*, стали говорить *стучитъ*. Звуки, въ которыхъ дѣйствительно слышны слоги *ши*, *хри*, назвали *шипеніемъ*, *хрипеніемъ*, и такъ далѣе. Сіи слова безъ сомнѣнія должны почитаться самыми богатѣйшими въ языкѣ; ибо не токмо вмѣстѣ съ прочими служатъ условными къ означенію вещей знаками, но даже и безъ условія сходствомъ голоса вещь изображаютъ. Довольно сказать *птицы гогочутъ*, *стада мычатъ*, дабы разумѣть, что птицы сіи суть гуси, и что стада сіи состоятъ изъ коровъ. Таковое природнымъ звукамъ подражаніе въ словахъ показываетъ древность языка; ибо открываетъ въ нихъ слѣды коренныхъ и первоначальныхъ понятій человѣческихъ. Великіе стихотворцы тѣмъ же самымъ идутъ путемъ: природа научала предковъ ихъ составлять слова; а они счастливымъ выборомъ и остроумнымъ сочетаваніемъ сихъ словъ стараются естественно и живо изображать дѣйствія природы. Когда описываютъ они, напримѣръ, паденіе градскихъ стѣнъ или башенъ, то и шумъ въ стихахъ ихъ подобенъ шуму самаго разрушенія оныхъ. Изъ

древнихъ стихотворцевъ Виргилій больше всѣхъ изобиловалъ сими красотами. Индѣ, въ Энеидѣ своей, описывая внутренность каменной горы, въ которой Царь Эолъ владычествуетъ надъ ярящимися въ оковахъ вѣтрами и бурями, говоритъ онъ:

Hîc vasto rex Aeolus antro
Luctantes ventos tempestatesque sonoras
Imperio premit, ac vinclis et carcere frenat.

Во второмъ изъ сихъ стиховъ слышны, въ частыхъ повтореніяхъ буквъ t и s, стучаніе и свистъ вѣтровъ, силящихся освободиться отъ цѣпей; ибо звукоподражаніе, какъ говоритъ Делиль, состоитъ въ счастливомъ выборѣ не токмо словъ, но и буквъ, сильно ударяющихъ или шепчущихъ пріятно въ ухо. Въ иномъ мѣстѣ Виргилій, описывая скачущаго коня, такимъ образомъ *топоту копытъ* его звукоподражаетъ:

Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum *).

---

*) Знаменитый нашъ стихотворецъ Петровъ перевелъ стихъ сей довольно удачно:

Долъ пылію покрытъ
Дрожитъ подъ тягошой топочущихъ копытъ.

Также и въ семъ стихѣ, изображающемъ свирѣпую пожирающую корабль волну, звукоподражаніе соблюлъ онъ весьма удачно:

Урча и клокоча со щоглой поглащаетъ.

Подобныхъ примѣровъ въ семъ благоязычномъ и высокомъ стихотворцѣ находится великое множество. Делиль говоритъ, что человѣкъ, читающій сего рода стихи, искуснымъ произношеніемъ оныхъ много можетъ способствовать сочинителю, и въ доказательство тому приводитъ Лекеня, который, когда въ лицѣ терзающагося Ореста произносилъ сей славный Расиновъ стихъ:

Pour qui sont ces Serpens qui siflent sur vos têtes?

То съ такою силою ударялъ часто повторяемую въ немъ букву s, что казалось точно выражалъ голосъ свистящихъ или шипящихъ змѣй.

Въ Тассѣ находимъ мы также множество тому примѣровъ. Сей стихотворецъ, описывая адскаго бога, сзывающаго громогласною трубою жителей вѣчной тьмы, говоритъ:

Treman le spaziose atre caverne,
E l'aer cieco a quel romor rimbomba.

Въ семъ послѣднемъ стихѣ слово *rimbomba* удареніями своими сходствуетъ съ удареніями трубнаго гласа, отзывающагося въ пространныхъ и темныхъ пещерахъ ада: слѣдовательно не токмо знаменованіемъ, но и

звукомъ своимъ изображаетъ описуемое имъ дѣйствіе. Въ тойже четвертой пѣсни освобожденнаго Іерусалима своего, Тассъ, изображая тогожъ сидящаго по средѣ адскихъ чудовищъ Плутона, и уподобляя его великой возникающей изъ водъ морскихъ горѣ, восклицаетъ:

Si la gran fronte, e le gran corna estolle!

То есть: *тако великое чело, и великіе рога выставляетъ!* Но слово наше *выставляетъ* не имѣетъ того свойства, какое заключаетъ въ себѣ Италіянское слово *estolle*, и потому въ переводѣ не можно чувствовать всей силы сего стиха. Красота и принаровка состоитъ въ томъ, что слово *estolle* по стеченію буквъ не льзя иначе произнесть, какъ ударяя крѣпко и протягивая букву *о*. Итакъ слово сіе не токмо выражающимъ сильно знаменованіемъ, но даже и протяжнымъ произношеніемъ своимъ, показываетъ великое протяженіе выставляющихся изъ чела роговъ.

Удачный переломъ стиха, или переносъ онаго въ другой, служитъ иногда къ живому изображенію дѣйствія; но требуетъ великаго притомъ искуства и осторожности. Тассъ, описывая осужденную на смерть Софронію, и не знавшаго о семъ любовника ея

Олинта, нечаянно пришедшаго на мѣсто казни, говоритъ о немъ:

Come la bella prigioniera in atto
Non pur di rea, ma di dannata ei scorse,
Come i ministri al duro ufficio intenti
Vide; precipitoso urtò le genti.

Глаголъ *vide*, перенесенный изъ третьяго въ четвертый стихъ, дѣлаетъ здѣсь удивительную красоту; ибо во первыхъ: сей третій стихъ, (который съ двумя предъидущими составляетъ предложеніе), сокращая длиною своею остатокъ четвертаго стиха (который есть изложеніе или сказуемое), придаетъ оному больше стремительности или быстроты. Во вторыхъ: за словомъ *precipitoso*, требующимъ по свойству своему скораго произношенія, слѣдуетъ тотчасъ тупое, на послѣднемъ слогѣ крѣпко ударяемое, и слѣдственно какъ бы прежнюю скорость останавливающее слово *urtò*: и такъ выборъ и соединеніе сихъ двухъ словъ есть прещастливое потому, что первое изъ нихъ быстротою, а второе отрывомъ своимъ, согласуются точно съ естественностію описуемаго ими дѣйствія, то есть, что какъ Олинтъ, увидя любезную свою Софронію при концѣ жизни, бросается къ ней стремглавъ, расталкивая толпу зѣвающаго народа, такъ и въ произношеніи

стиха тажъ стремительность и тожъ препинаніе чувствительны:

Come i ministri al duro ufficio intenti
Vide; precipitoso urtò le genti.

Но оставимъ чужестранныхъ писателей, и поищемъ примѣровъ звукоподражанія въ собственныхъ нашихъ стихотворцахъ. У Сумарокова въ притчѣ, называемой солнце и лягушки, гады сіи, жалуясь на изсушившіе болото ихъ солнечные лучи, вопіютъ къ богамъ:

О какъ, о какъ, намъ къ вамъ, къ вамъ, боги,
не гласить!

Не слышенъ ли въ стихѣ семъ языкъ лягушекъ, ихъ крикъ, ихъ квокотанье? Есть-ли прочитать оный иностранцу, не разумѣющему словъ, то онъ по одному произношенію назоветъ его лягушечьимъ нарѣчіемъ. Ломоносовъ, мечтая ПЕТРА Великаго, плавающаго по морямъ, возглашаетъ:

Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ обрушась на ПЕТРА.

Въ семъ послѣднемъ стихѣ полустишіе *обрушась на Петра*, имѣетъ въ себѣ нѣчто подобное дѣйствительному шуму падающей, обрушающейся громадѣ водъ. Въ другомъ мѣстѣ Ломоносовъ, описывая бѣгущаго по холмамъ исполина, говоритъ:

Вьетъ вихремъ воздухъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещатъ.

Въ первомъ изъ сихъ стиховъ повторяемая при каждомъ словѣ буква *в* дѣлаетъ его звукоподражающимъ вытью стремящагося съ неимовѣрною скоростію воздуха. Въ послѣднемъ же стихѣ стеченіе согласныхъ буквъ *кр*, *тр*, производитъ въ ушахъ нашихъ такой звукъ, какой мы слышимъ, когда въ самомъ дѣлѣ что нибудь ломится или трещитъ.

Много можемъ мы находить примѣровъ звукоподражанія въ семъ великомъ стихотворцѣ. Индѣ, описывая бывшій въ Академіи пожаръ говоритъ онъ:

Тамъ буря искры завиваетъ
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ.

Въ звукѣ сего послѣдняго стиха кажется слышимъ мы подлинный трескъ и громъ, съ какимъ падаютъ и разрушаются стѣны горящаго храма. Извѣстенъ сей славный стихъ его въ описаніи единоборства между Селимомъ и Мамаемъ:

Ударилъ по щиту: звукъ грянулъ межъ горами.

Разберемъ всѣ свойства и красоту сего стиха. Во первыхъ, полустишіе *ударилъ*

по щиту окончевается тупымъ или крѣпко ударяемымъ слогомъ *ту*, котораго звукъ есть точно тотъ, какой въ самомъ естествѣ по совершеніи удара слышится. Во вторыхъ тупое окончаніе перваго полустишія, и тяжелое начало втораго, (поелику начинается двумя согласными буквами), дѣлаютъ, что сіи два полустишія не иначе вмѣстѣ произносимы быть могутъ, какъ съ такою же между ими разстановкою, какая въ самой вещи между ударомъ и отголоскомъ онаго примѣчается. Въ третьихъ, какъ первое полустишіе окончевается гласною буквою *у*, такъ и въ началѣ втораго полустишія тажъ самая буква встрѣчается: слѣдовательно въ стихѣ изображается точное дѣйствіе природы; ибо когда мы въ лѣсу, или въ иномъ подобномъ мѣстѣ, какое нибудь слово или букву громко произносимъ, то и отголосокъ нашъ тожъ самое слово или букву повторяетъ. Итакъ рѣдкое стиха сего достоинство состоитъ въ счастливомъ соединеніи всѣхъ сихъ обстоятельствъ. Дабы яснѣе и лучше могли мы оное почувствовать, то положимъ токмо, что слово *по щиту* имѣетъ удареніе не на слогѣ *ту*, но на слогѣ *по*: тогда мы вмѣсто:

Ударилъ по щиту: звукъ грянулъ межъ горами,

Должны будемъ произнесть:

Ударилъ по щиту: звукъ грянулъ межъ горами.

Ясно, что въ семъ послѣднемъ произношеніи вся сила и красота стиха сего исчезаетъ.

Въ иномъ мѣстѣ Ломоносовъ, изображая устрашенную Россіянъ любовь къ Елисаветѣ, когда она съ опасностію жизни своей восходила на престолъ, говоритъ:

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей;
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ.

Читая сіи три послѣдніе стиха не слышимъ ли мы въ смѣшеніи и повтореніи слоговъ *ту*, *ту*, *ту*, съ буквами *гр*, *тр*, нѣчто подобное звуку настоящаго сраженія? Строфа сія оканчевается стихами:

И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Сей послѣдній стихъ самою шароховатостію своею прекрасенъ; ибо основанъ на подражаніи. Во всякомъ другомъ случаѣ сте-

ченіе многихъ согласныхъ буквъ есть порокъ; но здѣсь составляетъ оно достоинство стиха: читая его встрѣчаю я такую же въ произношеніи онаго трудность и препинаніе, какое по воображенію моему должны противупоставлять хребты горъ громадамъ водъ, стремящимся сравнять ихъ съ влажнымъ дномъ. Подобнымъ образомъ славный Англинскій стихотворецъ *Попе*, говоря о непріятности шершавыхъ стиховъ, составленныхъ изъ многихъ односложныхъ словъ, такимъ же точно стихомъ погрѣшность сію осмѣиваетъ:

And ten low words creep in one dull line.

То есть: *и десять низкихъ словъ ползутъ въ одной худой строкѣ*; но я уже сказалъ, что переводъ, въ подобныхъ случаяхъ, не можетъ выражать силы подлинника.

Пѣвецъ Фелицы, въ стихахъ подъ названіемъ *мой истуканъ*, мечтая оный быть поставленнымъ на колонадѣ, и потомъ сверженнымъ съ оной *), звукоподражая паденію его сказалъ:

Летитъ . . . .
Стуча съ крыльца, ступень съ ступени.

*) Мы надѣемся, что истуканъ сей, нѣкогда поставленный, останется навсегда непоколебимъ: свѣтъ наукъ не допуститъ руку невѣжества свергнуть оный.

ствомъ, что безъ худыхъ переводовъ не будетъ и хорошихъ. Мнѣ кажется это совсѣмъ иначе: къ чему полезенъ худой переводъ? Развѣ къ тому, чтобъ вводить въ заблужденіе тѣхъ, кои не зная языка, на которомъ писанъ подлинникъ, и наслышась о громкомъ имени творца его, будутъ съ благоговѣніемъ принимать слабость и погрѣшности перевода за красоты, сказанные великимъ умомъ, и чрезъ то заражать чистоту природнаго ума своего и портить свой вкусъ. Не спорю, трудно быть такому переводчику, которой бы сравнился, или не много уступалъ подлиннику. Но между высотою превосходнаго и низостію худаго перевода есть много степеней. По крайней мѣрѣ такихъ только переводовъ желать должно, которые выше средины. Особливо же вѣрность ихъ должна быть главнѣйшимъ достоинствомъ. На что выдавать мнѣ за Виргиліевы мысли тѣ, которыхъ въ Виргиліи нѣтъ? Для обнаруживанія таковыхъ поддѣлокъ тѣхъ, которые или не разумѣя хорошенько подлинника, или не имѣя въ себѣ достаточныхъ силъ, или не желая употребить должнаго на то труда, принимаются переводить классическихъ писателей, весьма не худо имѣть такъ называемые *подстрочные* переводы, то есть, въ которыхъ при всякомъ стихѣ подлинника, ста-

вится подъ нимъ слово противъ слова переводъ. Мы не будемъ находить красоты слога въ переводѣ, но почувствуемъ въ немъ точную силу и духъ творца; а притомъ и тотъ, кто исказилъ его своими отступленіями и перемѣнами, не обманетъ насъ болѣе: мы тотчасъ увидимъ, что это его убавка или прибавка, его собственныя слова и мысли, а не того, за чьи онъ выдаетъ ихъ намъ. По крайней мѣрѣ для слабаго или не довольно прилѣжнаго переводчика будетъ это уздою: онъ, не чувствуя въ себѣ додостаточныхъ силъ сказать нѣчто столь же хорошое, постыдится говорить свое худое, зная, что мы тотчасъ изобличимъ его подлинникомъ. Таковые подстрочные переводы многіе стараются имѣть. Такимъ образомъ переведенъ *Освобожденный Іерусалимъ* Тассовъ на Французскій языкъ, несравненно меньше, чѣмъ нашъ, способный выражать мысли изъ слова въ слово. Мы можемъ почувствовать сіе даже изъ весьма краткаго примѣра, а имянно изъ одной третей строфы первой пѣсни, гдѣ Тассъ обращаясь къ Музѣ, продолжаетъ ей говорить:

Sai che là corre il mondo, ove più versi
Tu sais que là court le peuple, où plus verse
Знаешь, что туда бѣжитъ свѣтъ, гдѣ больше льетъ
Di sue dolcezze il lusinghier Parnaso;
De ses douceurs le flatteur Parnasse;
Своихъ сладостей льстивый Парнасъ;

E che'l vero condito in molli versi,
Et que le vrai, enveloppé dans de faciles vers,
И что правда, погруженная въ нѣжные стихи,
I più schivi allettando ha persuaso.
Les plus difficiles, en charmant, a persuadé.
Самыхъ упорнѣйшихъ прельщая убѣждала.
Cosi all'egro fanciul porgiamo aspersi
Ainsi au malade enfant nous presentons humectés
Тако больному младенцу подносимъ окропленные
Di soave licor gli orli del vaso;
De suaves liqueurs les bords d'un vase;
Сладкою влагою края сосуда.
Succhi amari, ingannato, intanto ei beve,
Les sucs amers, trompé, d'autant il boit,
Соки горькіе, обманутый, межъ тѣмъ онъ піетъ,
E dall inganno suo vita riceve.
Et par l'erreur sienne la vie il reçoit.
И отъ обмана своего жизнь получаетъ.

Изъ сего видно, что Руской переводъ почти весь, или съ малыми токмо перестановками и поправками, могъ бы довольно исправнымъ быть переводомъ, между тѣмъ какъ Французской ни какимъ образомъ въ семъ видѣ оставаться не можетъ. Итакъ Рускіе съ великимъ преимуществомъ классическія сочиненія на свой языкъ переводить могутъ. Мы разсуждаемъ только о переводѣ прозою; чтожъ принадлежитъ до стиховъ, то сіе совершенно зависитъ отъ искуства въ стихотвореніи переводчика. Здѣсь гораздо больше потребно дѣлать свои обороты, свой составъ стиховъ, свое, такъ сказать, облеченіе ихъ индѣ въ громкость, индѣ въ нѣжность, и проч., соображаясь съ выраженіями и свойствами языка своего.

Но хотя въ семъ случаѣ переводчикъ и можетъ мысль сочинителеву извращать, прерывать и даже украшать по своему; однакожъ не совсѣмъ отъ нея отступать, удаляться, прибавлять, превращать простое въ надутое, великолѣпное въ убогое, громкое въ тихое, и тому подобное. Таковый переводъ стихами хуже перевода изъ слова въ слово, и столько вреденъ, а особливо для не опытныхъ умовъ, сколько сей полезенъ. Мы намѣрены показать тому примѣръ въ переводѣ на нашъ языкъ нѣкоторыхъ пѣсней Тассовой поэмы *Освобожденный Іерусалимъ.* Предупреждаемъ читателей и самаго переводчика, что мы предпріемлемъ сіе отнюдь не отъ желанія помрачить его талантъ; но единственно для пользы Словесности, послѣдуя въ томъ ему самому; ибо онъ безъ сомнѣнія съ такимъ же намѣреніемъ разбиралъ сочиненія лучшихъ нашихъ писателей. Естьли онъ не опасался оскорбить память ихъ показаніемъ ихъ погрѣшностей, то долженъ и самъ терпѣливо сносить, когда ему покажутъ его собственныя. Сіе тѣмъ болѣе нужно, что Италіянскій языкъ и Тассовы сочиненія мало у насъ извѣстны; мы знаемъ *Освобожденный Іерусалимъ* его больше по имени, нежели по существу сей поэмы: и такъ весьма для успѣховъ Словесности вредно, когда мы, увле-

каясь довѣренностію къ переводчику, станемъ и тамъ ему вѣрить, гдѣ вѣрить не должно; станемъ, наслышась о громкомъ имени Тасса, принимать худости перевода за красоты подлинника, и то, чего Тассъ никогда не говорилъ, почитать за произведеніе великаго ума. Нужно показать, что тѣ, которые, похваляя сей переводъ, пишутъ въ стихахъ: „*Тассъ блѣднѣетъ отъ зависти, видя себя въ переводѣ лучшимъ, нежели въ своемъ подлинникѣ*" весьма обманываются. Впрочемъ естьли мы симъ нашимъ разборомъ досадимъ переводчику, или почитателямъ его перевода, то крайне о томъ сожалѣемъ, но не перемѣнимъ своего мнѣнія, что лучше досадить самолюбію, нежели безпрекословно дать ему распространеніемъ ложнаго вкуса вводить умы въ заблужденіе. Всякъ, желающій заслужить довѣренность къ себѣ и уваженіе, долженъ уважать другихъ и знать мѣру своихъ достоинствъ, не возносяся выше ихъ и не ослѣпляясь самонадѣяніемъ. Не презрѣніемъ, не словами и хулою прежнихъ писателей надлежитъ доказывать, что мы лучше ихъ, но дѣлами своими. Разбирать другихъ полезно, не спорю; но вмѣстѣ и вредно, когда въ разборѣ нашемъ видно больше самолюбія, нежели знанія; больше ложныхъ умствованій, нежели доказательствъ и правды. — Но обра-

тимся и приступимъ къ разсмотрѣнію перевода. Читатель увидитъ пристрастно ли мы или безпристрастно, справедливо ли или несправедливо разсуждаемъ. Мы приложимъ здѣсь сперва подлинникъ съ точнымъ подъ нимъ переводомъ прозою; а потомъ переводъ стихами, съ разсмотрѣніемъ и сличеніемъ онаго съ подлинникомъ. Такимъ образомъ ни что не скрыто будетъ отъ примѣчанія читателя.

Пѣснь XV.

1.

Già richiamava il bel nascente raggio
A l'opre ogni animal che in terra alberga;
Quando venendo ai duo guerrieri il saggio
Portò il foglio, e lo scudo, e l'aurea verga.
Accingetevi, disse, al gran viaggio,
Prima che il dì che spunta omai più s'erga.
Eccovi qui quanto ha promesso, e quanto
Può della Maga superar l'incanto.

то есть:

Уже прекрасный лучь восходящаго солнца вызывалъ къ трудамъ всѣхъ обитающихъ на земли тварей, когда пришедшій къ двумъ воинамъ мудрецъ принесъ хартію, и щитъ, и златую вѣтвь. „Приготовьтесь, сказалъ онъ, къ великому пути, доколѣ день еще не разсвѣлъ. Вотъ то, что я вамъ обѣщалъ, и

чѣмъ разрушить можно волшебницино чародѣйство.

Вотъ переводъ стихами:

Уже возставшій день на холмахъ рдяноцвѣтныхъ
Къ работѣ и трудамъ зоветъ всѣ роды смертныхъ:
Тогда мудрецъ, явясь двумъ витязямъ, даритъ
Имъ тайну хартію, злату вѣтвь и щитъ.
Днесь ополчитесь—рекъ—на странствіе жестоко,
Доколѣ не востекъ румяный день высоко.
Се мной Петру и вамъ обѣтованный даръ,
Се средство побѣдитъ всѣ силы хитрыхъ чаръ!

Разсмотрѣніе.

Хотя въ переводѣ сей строфы смыслъ подлинника и довольно сохраненъ, однакожъ многими надутыми выраженіями весьма удалился отъ той пріятной простоты, съ какою повѣствуетъ Тассъ, въ которомъ нѣтъ ничего напыщеннаго: ни *холмовъ рдяноцвѣтныхъ,* ни глагола *дарить*, ни хартіи *тайной*, ни странствія *жестокаго*, ни *дня румянаго востекшаго высоко,* ни восклицанія: *се даръ!* все это сказано гораздо простѣе и лучше; ибо высокопарность хороша у мѣста. Въ переводѣ классическаго стихотворца должно не только соблюдать смыслъ, но и тѣ самыя краски употреблять, какія онъ употреблялъ. Гдѣ онъ или силенъ, или величавъ, или высокъ, или простъ: тамъ и пе-

реводчикъ долженъ быть таковъ же; иначе онъ не будетъ на него похожъ. Прилагательныя имена должны быть соображаемы съ самой природою и свойствомъ языка. Хорошо сказать: *румяная заря*, *румяное утро;* но сказать *румяный день*, вмѣсто *ясный*, *свѣтлый*, есть уже нарушеніе приличія. Мы говоримъ: *солнце взошло*, *день насталъ* или *разсвѣлъ;* но *день взошелъ* или *востекъ высоко*, есть нѣчто несвойственное дню. Тассъ не называетъ хартіи *тайною*, не называетъ странствія *жестокимъ*. Въ подлинникѣ старецъ говоритъ просто: Eccovi qui quanto ha promesso: *вотъ то*, *что я вамъ обѣщалъ*. Въ переводѣ онъ восклицаетъ величаво, какъ бы хвастая своею услугою: *Се мной Петру и вамъ обѣтованный даръ!* — Какому *Петру?* о Петрѣ Тассъ не говоритъ здѣсь ни слова. Напрягать и возвышать мысли свои тамъ, гдѣ теченіе ихъ должно быть простое и естественное, не есть краснорѣчіе.

2.

Erano essi già sorti; e l'arme intorno
A le robuste membra avean già messe:
Onde per vie che non rischiara il giorno
Tosto seguono il vecchio; e son l'istesse
Vestigia ricalcate or nel ritorno,
Che furon prima nel venire impresse.
Ma giunti al letto del suo fiume: „Amici,
„Io v'accomiato, ei disse: ite felici!"

то есть:

Они уже встали, и крѣпкіе члены ихъ облечены уже были оружіемъ, а потому и пошли тотчасъ за старцемъ путями не освѣщаемыми солнцемъ; и тѣже слѣды топчутъ отходя, которые приходя проложили. Но когда пришли они къ ложу его рѣки: „друзья, сказалъ онъ имъ, я васъ оставляю; ступайте благополучно!“

Вотъ переводъ стихами:

Возстали витязи; оружія тяжелы
Покрыли мышцы ихъ, и сильны, и дебелы;
Уже вооружены, стремятся старца въ слѣдъ
Стезей, которыя не знаетъ солнца свѣтъ;
Которую вчера, обильну чудесами,
Они измѣрили смущенными стопами.
На берегу рѣки: простите!—рекъ онъ имъ—
„Да будетъ подвигъ вашъ благословенъ Святымъ!

Разсмотрѣніе:

Простоту выраженій въ простомъ повѣствованіи столько же наблюдать должно, сколько и возвышенность слога въ выраженіи высокихъ мыслей. Тассъ говоритъ просто: *они уже встали и были одѣты, а потому и пошли тотчасъ за старцемъ.* Здѣсь никакой нѣтъ нужды выражать простую мысль сію отборными словами: *возстали*, *стремятся.* Послѣ стиха: *оружія тяжелы*

покрыли мышцы ихъ, выраженіе: *уже вооружены*, есть излишнее повтореніе, котораго у Тасса нѣтъ, равно какъ и словъ: *вѣра обильну чудесами*, *измѣрили смущенными стопами*: все это прибавки, едва ли нужныя, а особливо послѣдняя. У Тасса старецъ говоритъ воинамъ: ite felici! *ступайте щастливо!* (Богъ съ вами!); а у переводчика: *да будетъ подвигъ вашъ благословенъ Святымъ*. Какой *подвигъ?* какимъ *Святымъ?* на что растягивать и напыщать тамъ, гдѣ въ подлинникѣ совершенная простота? Но это самыя малыя небрежности, которыя мы замѣчаемъ для показанія токмо, какой надобно дать себѣ трудъ для перевода классическаго писателя. Покажемъ теперь несравненно важнѣйшія погрѣшности. Тассъ говоритъ: *когда они пришли къ ложу его рѣки* (al letto del suo fiume.) Здѣсь никакимъ образомъ не можно выпустить словъ letto (*ложе*) и suo (*его*); ибо въ предыдущей пѣсни сказано было, что когда воины пришли къ рѣкѣ, то старецъ ударилъ по ней жезломъ, вода разступилась, и онъ повелъ ихъ на дно рѣки, а оттуда въ подводное свое жилище. Теперь привелъ онъ ихъ обратно по тѣмъ же самымъ слѣдамъ, и слѣдовательно пришли они къ *ложу* (т. е. ко *дну*) рѣки, а не *на берегъ*, какъ стоитъ въ переводѣ. Сверхъ сего въ подлинникѣ съ намѣреніемъ сказано:

suo fiume (*его рѣка*), дабы чрезъ то показать, что они не къ другой какой рѣкѣ пришли, но имянно къ той волшебной, которая есть какъ бы *собственная его*, поелику онъ подъ ней живетъ и она ему повинуется. Переводчикъ, не вникнувъ хорошенько въ сей смыслъ подлинника, говоритъ: *на берегу рѣки*. Мы въ слѣдующей строфѣ увидимъ, въ какую несообразность завело его сіе недоразумѣніе.

3.

Gli accoglie il rio ne l'alto seno, e l'onda
Soavemente in su gli spinge e porta:
Come suole innalzar leggiera fronda,
La qual da violenza in giù fu torta;
E poi gli espon sovra la molle sponda.
Quinci mirar la già promessa scorta:
Vider piccola nave, e in poppa quella
Che guidar gli dovea, fatal donzella.

то есть:

Рѣка пріемлетъ ихъ въ глубокое нѣдро свое, и вода тихо возноситъ ихъ, подобно какъ она приподнимаетъ легкую оторвавшуюся внизу былинку; и потомъ поставляетъ ихъ на мягкій берегъ. Тамъ зрятъ они обѣщаннаго проводника; видятъ малую лодію, и на кормѣ ея ту, которая долженствовала быть ихъ путеводительницею, волшебную дѣву.

Вотъ переводъ стихами:

Рѣка пріемлетъ ихъ на зыби лона влажна.
Качаетъ малый чолнъ волна стеклообразна;
Стремительно несетъ, какъ легкій древъ листокъ
При колыханьи водъ мчитъ быстрый вѣтерокъ.
И се, ихъ ставитъ валъ на холмъ песка прибрежный:
Тамъ, старца по словамъ, явился вождь надежный.
Узрѣли лодію; уже оснащена;
И на кормѣ сѣдитъ таинственна жена.

Разсмотрѣніе:

Здѣсь не надобно и разбора, дабы видѣть, что подлинникъ говоритъ одно, а переводъ другое. *На зыби лона влажна:* въ подлинникѣ нѣтъ *зыбей*, да на рѣкѣ и быть имъ не свойственно; онѣ бываютъ токмо на пространныхъ моряхъ. Выше объяснено, что старецъ привелъ воиновъ не *на берегъ*, но *къ ложу* или *ко дну* рѣки, и что рѣка приняла ихъ не *на зыби лона влажна*, но во внутренность водъ своихъ. Тассъ сообразно сему и дѣлаетъ сіе весьма естественное уподобленіе: *вода тихо возноситъ ихъ, подобно какъ приподнимаетъ она легкую оторвавшуюся внизу былинку.* Чтожъ на мѣсто сего стоитъ въ переводѣ? *Качаетъ малый чолнъ волна стеклообразна!* Какой *чолнъ?* откуду онъ взялся? когда на чолнѣ ѣздятъ

со дна рѣки на поверхность оной? Естьли же бы они ѣхали въ челнѣ по рѣкѣ, то бы вышесказанное уподобленіе было совершенно пустое; ибо всякъ знаетъ, что вода приподнимаетъ челнъ. У Тасса вода подъемлетъ ихъ *тихо* (то есть, нѣжно, бережно, осторожно: soavemente), а у переводчика: *волна несетъ ихъ стремительно, какъ легкіи древъ листокъ при колыханьи водъ мчитъ быстрый вѣтерокъ*. Сколько здѣсь не свойственнаго и въ Тассѣ совсѣмъ небывалаго! Исчислимъ: 1) въ подлинникѣ нѣтъ *вѣтра*; 2) вѣтръ на такую малую и тонкую вещь, каковъ есть *листокъ древа*, обмокшій и плавающій въ водѣ, ни мало не дѣйствуетъ, и не можетъ, а особливо *при колыханьи водъ*, не только *стремительно мчать* его по водѣ, ниже сдвигивать съ мѣста; 3) переводчикъ говоритъ *вѣтерокъ*: сіе уменьшительное имя означаетъ само по себѣ малый, слабый, тихій вѣтръ. Какъ же этотъ *вѣтерокъ* при кротости и тихости своей вмѣстѣ и *быстръ*, и *волны стремитъ*, и *воды колыхаетъ*, и *мчитъ*? — Тассъ говоритъ просто: и *вода выноситъ ихъ на мягкой берегъ*, разумѣя подъ словомъ *мягкій* (molle) *покрытый злакомъ*, *травою*. Переводчикъ вездѣ пріятную простоту сію превращаетъ въ неумѣстное восклицаніе: *И се! ихъ ставитъ валъ на холмъ песка прибрежный!* Какой

валѣ? какой *холмѣ песка прибрежный?* откуда они взялися? у Тасса ихъ нѣтъ. Въ подлинникѣ тишина и спокойство, а въ переводѣ волны и бури. — Тассъ говоритъ: *зрятѣ малую лодію;* переводчикъ прибавляетъ къ сему: *уже оснащена.* За чѣмъ сія не нужная прибавка? Классическаго писателя не токмо прибавками портить, ниже украшать не должно.

4.

Crinita fronte ella dimostra, e ciglia
Cortesi e favorevoli e tranquille:
E nel sembiante a gli Angeli somiglia;
Tanta luce ivi par ch'arda e sfaville.
La sua gonna or azzurra ed or vermiglia
Diresti, e si colora in guise mille:
Si ch'uom sempre diversa a se la vede,
Quantunque volte a riguardarla riede.

то есть:

Власы она имѣла кудрявые, и взоры ласковые и дружелюбные и спокойные; и видомъ походила на Ангела; такъ отъ нее свѣтилось, что казалось, она сіяетъ и горитъ. Одежду ея назвалъ бы ты то лазуревою, то багряною, и тысячами цвѣтовъ играющею, такъ что сколько разъ на нее ни взглянешъ, всегда видишъ различною.

Вотъ переводъ стихами:

Власы ліясь съ чела: свиваются съ кудрями;
Привѣтствіе и миръ блестятъ ея очами:
Пріятна и важна, какъ неба кроткій духъ!
Необычайный свѣтъ облекъ ее вокругъ.
То пурпуръ, то лазурь — чудесная хламида
Сліяніе цвѣтовъ безчисленныхъ для вида!
И тщетнобы желалъ опредѣлить ихъ взглядъ:
Стократно смотритъ онъ — и новой зритъ
стократъ.

Разсмотрѣніе:

Въ сей строфѣ нѣтъ даже и тѣни Тассовыхъ мыслей, или по крайней мѣрѣ онѣ такъ переиначены, что ихъ узнать не возможно. Простое выраженіе: *она имѣла власы кудрявые*, похоже ли на то, что *волосы у нее льются съ чела и свиваются* съ какими-то другими *кудрявыми волосами?* Рѣчь, что *взоры ея ласковы, дружелюбны и спокойны*, похожа ли на то, что *привѣтствіе и миръ блестятъ ея очами?* Пусть бы еще *въ ея очахъ;* можетъ быть о человѣкѣ, воспламененномъ гнѣвомъ, можно иногда сказать: *огонь горитъ въ его очахъ;* но *огонь горитъ его очами*, было бы весьма странное изреченіе. Гдѣ въ подобныхъ выраженіяхъ та простота и ясность, съ какою говоритъ Тассъ? — Стихъ, что она *видомъ походила на Ангела*, похожъ ли на стихъ: *пріятна и важна, какъ неба кроткій духъ? Ангела* всякъ знаетъ, видитъ на картинахъ, и умѣетъ

себѣ вообразить; но гдѣ? какой стихотворецъ или живописецъ изобразилъ намъ *неба кроткій духъ?* и что разумѣть подъ этимъ: существо ли какое, или благоуханіе, или теплоту воздуха? — Тассъ говоритъ: *такъ отъ нее свѣтилось, что казалось, она сіяетъ и горитъ*. Выражаетъ ли мысль эту стихъ: *Необычайный свѣтъ облекъ ее вокругъ?* Первое не *свѣтъ облекъ ее вокругъ*, но она издавала отъ себя свѣтъ. Второе, ежели свѣтъ *облекъ* (т. е. *оболокъ, облачилъ*), то еще слѣдуетъ вопросъ: чѣмъ или во что онъ ее *облекъ*, самъ ли собою или инымъ чѣмъ? Послѣ словъ: *сліяніе цвѣтовъ безчисленныхъ*, что значатъ слова *для вида!* Всякъ знаетъ, что *сліяніе цвѣтовъ* не бываетъ *для слуха*. Вставка сія нужна для рифмы съ *чудесная хламида;* но Тассъ не дѣлалъ вставокъ для рифмъ. Сверхъ сего безпрестанную перемѣну цвѣтовъ, игру ихъ, отливы, разновидность, изобразитъ ли намъ слово *сліяніе*, то есть, *смѣшеніе* всѣхъ ихъ вмѣстѣ? — Тассъ говоритъ просто и ясно: *сколько разъ на нее ни взглянешъ, всегда видишъ различною;* а переводчикъ, превращая сію простоту и ясность въ нѣчто хитрое и двусмысленное, говоритъ: *и тщетно бы желалъ опредѣлить ихъ взглядъ*. За чѣмъ тутъ ученое слово *опредѣлить?* у мѣста ли оно? Притомъ же надобно дать себѣ трудъ раза

два прочитать, чтобъ мѣстоименіе *ихъ* не отнести къ *цвѣтамъ*, и не принять это за *взглядъ цвѣтовъ*, произнеся такимъ образомъ: *опредѣлить — ихъ взглядъ*. Послѣ сего непосредственно слѣдуетъ полустишіе: *стократно смотритъ онъ*. — Къ кому относится здѣсь мѣстоименіе *онъ?* ни о комъ прежде говорено не было: и такъ оно непремѣнно должно относиться къ слову *взглядъ*, и тогда по смыслу выходитъ: *взглядъ смотритъ*.

5

Cosi piuma talor, che di gentile
Amorosa colomba il collo cinge,
Mai non si scorge a se stessa simile,
Ma in diversi colori al sol si tinge
Or d'accesi rubin'sembra un monile:
Or di verdi smeraldi il lume finge:
Or insieme gli mesce; e varia e vaga
In cento modi i riguardanti appaga.

то есть:

Такъ иногда перья на шеѣ прелестнаго и страстнаго голубка, никогда сами съ собою не сходны, но всегда при солнечномъ сіяніи разными цвѣтами блистаютъ. То мнится быть на немъ изъ горящихъ рубиновъ ожерелье; то зеленыхъ смарагдовъ кажетъ онъ лучи; то вмѣстѣ ихъ смѣшиваетъ,

и разнообразенъ и красивъ, множествомъ перемѣнъ увеселяетъ очи зрителей.

Вотъ переводъ стихами:

Какъ страстный голубокъ на бирюзовой выѣ
Мѣняетъ перышковъ оттѣнки золотые,
Когда вкругъ милыя онъ вьется въ яркій день;
Мигъ всякой — цвѣтъ другой, или другая тѣнь:
То кажется она рубиновымъ монистомъ,
То блещетъ въ ней смарагдъ, обдѣланъ въ златѣ чистомъ;
То слиты купно всѣ для зрителей цвѣты,
Многообразныя отливовъ красоты.

Разсмотрѣніе:

Въ подлинникѣ перья на шеѣ не означены никакимъ опредѣленнымъ цвѣтомъ, для того что онѣ безпрестанно мѣняютъ свой цвѣтъ; но когда мы назовемъ ихъ напередъ *бирюзовыми* и *золотыми*, то уже нѣкоторымъ образомъ и противурѣчимъ себѣ, когда послѣ говоримъ объ нихъ: *что мигъ, то цвѣтъ другой.* — Выраженіе: *обдѣланъ въ златѣ чистомъ*, есть весьма не хорошая прибавка. Въ подлинникѣ даны камнямъ прилагательныя имена: рубинъ *огненный* или *горящій*, смарагдъ *зеленый;* лучше бы не пропустить сихъ именъ, нежели прибавлять *обдѣлку въ золото*, обстоятельство совсѣмъ постороннее и ни мало здѣсь не нужное. Тассъ говоритъ о голубѣ:

. . . . e vana e vaga,
In cento modi i riguardanti appaga.

Изъ слова въ слово:

. . . . и различенъ и прекрасенъ,
Многими образами смотрящихъ увеселяетъ.

Похожель это на сіи невразумительныя слова: *всѣ цвѣты купно слиты для зрителей, многообразныя красоты отливовъ?* Здѣсь нѣтъ ни нужной грамматической связи, ни должнаго смысла.

6.

„Entrate, dice, o fortunati, in questa
„Nave ond'io l'ocean sicura varco,
„Qui destro è ciascun vento, ogni tempesta
„Tranquilla, e lieve ogni gravoso incarco.
„Per ministra e per duce or mi v'appresta
„Il mio signor, del favor suo non parco."
Così parlò la donna; e più vicino
Fece poscia a la sponda il curvo pino.

то есть:

„Войдите, сказала, щастливые, въ сей корабль, на коемъ я безопасно преплываю океанъ, и которому всякій вѣтръ попутенъ, всякая буря тиха, и всякій тяжелый грузъ легокъ. Господинъ мой, не скудный въ милостяхъ, поручилъ мнѣ васъ везти и вамъ служить." Тако рекла жена, и приближила къ берегу корабль.

Вотъ переводъ стихами:

„Щастливцы жданные! — безвѣстная вѣщаетъ —
Вступите вы въ мой челнъ, которой пробѣгаетъ
Безбѣдно глубины водородящихъ нѣдръ:
Ему всѣ бури—вождь, попутенъ всякой вѣтръ;
Всѣ тяжести легки. — Мой, въ милостяхъ не скудной,
Владыка повелѣлъ, чтобъ я въ стихіѣ трудной
Была вамъ спутникомъ, и другомъ, и рабой.

Разсмотрѣніе:

Замѣтимъ сперва, что сочиненное изъ прилагательнаго существительное *щастливецъ* часто весьма не хорошо употребляютъ вмѣсто прилагательнаго *щастливый*. Сіи два слова имѣютъ не малое между собою различіе, такъ что не могутъ одно вмѣсто другаго безъ разбора ставиться. Всѣ существительныя изъ прилагательныхъ имена увеличиваютъ силу прилагательныхъ въ добрую или въ худую сторону, но больше въ худую: *скупецъ*, *гордецъ*, *лукавецъ*, бранчивѣе, чѣмъ *скупый*, *гордый*, *лукавый*. Равнымъ образомъ и *щастливецъ* говорится токмо въ такомъ случаѣ, когда мы хотимъ о комъ сказать, что онъ больше щастливъ, нежели щастія своего достоинъ. Выраженіе: *какъ онъ щастливъ*, имѣетъ не малую разность съ выраженіемъ: *какой онъ щастливецъ*. От-

пуская напримѣръ, сына или друга своего, мы можемъ сказать ему: *будь щастливъ!* но не скажемъ: *будь щастливецъ!* Употребляютъ еще и *нещастливецъ*, вмѣсто *нещастный*; но таковыя нововведенія входятъ отъ недовольнаго знанія силы словъ и свойствъ языка. — Во второмъ стихѣ мѣстоименіе *вы*, при названіи *щастливцы*, есть уже лишнее слово, худая вставка. — Не знаю, можно ли океянъ, или море, называть: *глубины водородящихъ нѣдръ*; не могу проникнуть мысли въ семъ необыкновенномъ выраженіи. — Въ четвертомъ стихѣ сказано: *ему всѣ бури вождь.* Почему *вождь?* Бурямъ, напротивъ, мореплаватели всячески сопротивляются и не даютъ имъ водить себя; ибо онѣ заведутъ ихъ туда, куда тѣмъ не хочется. Въ подлинникѣ стоитъ: *всякая буря тиха*, а не *всѣ бури вождь.* — У Тасса дѣва говоритъ; *господинъ мой велѣлъ мнѣ быть вашею услужницею и проводницею* (ministra e duce), а у переводчика: *спутникомъ, другомъ*, и *рабою.* Всѣ три слова не тѣ, которымъ быть должно.

7.

Come la nobil coppia ha in lui raccolta,
Spinge la ripa, e gli rallenta il morso:
Ed avendo la vela a l'aure sciolta,
Ella siede al governo, e regge il corso.

Gonfio il torrente è si, qu'à questa volta
I navigli portar ben può sul dorso:
Ma questo è si leggier, che sosterrebbe
Qual altro rio per nuovo umor men crebbe.

то есть:

Когда благородная чета вступила въ лодію, дѣва отталкиваетъ ее отъ берега, освобождаетъ отъ узъ, и распустя парусы, сидитъ на кормѣ и правитъ. Рѣка на сей разъ такъ была многоводна, что могла бы на хребтѣ своемъ и грузные корабли нести, а сей былъ такъ легокъ, что его поднялъ бы и всякой другой маловодный протокъ.

Вотъ переводъ стихами:

Едва въ ладью чета почтенная вступила;
Подъемлетъ котву выспрь и распростря вѣ-
трила,
Сѣдяща на кормѣ, содѣйствуетъ рулемъ, —
И бреги сходятся за малымъ кораблемъ. —
Потокъ глубокой былъ: клубящіяся волны
Могли бы поднимать суда огромны, полны; —*)
Но легкій сей челнокъ возможетъ быть несомъ
И бѣднымъ, отъ дождей живущимъ ручейкомъ.

---

*) Я ставлю вездѣ чорточки (тирады) тамъ, гдѣ оныя въ переводѣ поставлены, хотя во всей Тассовой поэмѣ нѣтъ ихъ ни одной. Также и въ нашихъ прежнихъ писателяхъ нигдѣ ихъ не находимъ. Это новое изобрѣтеніе. Чорточки въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ такъ много расплодились, что кажется симъ легкимъ способомъ хотятъ замѣнить не только точки и запятыя, но даже всякой смыслъ и красоту.

Разсмотрѣніе:

По грамматическому смыслу первыхъ трехъ стиховъ всѣ сказанныя въ оныхъ дѣйствія производитъ *чета*, *сѣдяща на кормѣ* (ибо ни о комъ, кромѣ ее, выше не упомянуто); между тѣмъ надобно догадываться, что это дѣлаетъ *дѣва:* она *подъемлетъ котву вьюпрь* (хотя о котвѣ или якорѣ въ подлинникѣ ничего не говорится), она *содѣйствуетъ* (настоящее слово *правитъ*) *рулемъ*. Во многихъ нынѣшнихъ стихахъ не столько надобна грамматика и знаніе силы словъ, сколько догадка или слѣпая вѣра къ писателю. Стиха: *и бреги сходятся за малымъ кораблемъ*, нѣтъ въ подлинникѣ; нѣтъ также ни *клубящихся волнъ*, ни прилагательнаго къ судамъ *полны*, ни *бѣднаго ручейка живущаго отъ дождей:* все это принадлежитъ переводчику, а не Тассу.

8.

Veloce sovra il natural costume
Spingon la vela inverso il lido i venti.
Biancheggian l'acque di canute spume
E rotte dietro mormorar le senti.
Ecco giungono omai là dove il fiume
Queta in letto maggior l'onde correnti;
E nel ampie voragini del mare
Disperso o divien nulla, o nulla appare.

то есть:

Надутые вѣтромъ парусы съ необыкновенною скоростію несутъ лодію. Сѣдая пѣна бѣлѣется и раздвинутые воды журчатъ за кормою. Се достигаютъ они туда, гдѣ рѣка разширяясь уменьшаетъ свою быстрину, и по пространству морской пучины разлитая или исчезаетъ, или становится невидимою.

Вотъ переводъ стихами:

Быстрѣйшій нѣкій вѣтръ, дхновенье тайной силы,
Чудесно надувалъ его блестящи крылы;
Грядой сребрился въ слѣдъ въ пѣнистыхъ кудряхъ валъ,
И горный гулъ вдали на шумъ его взывалъ.
Рѣка все болѣе и ширѣ становилась.
Старѣя, близь конца едва уже катилась:
Потомъ, теряяся въ безмѣрныхъ безднахъ водъ,
Забыла и себя, и берегъ свой, и ходъ.

Разсмотрѣніе:

Здѣсь нѣтъ ни одной мысли, ни одного выраженія, которое бы соотвѣтствовало подлиннику и могло назваться переводомъ. Тассъ точно такъ исчезаетъ здѣсь, какъ рѣка исчезаетъ въ морѣ. Почему *быстрѣйшій нѣкій вѣтръ?* Почему *дхновенье тайной силы?* Почему *чудесно надувалъ блестящи крылы?* Откуду всѣ сіи *чудеса*, о которыхъ

въ подлинникѣ ни слова не говорится? Тамъ просто сказано: *вѣтръ съ необыкновенною скоростію несъ лодку.* Какаяжъ тутъ *чудесность* и *нѣкій вѣтръ* и *тайная сила?* Пусть паруса можно назвать *крылами*, но почему они *блестящія?* Какой *валъ сребрится грядой въ пѣнистыхъ кудряхъ!* У Тасса нѣтъ ни *вала,* ни *гряды,* ни *кудрей:* все это не Тассово. Похоже ли выраженіе senti l'acque mormorar (вода журчала или слышалась журчащею) на выраженіе: *горный гулъ вдали взывалъ на шумъ вала?* Естественно ли раздаваться въ горахъ какому либо гулу отъ слабаго журчанія воды за кормою пловущей лодки? Могъ ли Тассъ это сказать, и дошла ли бы поэма его до потомковъ, естьлибъ онъ подобное въ ней говорилъ? — Какъ можетъ рѣка *все болѣе и ширѣ становиться?* Такой рѣки въ природѣ нѣтъ. Тассъ говоритъ: когда они доплыли до того мѣста, гдѣ рѣка стала ширѣ (то есть до устья): то ли это, что она *все больше* и *ширѣ становилась?* — Почему *старѣе?* когда рѣка или вода въ ней отъ движенія старѣется? Почему *близь конца едва уже катилась?* Всего этаго нѣтъ у Тасса: рѣка у него не *становится все болѣе и ширѣ*, не *старѣется,* не *катится на силу,* и не *близь конца,* но уже за предѣлами онаго, то есть въ устьѣ и далѣе въ морѣ, уменьшаетъ быстрину

свою, исчезаетъ или теряется, а не *забываетъ и себя и берегъ свой и ходъ.* Ежели все это забываетъ, чтожъ такое она помнитъ?

Мы прерываемъ разсмотрѣніе наше, опасаясь наскучить читателю; но сего уже довольно, дабы видѣть, что по таковымъ переводамъ не будемъ мы знать классическихъ писателей, и словесность наша чрезъ то не обогатится. Мы не отнимаемъ достоинствъ у переводчика, одареннаго дѣйствительно прекрасными въ стихотвореніи талантами; но въ семъ переводѣ признавать ихъ не можемъ. Не вѣдаемъ, поспѣшность ли какая, или небрежность тому причиною, хотя въ подобномъ случаѣ ни то ни другое не служитъ къ оправданію; ибо лучше за дѣло толь важное не приниматься, нежели сдѣлать оное безъ должнаго размышленія и съ небреженіемъ. Послѣ сего трудно повѣрить, чтобъ тотъ, кто въ переводѣ своемъ показалъ себя толь мало чувствующимъ красоты подлинника, могъ критически разобрать и справедливо оцѣнить намъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ, каковы были Ломоносовъ, Сумароковъ и Херасковъ. Безъ сомнѣнія въ нихъ есть недостатки, какъ и во всѣхъ: но есть и достоинства, какія не во всякомъ другомъ бываютъ. Мы въ защиту истины и для пользы словесности имѣли

бы право и могли бы показать въ критическомъ разборѣ сочиненій ихъ столько же небрежности и необдуманности, сколько и въ семъ переводѣ; но время не позволяетъ намъ о томъ распространяться. Покажемъ только краткій образчикъ, изъ котораго можемъ судить и о прочемъ. Въ разборѣ Гамлета, Сумарокова трагедіи, сказано: „подивитесь ловкости Гамлета! онъ вбѣ„гаетъ въ ту самую минуту въ чертоги „внутренніе, когда жестокосердый отецъ „занесъ мечъ свой на сердце его любовницы.— „Само по себѣ разумѣется, что этаго со„вершиться не могло, ибо доброй Сумаро„ковъ на сторонѣ Гамлета.—Чтожъ послѣ „этаго? — то, что повторяется предъ ва„шими глазами весьма часто въ 6 часовъ „вечера, когда представляются трагедіи: „убійственный мечъ исторгнутъ изъ рукъ „нечестивца-отца, невинная овечка упа„даетъ въ обморокъ на рукахъ своей мамуш„ки, которая стоя до сихъ поръ спокойно, „давно уже дожидалась для себя какого ни„будь дѣла.“ — Какъ! это называется критикою? Эстетическимъ разборомъ? познаніемъ вкуса? Но про какую трагедію не могу я сказать: *Ахиллесишко вбѣжалъ, да ну бранить Агамемнона, а тотъ огрызается; но добрый Расинъ на ихъ сторонѣ: онъ не допуститъ ихъ подраться.* Развѣ это не тоже,

что: „*невинная овечка упадаетъ въ обморокъ на рукахъ* (упадаетъ на руки, а не на рукахъ) *своей матушки, которая стоя до сихъ поръ спокойно, дожидалась для себя какого нибудь дѣла?*" Вотъ здѣсь-то вмѣсто *подивитесь ловкости Гамлета* справедливѣе можно сказать: *подивитесь такой критикѣ!* Между тѣмъ однакожъ есть люди (и можетъ быть Руские, хотя и по Французски пишутъ), которые, основываясь на сихъ критикахъ, и называя ихъ *здравыми* (какъ ниже увидимъ), не только сами такъ думать любятъ, но и чужеземцевъ такими же *здравыми разсужденіями* увѣрить въ томъ хотятъ. Вотъ что читаемъ мы во Французскихъ вѣдомостяхъ, называемыхъ: Conservateur impartial (N 77, 1817): „Sous le regne des Imperatrices Anne et Elisabeth, l'Europe, a vu naitre les Belles Lettres et la Poësie chez une nation qui elle même venait, pour ainsi dire, d'être créée. (Подлинно pour ainsi dire, потому что у насъ за долго до сего времени были уже отличные проповѣдники и писатели, таковые какъ Димитрій Ростовскій и другіе. Ѳеофанъ Прокоповичъ, не уступающій силою слова Златоустамъ и Демосѳенамъ, говорилъ уже ПЕТРУ Великому прекраснѣйшія рѣчи, образцовыя и по нынѣ. Духовное краснорѣчіе наше было въ цвѣтущемъ состояніи, какимъ ни одинъ Европейскій языкъ

не похвалится. Не было свѣтскихъ сочиненій: одъ, сатиръ, комедій, и проч., такъ, это правда; но первое: не ужъ ли безъ нихъ не можетъ быть просвѣщенія? второе: кто докажетъ, что подобнаго рода писаній не было? Слово о *Полку Игоревомъ* и многія народныя сказки и пѣсни доказываютъ противное тому. Третіе: даже и въ сихъ новыхъ до того времени свѣтскихъ писаніяхъ не появились ли у насъ тотчасъ Кантемиры, Ломоносовы, Сумароковы, Херасковы, и многіе другіе? Могли ли бы они вдругъ изъ ничего возникнуть, когда бы не было языка и просвѣщенія? Россія не въ сіе токмо время возсуществовала (venoit d'être crée), она давно уже была Россіею: Европа могла удивиться скорымъ ея при ПЕТРѢ Великомъ успѣхамъ въ нѣкоторыхъ наукахъ и художествахъ; но достоинство ея, способность разума и душевныя доблести, ученая Европа должна была и прежде видѣть; одно невѣжество сего не видало.) — „Quelques années après, plusieurs écrivains, étonnés des pas de géant que l'ancien Empire des „Tzars faisoit dans le chemin de la civilisation, „n'ont point hésité à comparer les premiers essais „des Muses Russes aux chefs d'œuvres de la langue „des Racine et des Voltaire.“ (Не въ просвѣщеніи ума Россія сдѣлала исполинскій шагъ: изъ дураковъ въ умные такъ легко не прыгаютъ;

но она бывъ просвѣщенною пріобрѣла многія новыя познанія, какъ и во всякомъ народѣ оныя со временемъ распространяются. Ежели въ чемъ можно обвинять Россію, такъ это въ томъ, что она можетъ быть съ полезными науками и благонравными писаніями допустила въ себя вползти и такимъ поученіямъ, сочиненіямъ и примѣрамъ, которыя затмѣваютъ разумъ и развращаютъ сердце; но добро и зло ходятъ вмѣстѣ, и трудно въ здѣшнемъ свѣтѣ раздѣлить ихъ такъ, чтобъ одно вошло, а другое осталось за порогомъ. Ежели иностранцы первые опыты нашихъ музъ сравнили съ лучшими произведеніями Расиновъ и Волтеровъ, то они правы: Французской языкъ и теперь не покажетъ намъ Лирика, равнаго Ломоносову. Расина ихъ мы почитаемъ, и желаемъ въ трагическихъ твореніяхъ съ нимъ сравниться. Чтожъ принадлежитъ до ихъ Волтера, мы признаемъ въ немъ остроту ума и способность писать стихи; но радуемся, что никто изъ Рускихъ не осквернилъ себя такими произведеніями, какъ онъ. Просвѣщеніе издавна полагаемъ мы въ здравомъ умѣ, соединенномъ съ честностію души; а не тамъ, гдѣ умъ за разумъ заходитъ.) — „l'historien Leveque n'a pas balancé de placer Sou„marokoffl à coté de la Fontaines qui, surnommé „l'inimitabe, a dumoins mérité l'aveu de n'avoir

„pas eu d'égal jusqu'à present. (Сумароковъ не однѣ басни писалъ, но трагедіи, сатиры, эклоги и другія многія сочиненія, чего Лафонтенъ не дѣлалъ; и такъ ихъ сравнивать не можно. Да и почему надобно всегда оцѣнять Рускаго писателя по сравненію съ Француским? Каждой изъ нихъ имѣетъ свою цѣну.) „L'on est revenu de ces idées exal-„tées si nuisibles aux progres de l'art. (Не знаю о комъ сочинитель говоритъ: l'on est revenu: вообще сказать сего не можно. Вѣроятно разумѣетъ онъ подъ симъ себя и нѣкоторыхъ, одинаково съ нимъ мыслящихъ. Но я прошу его покорно, меня изъ сего числа исключить, и увѣренъ, что и многіе Руcкіе о томъже его попросятъ; ибо многіе думаютъ, что презрѣніе къ талантамъ почтенныхъ людей не есть доказательство нашихъ талантовъ, и что искуству вредятъ ложныя, а не справедливыя о вещахъ понятія.) „Nos Virgile, nos Cicéron, nos Horace „ont disparu; leurs noms ne marchent plus de pair „avec la vénérable antiquité que dans quelques „mauvais livres d'école. (Хотя мѣстоименіе nos и показываетъ, что это написалъ Руской; но я этому не вѣрю. Кто нибудь сердитый на насъ иностранецъ подъ него поддѣлался. За что Рускому показывать такое безразсудное презрѣніе къ собственнымъ своимъ по всей справедливости достойнымъ писа-

телямъ? Мы уважаемъ и Виргиліевъ, и Цицероновъ, и Горацієвъ: за что же презирать своихъ Өеофановъ, Ломоносовыхъ и проч., которыхъ сами Виргиліи стали бы уважать, естьлибъ они ихъ прочитали?) „Nos gens de lettres ont commencé à adopter une „saine critique: Mr. de Mersliakoff a prouvé le pre„mier que Kheraskoff, quoique écrivain fort éstimé, „n'étoit rien moins qu'un second Homêre, et que „son plus beau poëme n'approchoit pas même de la „Henriade. (Никто Хераскова не называлъ вторымъ Гомеромъ; однакожъ онъ между писателями поэмъ конечно имѣетъ вторую степень, и никто у него этова не отнимеmъ. Сочинитель сихъ строкъ судитъ о немъ не по собственному своему знанію, какъ самъ сказываетъ, но по критикѣ, которую называетъ онъ *здравою* (saine critique). Мы видѣли маленькой образчикъ оной, видѣли также переводъ изъ Тассовой поэмы: не знаемъ, согласится ли послѣ сего читатель полагаться на сію *здравую критику*. Ежели согласится, то мы низко поклонясь, пожелаемъ ему всякаго благополучія. . . . „Malgré les efforts de Radichtcheff, de Narejen et „de quelques autres, efforts qui, peut être, avec le „temps seront appréciés, etc. (Здѣсь поставлены имена двухъ писателей, мало извѣстныхъ, и которые вѣроятно столько благоразумны, что не захотятъ и сами блистать въ гре-

мучихъ твореніяхъ, когда Ломоносовъ и ему подобные прогнаны въ худыя школьныя книги. Господинъ сочинитель сихъ строкъ напрасно пророчитъ, что усилія ихъ *со временемъ будутъ въ почтеніи* (avec le temps seront apprécіés); сіе пророчество его столько же не похвально въ немъ и не справедливо, сколько и возвѣщеніе иностранцамъ, что память Ломоносовыхъ, Херасковыхъ и проч. нынѣ у насъ не существуетъ, какъ токмо dans quelques mauvais livres d'école. Что на это сказать? Не ужъ ли вооружиться негодованіемъ? Разсмѣяться и перестать продолжать: вотъ что надобно. Благоразумный читатель самъ, безъ всякихъ словъ, почувствуетъ это ясно и живо. Между тѣмъ однакожъ любя и языкъ свой, и пользу словесности, и вообще достоинство правды и ума человѣческаго, мы не можемъ воздержаться отъ слѣдующихъ разсужденій: раздѣляя словесность нашу на какія-то два начала, или отдѣла, изъ коихъ одинъ состоитъ изъ нѣсколькихъ вѣковъ, а другой изъ нѣсколькихъ лѣтъ, мы хотимъ выдавать себя за новыхъ людей, и чтобъ отличиться отъ прежнихъ, другаго средства не придумали, какъ почитать ихъ младенцами, называть всѣ творенія ихъ *колыбелію словесности*, полагать умъ ихъ невѣжественнымъ и языкъ ихъ грубымъ; а себя или со-

временниковъ своихъ (покуда мы съ ними согласны) величать, превозносить похвалами, и словомъ, въ тѣхъ не находить ничего хорошаго, а въ сихъ ничего худаго. Увлекаемые сею несправедливою и для насъ самихъ вредною ненавистію къ великолѣпному, многими вѣками уставленному языку нашему и къ прежнимъ писателямъ, мы принуждаемъ себя отъ нихъ уклоняться, особиться, думать и писать иначе. Но какъ они держались кореннаго языка своего, почерпали искуство слова изъ древнихъ великихъ учителей краснорѣчія, наблюдали въ сочиненіяхъ своихъ приличіе слоговъ, силу словъ, ясность выраженій и чистоту нравовъ; то идти съ ними инымъ путемъ было бы дать имъ совершенное надъ собою преимущество. Отсюду, кажется мнѣ, съ одной стороны приманчивость новаго пути, не сопряженнаго (какъ-то изъ многихъ нынѣшнихъ сочиненій видѣть можно) ни съ такимъ ученіемъ и трудолюбіемъ, ниже съ такими строгими правилами нравственности; а съ другой внутреннее убѣжденіе, что сей новый путь не можетъ въ глазахъ разума и добродѣтели равняться съ старымъ, побудили нѣкоторыхъ прибѣгнуть къ неблагоразумному способу, состоящему въ томъ, чтобъ отвергая всякое въ нихъ достоинство, а въ себѣ возвышая даже заблужденія

и погрѣшности, однѣми насмѣшками и пустыми словами увѣрять всѣхъ въ томъ, въ чемъ не льзя иначе увѣрить, какъ истиною и здравымъ разсудкомъ. Какая польза въ семъ состязаніи, не могущемъ никогда имѣть успѣха? ибо для превращенія хорошаго въ худое, или худаго въ хорошее, надлежитъ перемѣнить умъ и природу человѣческую, до чего мы не достигнемъ, и достигнуть нѣтъ ни пользы, ни славы. Спорить съ истиною и разумомъ, мнѣ кажется, есть тоже, что строить башню для сраженія съ небесами. На что намъ уничижать языкъ свой, и прежнихъ писателей! Презрѣніе къ нимъ не доставитъ намъ почтенія. Вмѣсто словъ и хвастовства станемъ лучше стараться превзойти ихъ дѣлами. Покажемъ въ себѣ проповѣдника и оратора, краснорѣчивѣйшаго, чѣмъ Ѳеофанъ; сатирика, остроумнѣйшаго, чѣмъ Кантемиръ; лирика, возвышеннѣйшаго, чѣмъ Ломоносовъ и Державинъ; поэму превосходнѣйшую, чѣмъ Россіяда и Владиміръ: тогда безъ всякаго ихъ уничиженія мы превознесемся. За что *запирать ихъ въ худыя школы*, а себя помѣщать въ золотые чертоги? Долго ли мы въ нихъ проживемъ? Ежели мы станемъ выгонять ихъ за старостію изъ храма Славы, то и насъ, можетъ быть еще съ меньшимъ правомъ поселяющихся въ ономъ, скоро вы-

гонятъ. Чтожъ при такихъ перемѣнахъ будетъ съ языкомъ нашимъ и словесностію? Сими ли непостоянными и шаткими мыслями пріобрѣтаются знанія, умножаются полезные труды, и растетъ слава писателей? Я думаю въ словесности старость и новость ничего не значатъ; ибо умъ никогда не старѣется. Требовать отъ писателя за двѣсти или болѣе лѣтъ, чтобъ онъ говорилъ точно сегоднишнимъ языкомъ, есть такая же несправедливость, какъ хотѣть, чтобъ столѣтній старецъ одѣтъ былъ по образцу щеголеватаго юноши. Платье его, хотя бы и не обыкновенное, долженствуетъ быть почтенно по его уму, а не умъ по платью. Смѣяться въ какомъ нибудь многотрудномъ и полезномъ сочиненіи надъ нѣсколькими словами или выраженіями, не хуже, но только различно отъ нынѣшнихъ сказанными, и весь трудъ его, весьма похвальный и полезный, за сіе единое уничижать, есть дѣло не ума и знанія, но легкомыслія и невѣжества. Ставить новую, хотя бы и прекрасную, гремушку выше старой трубы; новую, хотя бы и остроумную эпиграму, выше старой поэмы; предпочитать здравымъ и благонравнымъ писаніямъ кривые толки, непонятныя и часто безнравственныя умствованія, для того только, что онѣ новымъ слогомъ писаны, думаю, никогда не

можетъ быть общественно всѣми принято и уважаемо. Кто споритъ, чтобы нынѣшняя наша словесность не имѣла своихъ достоинствъ и можетъ быть нѣкоторыхъ новыхъ цвѣтовъ, новыхъ пріятностей; но ежели сіи пріятности заведутъ насъ въ такое несправедливое и тщеславное о самихъ себѣ мнѣніе, что мы, избѣгая всякихъ трудовъ, презирая все старое, и съ малыми знаніями почитая себя новыми и совершенными людьми, станемъ легкія сказочки и складныя пѣсенки свои предпочитать всѣмъ бывшимъ до насъ умамъ и произведеніямъ: то сомнительно, чтобъ въ послѣдующія времена стали объ насъ говорить то, что мы нынѣ сами о себѣ съ такою надменностію говоримъ. — Сіи разсужденія наши отнюдь не клонятся къ тому, чтобъ отнять достойную честь у многихъ нынѣшнихъ писателей, по справедливости дарованіями своими отличныхъ; но не касаясь частности, вообще сказать можемъ, что ежели, по словамъ Французскаго судіи о нашей словесности, прежнія понятія о старыхъ нашихъ писателяхъ были увеличены (exaltées): то чтоже скажемъ мы объ *экзалтаціи* его головы, заключившей всѣхъ ихъ dans quelques mauvais livres d'école? Таковыя объ насъ возвѣщенія чужестранцамъ не послужатъ намъ къ чести, и не дадутъ

имъ того справедливаго понятія, которое бы они изъ самаго существа нашихъ твореній, естьли не въ подлинникахъ, такъ по крайней мѣрѣ въ переводахъ, получить могли.

Конецъ четвертой части.

